

В.А.Тарасов-Слишин

*Исповедь колдуна. Трилогия.
Том 1. Юрий Ведунов*

Фантастический роман. Библиотека
Советской Литературы

16+

Виктор Анатольевич Тарасов-Слишин

Исповедь колдуна.

Трилогия. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48535899

SelfPub; 2020

Аннотация

Исповедь колдуна. Том 1. Юрий Ведунов. Повествует о любовной драме, развернувшейся в семейной жизни зрелого мужчины. Которая послужила катализатором психо-физической метаморфозы его личности. После которой герой трилогии становится Белым колдуном. Роман частично основан на реальных событиях, идее и записках моего отца, Тарасова Анатолия Николаевича (1939-2012). Посвящается всем жителям Заполярной Дудинки и Норильского Промышленного Района. Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	63
Глава 5	84
Глава 6	107
Глава 7	132
Глава 8	157
Глава 9	176
Глава 10	199
Глава 11	217
Глава 12	246
Глава 13	267
Глава 14	291
Глава 15	311

Пролог

Вот и наступил самый решительный момент в моей жизни, которого я так боялся и о котором меня предупреждала мудрая старая женщина. Именно сейчас я должен окончательно решить: Кто я? Человек и мужчина или размазня, который не способен постоять за свою семью? Как я сейчас должен поступить? Притушить свою боль и попытаться простить человека, который походя топчет все святое, что еще осталось в моей душе?

Он сейчас далеко от меня и уверен в своей полной безопасности. Не догадывается о том, что я вижу его, пусть не собственными глазами. Умен этот человек. Расчетлив. Считает, что полностью обезопасил себя от встречи со мной. Умело дал понять женщине о письме, сделавшем ее возвращение в Дудинку почти невозможным.

Он сидит на знакомой мне веранде, неторопливо прихлебывает горячий чай из фарфоровой кружки. Все учел. Все предусмотрел: и мою реакцию на письмо, и смятение узнавшей о письме женщины. Не учел только одного – не знал, что я не совсем обычный человек.

Я тоже сижу в своей, опустевшей с недавних пор, квартире и тоже пью чай, вернее просто держу в руках давно остывшую кружку. На моей кухне полумрак, задернуты двойные плотные шторы. Кухонная обстановка кажется мне призрачной. Все «забывает» изображение, посылаемое мне глазами двойника: ярко освещенная веранда и человек за ее стекла-

ми с кружкой в руке. Я вижу эту картину сверху, в непривычном для меня ракурсе. Вижу так, словно смотрю одним глазом в визир фотоаппарата, но удивительно четко: вижу, как шевелятся его губы, как он ласково улыбается подошедшей к нему маленькой хрупкой женщине, и вижу, как она улыбается в ответ.

– Мразь! Подлец! – шиплю я сквозь стиснутые зубы, терзаемый муками ревности. – Даже не догадываешься, подлая тварь, что ты полностью в моих руках! Стоит мне захотеть и с тобой в любой момент может произойти все самое плохое, что только смогу придумать! Могу искалечить. Убить. Могу хоть сейчас лишить тебя разума и памяти. Могу заставить совершить самый нелепый, самый дурацкий поступок.

Не делаю я этого сейчас только потому, что рядом с тобой находится женщина, которой я не желаю зла. Я подожду, когда ты останешься один и сядешь в свою машину. Только тогда я сомну твою волю и отдам сознанию короткий и четкий приказ:

– Забудь Светлану! Забудь, что ты приезжал в Смирно! Забудь навсегда!..

В старые времена таких людей, как я, считали колдунами и чародеями. Их почитали и боялись, их сжигали на кострах инквизиции, им приписывали самые немислимые умения. Старинные предания говорят о том, что люди, подобные мне, могли превращаться в любое дикое животное, могли управлять погодой, летать, вызывать себе на помощь демонов по-

тустороннего мира. Предания ошибались во многом. Люди, подобные мне, не превращались в зверей и птиц. Они просто умели овладевать их сознанием, могли заставить совершать необычные для зверя поступки.

Я тоже знаю, как это сделать. Знаю, как нужно читать мысли, подчинять своей воле чужое сознание, предвидеть грозящую мне опасность, лечить и еще многое другое. И еще я полностью уверен в том, что кроме всего перечисленного могу принести много хлопот и несчастий окружающим меня людям. По крайней мере, я знаю одного человека, которому я до сих пор желаю зла...

Сорок три года своей жизни я прожил совершенно обычным человеком. Не подозревал, что за моей черепной коробкой скрывается что-то необычное, аномалия мозга, которая терпеливо ждет своего часа. Раньше, когда мне приходилось слышать или читать о людях, обладающих необычными способностями: всяких там экстрасенсах, целителях, чудо-счетчиках, телепатах, я немного завидовал таким людям, вернее их способностям. Да-да, мелькала у меня такая скользкая мыслишка: не плохо бы и мне родиться экстрасенсом или телепатом.

Теперь я на собственном опыте убедился, что может чувствовать такой человек, какой это тяжелый груз, если только он не шарлатан, или не умеет владеть мысленным блоком. Ощущать «это» в себе ежечасно, ежеминутно, вздрагивать от ворвавшегося в сознание чужого, бесплотного голо-

са, смешавшего в хаотический клубок ваши мысли, мучаться дикими головными болями во время грозových разрядов, постоянно глушить в себе гул сотен и тысяч таких голосов днем и ночью, принимать, не отдавая себе отчета, посылаемые чужими сознаниями зрительные образы... Что может быть ужаснее? И, главное, что хуже всего – постоянно молчать, стараться не выдать себя другим людям и особенно своим близким, потому что и то, и другое будет для всех плохо.

Представьте себе, что ваш брат или близко знакомый вам человек может запросто читать ваши мысли, а при желании, влиять на вас, что кто-то может заставить вас совершить поступок, который вы вообще не собирались делать. Ни один человек не сможет чувствовать себя уверенно, если будет знать, что рядом находится «некто», умеющий читать и направлять его мысли!

Это одна сторона проблемы. С другой стороны – вы можете поверить во все эти чудеса? Я, например, до сорока трех лет не верил. Считал, что телепатия – это что-то такое, на грани фантастики. То ли есть, то ли нет. Лично не сталкивался, а там – кто его знает... Пусть во всех таких делах ученые разбираются.

И разве мало в нашей стране людей, подобных мне, томятся в психушках, накачанные психотропными препаратами, потерявшие разум и память? Нет, лучше молчать, не перекладывать на родных и близких свои проблемы, решать самому. Как у вас это получится – другое дело.

Глава 1

Странности начались со мной летом в отпуске, когда я увез детей на материк, к своей матери, в небольшой городок под Красноярском. Через несколько дней после приезда мать загнала меня для какого-то ремонта крыши нашей «фазенды» на хлипкую лестницу. Поднявшись по лестнице, я обломил подопревшие перекладины и сверзился с самого верха. Грохнулся я здорово, врезался головой в доски завалинки и потерял сознание.

Позже мать утверждала, что переносная лестница была нормальной, а это я до безобразия отяжелел за последние годы, распустил живот и обленился до невозможности. Доля правды в словах матери была – не буду спорить. Я действительно набрал за последнее время несколько килограммов лишка. При росте метр девяносто один, я в лучшие свои годы после армии и когда занимался спортом, имел вес около девяносто восьми килограммов. Теперь далеко перевалил за сто.

Очнулся я от дикой боли, разламывающей голову и от воя ребятишек, гладивших меня по лицу.

– Папочка, не умирай! Папочка, поднимайся, не закрывай глазки!..

Я открыл глаза. Лица ребятишек плыли, казались огромными. Они стояли на коленях рядом со мной, причитали и

плакали. Глаза детей были полны слез и страха. Дочка дрожащими пальчиками гладила меня по щеке. Володя стоял рядом с ней и широко раскрытыми глазами смотрел на меня. В них застыло безмерное удивление: Как это может быть, что папа, такой большой и сильный, вдруг улегся на земле и лежит беспомощной, неподвижной глыбой?

Я застонал и снова закрыл глаза. Мне было плохо. В голове стоял шум, звон, какое-то странное бормотание. Очень хотелось тишины, покоя, одиночества, чтобы наедине с собой переждать боль. Но дети теребили, не давали вновь уйти в спасительную тишину беспомысленности.

– Папочка, не закрывай глазки! Вставай, миленький!

И снова плач дочки. Истерический, захлебывающийся. Я пересилил себя и с трудом сел, прислонившись к завалинке. Поднял руку, ощупал голову. Под пальцами было что-то липкое, теплое. Кровь – понял я – рассадил башку о доски. Теперь шишка обеспечена. Хоть бы сотрясения не было!

Я постарался сосредоточиться, волевым усилием приглушить терзающую меня боль. Раньше, в армии, это у меня неплохо получалось. В первый армейский год службы наш сержант научил весь взвод умению снимать болевые ощущения. Боль послушно начала уходить, отделенная от головы плотной мысленной повязкой, стянувшись в маленькую раскаленную точку.

Со мной остался только странный шум, который не утихал, несмотря на все мои усилия. Теперь это был, скорее, гул,

похожий на шум морского прибоя, со своими приливами и отливами. На гул накладывались многоголосые бормотания.

– Папа, с тобой все в порядке?

Я посмотрел на Юлю. Странно, ее личико, как и лицо сына, было покрыто тончайшим слоем прозрачного тумана, чистого зеленоватого цвета, и по этому туману проскальзывали призрачные красные волны. Зеленым туманом были покрыты не только лица ребятишек, но и руки, и вообще все открытые участки тела, выглядывающие из-под одежды.

– Когда это вы успели покраситься? – морщась спросил я.

Мы не красились. – удивленно ответила дочь.

Я почти не разобрал ее ответа сквозь гул, заполняющий мою голову.

– Папочка, ты жив? Значит, ты не умрешь? – спросил сын.

– Жив. – ответил я и тяжело поднялся на ноги, продолжая руками придерживать гудящую голову. – Лучше сбегайте в дом, принесите полотенце.

Дочка стремглав помчалась к дверям нашей развалюхи, которую мать, после просмотра по телевизору «Рабыни Изауры», называла только «фазендой».

– Бабушка где? – спросил я оставшегося со мной Володю.

– Она сказала, что побежала звонить... Баба очень испугалась, папа.

За скорой побежала – понял я. Взяв принесенной дочкой полотенце, я пошел к двери, ведущей в дом. Все-таки я здорово приложился к завалинке головой, потому что меня

на ходу пошатывало, а перед глазами возникла прозрачная муть.

– Пойду, лягу, – сказал я ребятишкам, – А вы играйте пока здесь, во дворе. Договорились? Меня не беспокойте, ждите бабушку.

Не разуваясь, я прилег на заправленную постель и постарался расслабиться. Окна в фазенде были закрыты ставнями и поэтому в комнате было темно и прохладно. К моему удивлению шум в голове не утих, а невнятное бормотание даже усилилось.

– Марья, сходи в магазин за хлебом, – ясно различил я в этом бормотании чей-то бесплотный голос. – Купи одну булку, да не задерживайся!

– Сейчас, мама. – прорезался другой, тоже бесплотный ответ.

Этого мне только не хватало! – подумал я. – Уже голоса начали чудиться... Схожу с ума?

Я почувствовал, как меня охватывает страх. Впечатление было такое, будто я нахожусь в огромной людской толпе, где всякий толкует о чем-то своем и я слышу сразу сотни голосов, сливающихся в невнятный гул, из которого до моего сознания доходят только обрывки фраз или отдельные слова.

– Мишка, тащи ее проклятую, не...

– Деньгами нынче можно туалеты оклеива...

– Глазищи ей выцара...

Когда в комнату вошла запыхавшаяся мать, я лежал, за-

жав голову обеими руками, и изо всех сил старался ничего не слышать, хотя это у меня плохо получалось.

– Как ты, Юра? Обошлось? – задыхаясь спросила она. – Пыталась вызвать скорую, но ее в наше время можно дожидаться только после смерти!

Появление матери помогло мне справиться с приступом страха и взять себя в руки.

– Голова немного побаливает, мама. – пробормотал я. – Скоро отлежусь, только посплю немного. Ладно?

Но уснуть в это день, ни в другие, следующие за ним дни, мне так и не удалось. Проклятый гул, грохот, смутные, полупрозрачные картины то и дело возникали в моем сознании, не давая отдыха. Сначала я был полностью уверен в том, что после ушиба стал страдать слуховыми и зрительными галлюцинациями, что это, возможно, начало душевного заболевания, но постепенно пришел к выводу, что это не совсем так.

Удар головой о доски завалинки, сильное сотрясение перетряхнуло нейроны моего мозга, заставило их соединиться каким-то другим образом, и мозг, в результате, приобрел новые возможности. Представьте себе старый, испорченный приемник, который вдруг ожил и стал принимать все радиостанции мира на одной волне. Представьте и какофонию, которая слышится из динамиков такого приемника!

Сквозь постоянный шум, плещущийся в моем сознании, я плохо слышал детские голоса, когда ребяташки разговаривали со мной в одной комнате. Когда они уходили в дру-

гую комнату, я слышал детские голоса значительно лучше. Иногда перед моим мысленным взором возникали картинки: Маленькая детская рука старательно выводит на плотной бумаге контуры странных зверей, птичек, синие деревья и так далее. Я входил в другую комнату и видел, как Юля продолжает рисовать то, что я наблюдал, сидя в другой комнате. Таким образом я постепенно понял, что у меня не галлюцинации, а нечто другое. То есть то, что принято называть словом «телепатия».

Таким вот образом я из нормального человека превратился в того, кем стал. Поймите меня правильно – я вовсе не гордился этой, вдруг проснувшейся, способностью. Скорее наоборот, я стал чувствовать себя ущербным человеком. А тут еще этот постоянный шум, не дающий возможности сосредоточиться. Вспышки яркого света, постоянно возникающие в сознании призрачные картины, накладывающиеся на то, что я вижу на самом деле.

Взбесившийся, приобретший новые свойства мозг постоянно ставил меня в неловкое положение. То я отвечал детям и матери на незадаанные вопросы, путал собственные мысли с чужими, иногда вскрикивал от дикого грохота, возникающего в сознании. Самое страшное – я не мог заставить себя уснуть хотя бы на несколько минут. Невозможность заснуть в первые дни доводила меня до исступления. Спать хотелось так, что я с трудом удерживался, чтобы не разбить голову о стену. На четвертый день такой жизни я настолько измучил-

ся и отупел, что не знал толком: хочу я жить или нет.

Со слоем цветного тумана вокруг общающегося со мной человека, я разобрался быстро. На второй день после травмы понял, что этот туман и его окраска связаны каким-то образом с энергетикой организма и эмоциональным состоянием разговаривающего со мной человека. Конечно, цвета не были абсолютно чистыми. Они постоянно меняли свою интенсивность, смешивались, бежали волнами. Скоро мне стало понятно, что зеленый цвет – означает любовь и доброжелательность. Серый – равнодушие. Красный цвет означал испытываемый человеком страх и опасность. Люди честные и чистые душой всегда были для меня окрашены голубоватым ореолом необыкновенной прозрачности. Так что моя травма помогла мне приобрести способность не только чувствовать, но и видеть эмоции окружающих.

На четвертый день позвонила из Дудинки жена и я только огромным усилием воли смог сделать так, чтобы мой голос звучал как обычно и она ничего не заметила. Помогли дети, буквально выхватившие у меня из рук телефонную трубку. Наперебой они сообщали маме, как они дружно ходят с бабушкой на фазенду и помогают там кормить Дуську, поливают грядки и лакомятся первыми ягодами смородины.

В конце концов, я помирился бы с аномалиями своего нового человеко-видения, если бы не постоянный шум в голове. На шестой день я не выдержал. Выпросил у матери упаковку димедрола и разом проглотил все таблетки. Они по-

действовали не сразу. Сначала я почувствовал как пропадает, становится слабее, измучивший меня гул, а потом медленно погрузился в блаженное небытие...

Мать, не в пример ребятишкам, видела, что мне в последнее время приходится не сладко. Я не говорил ей о причине моих мучений, объяснял все головной болью, молчал, но внешний вид все равно говорил лучше моих слов. В первый день она привела ко мне нашего соседа по лестничной площадке – врача. К моему удивлению, спокойный толстячок, сосед Сашка, оказался врачом – травматологом. Он обнаружил у меня легкое сотрясение мозга. Совет несколько дней полежать я принял, но даже соседу не рискнул рассказать правду.

Упаковка димедрола помогла. Я проспал всю ночь и день. Проснулся только вечером. В квартире было тихо. Видно мать, жалея меня, не дала детям меня будить и, от греха подальше, ушла с ними на фазенду на целый день.

Я поднялся с постели, чувствуя себя бодрым и хорошо отдохнувшим. В широкое окно комнаты било солнце. За окном виднелась чистая голубизна неба. Я неторопливо прошел в ванную, умылся и вышел на кухню, прислушиваясь к собственным ощущениям. Шум в голове исчез. После суточного сна измученное сознание нашло способ избавиться от помех и теперь в нем царила благодатная тишина.

Выздоровел! – обрадовался я. – Слава тебе, господи!

Впервые за последние дни я почувствовал зверский аппетит и стал шарить в холодильнике материны заначки. За дверью квартиры послышался звук шагов, скрежет поворачивающегося в замке ключа и скрип открывающейся двери. Первой вошла дочка.

– Папочка! – закричала она, увидев меня на ногах. – Ты проснулся. Нам баба не дала тебя будить! – и она бросилась ко мне.

Пока Юля не видела меня, цвет ее лица и рук был нормальным. Но стоило ей увидеть меня, как дочкино личико покрылось нежным, с переливами, зеленым облачком. Я вздохнул. Цветоощущение осталось аномальным. Ладно. Пусть будут вокруг людей цветные облачка. Главное, исчез ужасный шум чужих мыслей в сознании. Я наклонился, поднял дочь на руки, прижал к себе. Тут же ко мне на руки запросился Володя.

– Все в порядке, маленькие! – сказал я детям. – Можете считать, что папа выздоровел!

Мать с сомнением посмотрела на меня, но мой вид успокоил ее. Тем более, что я с жадностью набросился на еду. В следующие дни я, совсем было, успокоился. Странные цветные ощущения и светящиеся ореолы вокруг людей почти не мешали мне жить и я решил, что выпутался. Оказалось, что я ошибся. Беда пришла с другой стороны и коснулась она сына.

Случилось это примерно через неделю после того, как я

избавился от шума. Мы были на фазенде и задержались там с делами до вечера. Ребятишки играли во дворе, а я сидел в сарайчике перед раскрытой дверью и насаживал топор на новое топорщице.

Внезапно обстановка сарая и инструмент, который я держал в руках, исчезли. Все заслонило четкое видение огромных коровьих рогов, широченного коровьего лба в шерстяных завитушках, которые стремительно надвигались на меня. Невольно оторопев, я услышал задыхающийся шепот сына:

– Коровка, не надо. Не бодай меня... – и тут же пронзительный крик: – Па-апоч-ка!..

Я почувствовал, что лежу на асфальте улицы, что меня с каждой секундой все сильнее прижимает к нему огромный коровий лоб, как хрустят под навалившейся тяжестью ребра.

– Папочка! – прошептал сын.

И картина, заслонившая от меня действительность, стала меркнуть. Я понял сразу, что проследил, как сын открыл калитку и удрал на улицу. Выскочил из нее именно в тот момент, когда по улице возвращалось домой стадо. Здесь, на окраине Уяра, многие хозяева держали скот: коров, овец, коз. Каждый вечер стадо шло по нашей улице, и я знал, что в нем есть пара коров с дурным нравом, наверняка, на сына напала одна из них.

Когда видение стало меркнуть, отчаяние охватило меня. Я не задумывался над тем, каким образом оно вошло в мое

сознание. Я просто знал, что все это происходит в действительности. Сын терял сознание, а я находился слишком далеко, чтобы успеть помочь. И тогда, не задумываясь над тем, что я делаю, я собрал в кулак всю свою силу и толкнул ею в коровий лоб!.. Позже соседка, которая видела все, что случилось с сыном, утверждала, что ее Майка отлетела от лежащего на асфальте ребенка, как будто отброшенная в сторону нечистой силой и, замычав от боли, опрокинулась на спину.

Я же вскочил с места и помчался на улицу со всей возможной скоростью. Сын действительно лежал на асфальте улицы, а метрах в семи от него валялась на обочине светло-серая корова, которая мычала и болтала в воздухе копытами. К сыну с причитаниями спешила соседка баба Дуся, но я опередил ее. Володя лежал на асфальте бледный, с закрытыми глазами. Он был без сознания. Я подхватил сына на руки и понес его к своей калитке. На душе творилось черт-те что. Пока я нес сына, он пришел в себя и я услышал тихие всхлипывания.

Недаром говорят в народе: пришла беда – отворяй ворота! С того дня моего сынишку как подменили. Он стал на удивление тихим, робким, редко улыбался и совершенно перестал проказничать. Теперь он часами сидел в уголке и его не было слышно. Все это мне очень не нравилось, но что я мог поделать? Приглядываясь к Володе, я все чаще замечал в окутывающем его прозрачном облачке черную тень глубо-

ко скрытого в подсознании пережитого ужаса.

На третью ночь начался кошмар, который перепугал меня окончательно. Мы, все трое, спали в маленькой комнате, выходящей окнами на восточную сторону пятиэтажки, на двух кроватях. Около двух часов ночи я проснулся от дикого крика. Кричал Вовка. Я соскочил с постели, зажег в комнате свет, поймал падающего с кровати сына. Он не узнавал меня, кричал, закатив глаза, ужем выскальзывал из моих рук. Я не мог его удержать. Сын извивался, выворачивался с неожиданной силой и визжал от преследующего его ужаса.

То, что я смог принять из его сознания, подавленного кошмаром, не поддается описанию. Какие-то желто-красные спирали, вращающиеся со все возрастающей скоростью и сопровождающий это вращение все усиливающийся ужас. Когда сын обессилел настолько, что не мог больше кричать, он на минуту пришел в себя, посмотрел на меня тусклыми глазами.

– Папа! – прошептал он слабым голосом. – Не уходи от меня. Мне страшно, папа.

И тут же провалился в сон, больше похожий на обморок. Лишь после этого я увидел рядом с собой налитые страхом глаза Юлии и встревоженное лицо матери.

– Папочка, почему Вова так страшно кричал? – спросила дочь.

– Испуг выходит, внуча. – ответила за меня бабушка. – Пойдем, Юленька, со мной. Будешь спать со мной рядыш-

ком. А папа будет спать с Володей.

Когда дети уснули, мы с матерью сошлись на кухне и решили, не откладывая дела в долгий ящик, завтра с утра идти с сыном в больницу. В больнице, как это повелось у нас в последние годы, врача-психотерапевта не оказалось. Я обратился к соседу, но и он ничем не смог помочь. Внешне сын выглядел здоровым, ни на что не жаловался и врачи ничего у Володи не обнаружили. Зато я ясно видел черную тень на личике сына. Мать успокаивала меня, говорила, что ночной приступ больше не повториться, но мне не верилось.

Приступ повторился через ночь. И опять было то же самое. Крик, стремление убежать, забиться в щель и такое же изнеможение. Приступ длился пять минут, но когда он закончился, мы оба с сыном были вымотаны до предела. Сил у меня едва хватило, чтобы уложить его в постель и самому выползти на кухню. Мать села со мной за стол.

– Врачи не помогут, Юрий. – сказала она. – Не умеют наши, уярские, лечить испуг. Думаю, красноярские – тоже. Завтра с утра похожу по соседкам. Может быть кто из них подскажет адрес бабки-знахарки... Ты, Юрий, не смейся! Испокон веку на Руси были знахари, которые лечили народ.

Мать ошибалась. Я не собирался смеяться. Всю сознательную жизнь меня воспитывали так, что я не верил в знахарство и уж тем более в колдовство. Но случившееся со мной сильно поколебало это неверие. Кроме того, речь шла о здоровье, а возможно, о жизни сына, поэтому я не мог возра-

жать и тем более смеяться.

Утром мать ушла и вернулась только к обеду.

– Как, мама? Удалось? – спросил я ее.

– На знаю, что сказать, сынок. – ответила она. – Записала вот три адреса старушек, когда-то живших в соседних деревнях. Только никто не уверен – живы те старушки еще или нет. Заводи свою Ниву и постарайся найти хоть одну из них.

В последние дни я с тревогой ожидал звонок из Дудинки. Что я скажу Светлане, если она позвонит? Как объясню то, что произошло с сыном? Умолчать? А если Вовке станет хуже? Сорвать женщину с работы, посеять панику. Чем она сможет помочь?

Я быстро поел и последовал совету матери. Но в этот день мне не повезло. Когда я приехал в Успенку, что стоит слева от тракта, ведущего из Уяра в Заозерку, мне пришлось долго колесить по улицам, расспрашивая прохожих, где живет бабка Акулина, которая умеет лечить детей. Молодые в ответ только усмехались и пожимали плечами.

Наконец, возле универмага попалась женщина, которая на мой вопрос ответила, что знает или, вернее, знала, так как бабушка Акулина уже два года, как похоронена на местном кладбище, а больше у них в Успенке таких людей нет.

Пришлось садиться за руль и ехать в другую деревню, где жил старик, который, по слухам, умел лечить испуг. Там я узнал, что дед Кузьма еще прошлой осенью продал свой дом и уехал к сыну под Абакан. Нового адреса деда Кузьмы со-

седи не знали.

Расстроенный неудачей, я к вечеру вернулся домой, поставил машину в гараж и стал с тревогой ожидать ночи, решив утром съездить по третьему адресу.

Когда дети уснули, я сел возле Володиной кровати, решив не пропустить начало приступа. Видимо, я задремал, потому что не сразу заметил начало. Настроившись на эмоциональное восприятие душевного состояния сына, я провалился в темную глубину детского медленного сна. Вдруг у меня возникло странное ощущение: стали расти, медленно увеличиваться в размерах и наливаться тяжестью руки, ноги, туловище. Росли пальцы рук, кисти, становились огромными, как бревна, ноги. Правая кисть руки, лежавшая на груди, выросла так, что я стал задыхаться под ее тяжестью. Сердце медленно стучало в огромной грудной клетке, а перед глазами из мрака вдруг выросли огненные спирали и начали свое медленное, затягивающее вращение. Вращение спиралей убыстрялось, становилось стремительнее, затягивало все сильнее. Я почувствовал непонятный страх.

Очнулся я от крика сынишки, схватил худенькое, извивающееся в конвульсиях тельце и прижал к себе, изо всех сил борясь с нарастающим ужасом в сознании сына, стараясь ослабить его воздействие и успокоить. Мне удалось ослабить начало приступа и в том, что я не довел дело до конца, виновато мое неумение. Как я понимаю теперь, мне нужно было поставить между нашими сознаниями гасящий обратную

связь фильтр. А так ужас захлестнул и меня, смяв волю.

В Иннокентьевку я приехал рано утром и два часа мотался по улицам. Наконец получил ответ: умерла Ефросинья Дмитриевна. Три года назад. Я метнулся в Вершино-Рыбное, потом в Ивановку, потом в Партизанское, и везде отвечали одинаково: Не знаем. Нет у нас таких.

Когда я потерял всякую надежду и клял на чем свет стоит Советскую власть и партию, выведших под корень всех людей, обладавших древним знанием, ко мне подошла женщина средних лет и посоветовала заехать в деревушку со странным названием «Ной», находящуюся всего в шести километрах в сторону от Партизанского.

Деревушка, по ее словам, представляла собой всего одну, тянущуюся вдоль дороги, улицу и заблудиться в ней было невозможно. Мне следовало отсчитать четвертый дом по правую руку от начала и спросить Катерину Ивановну.

Поблагодарив женщину и почти не надеясь на успех, я все же сделал так, как мне посоветовали. В небольшом и опрятном домике не было никого и на мой стук никто не откликнулся. Убедившись, что во дворе нет собаки, я отворил калитку, пересек маленький дворик и заглянул в огород. В огороде окучивала картошку худенькая, модно одетая девица в джинсах, легкой блузке и белой косыночке, закрывающей голову от солнца.

– Девушка! – позвал я. – Скажите, где можно найти Екатерину Ивановну?

Услышав мой голос девушка выпрямилась и повернула ко мне голову. Невольно оторопев, я смотрел на темное старческое лицо с удивительно светлыми глазами. Во мгновение ока девушка превратилась в сухонькую, стройную старушку.

– Я Екатерина Ивановна. – сказала она, потирая руками поясницу. – Какое у тебя ко мне дело, молодой человек?

Запинаясь, я изложил свою историю. Екатерина Ивановна внимательно выслушала меня и долго молчала, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, затем подняла на меня свои светлые глаза.

– Давно не занималась таким делом. Нынешняя молодежь не верит в бабушкины заговоры. Ты, паренек, поди тоже не веришь?

– Когда припрет, так не только в бога, а и в черта поверишь, Екатерина Ивановна! – вырвалось у меня.

Она усмехнулась.

– Вижу, паренек. Чувствую твою тревогу. Весь идешь красными сполохами. Ты вот что. Вези своего парнишку сюда. Приезжайте дня на три. Сама я никуда ехать не могу. Хозяйство.

Я согласился и как на крыльях полетел домой в Уяр, терзаясь попеременно то надеждой, то сомнениями. Сборы были недолгими и уже к пяти часам вечера мы с сыном снова были у Екатерины Ивановны. Баба Катя, как она попросила себя называть, поселила нас с сыном в чистенькой боковушке, накормила по-деревенски и после захода солнца присту-

пила к лечению. Что это было? Я не знаю, как можно объяснить обычному человеку.

Баба Катя поставила Володю перед собой и несколько минут пристально глядела на него, шевеля губами и что-то бормоча про себя. Затем она провела руками над головой сына, не касаясь тела, сбрасывающими движениями опускала кисти рук вниз, тихонько приговаривая:

– Сильно напугался, парнишечка. Сильно... Ишь, как чернота прет – пробивает! Да не бойся, Володенька! Мое лечение боли не приносит. Баба Катя укольчиков не ставит. Все ладно будет. Сполохи...

Она говорила еще что-то, но я не понимал, что она говорит и потому постепенно перестал вслушиваться в журчащий, успокаивающий голос. Что я видел? Свет в комнате включен не был и я отчетливо различал в сгущающемся сумраке два силуэта: Володин и бабы Кати. Облачко, светящееся вокруг тела сына, было тусклым. По нему бежали темные тревожные полосы, разрастались бесформенными кляксами. Изредка пробивало красным. «Сполохи» – вспомнились мне слова бабы Кати, значит, она тоже их видит?

Вокруг Екатерины Ивановны светящееся облачко было яркого, насыщенного голубого цвета. Оно не было неподвижным. Облачко жило, мерцало, переливалось. Его пронизывали золотистые искорки. Баба Катя протянула руки и ее мерцающий ореол коснулся тусклого ореола сына, соединился с ним, вступил в сложное взаимодействие, как бы под-

питывая его своей энергией. Голубые сполохи перескочили от бабы Кати на тусклое облачко сына и заставили его светиться интенсивнее. Тревожные черные полосы и пятна отступали, сокращались в размерах. Резонанс биополей или этих... как их... аур! – пытался я дать всему, происходящему на моих глазах, хоть какое-то объяснение.

В последние дни до несчастья с сыном я пытался подыскать литературу, хоть как-то объясняющую происходящее со мной. Копался в старых подшивках «Техники-Молодежи», где описывался феномен Розы Кулешовой, потом наткнулся на описание опытов Нинель Кулагиной и где ее, в конце, объявили шарлатанкой. Я рылся в читальном зале городской библиотеки, отыскивая упоминания об экстрасенсах, телепатах, колдунах и ведьмах.

После несчастья с сыном мне стало не до изысканий. Все отодвинула в сторону эта беда. Собираясь в дорогу с сыном, я не был уверен в эффективности будущего лечения. Но сейчас у меня возникла надежда на благополучный исход.

Сеанс взаимодействия биополей длился не больше пяти минут. Я думал, что все на этом закончится, но Екатерина Ивановна включила электроплитку и поставила на нее жестяную кружку с чем-то, напоминающим воск, а на стол – ковш с холодной водой.

– А это для чего? – спросил я.

– Буду сейчас испуг выливать воском. – объяснила Екатерина Ивановна.

Она взяла ковш в левую руку, кистью правой плавно стала водить над водой, что-то нашептывая. Затем она взяла жестяную кружку и, держа деревянный ковш над головой сына, стала медленно лить расплавившийся воск в воду. Губы Екатерины Ивановны при этом все время шевелились. Я слышал, что она шепчет, но понимал мало. Странные слова, напоминающие древнерусские, странное построение фраз.

– Теперь смотри, Владимир. – баба Катя показала сыну причудливо застывший в холодной воде воск. – Видишь, твой испуг в воск уходит и в нем застывает?

– Вижу, баба Катя. – серьезно отвечал сын.

Я тоже видел, как между цветовой аурой сына и ковшом с застывшим куском воска бегут, как по мосту, черные кляксы, и исчезают в воде. Господи! – волновался я. – Если бы сам этого не видел – ни за что не поверил бы! А наши эскулапы считают народных целителей шарлатанами!

– Теперь, Юрий, ложитесь спать с парнишкой. – утомленно сказала Екатерина Ивановна. – Утро вечера мудренее. И не бойся. Сегодня приступа не будет.

Я сразу поверил. На все сто процентов. Сам не знаю, почему. Уходя с Володей в боковушку, я оглянулся и отметил, как облачко голубой ауры Екатерины Ивановны вдруг быстро потускнело, золотистые искорки поднялись вверх и образовали что-то вроде небольшого обруча золотистого цвета над головой старой женщины.

– Спокойной ночи, Екатерина Ивановна! – искренне по-

желал я бабе Кате.

Она не ответила, молча кивнула в ответ головой.

Уложив сына на железную кровать с никелированными шарами на спинках, я долго вглядывался в световое облачко, окутывающее его тело. Мне казалось, что оно светится ярче, чем в предыдущие дни. Черных клякс в нем стало значительно меньше.

Я примостился на кровать рядом с сыном и, хотя устал за этот суматошный день, долго не мог заснуть. Мысли перекакивали с одного на другое. Потом я вспомнил о золотистом ободке, вспыхнувшем над головой Екатерины Ивановны. Нимб – вспомнил я. – В точности такой, каким его рисовали на иконах над головами святых. Значит, в старые времена тоже были люди, способные видеть это чудо?..

Глава 2

Утром Екатерина Ивановна поднялась с трудом. Виновато улыбнулась нам с сыном и попросила сходить за соседкой, чтобы та подоила корову и управилась по хозяйству. Я сходил за соседкой, пожилой громогласной бабкой, которая едва узнав причину, осуждающе покосилась на меня:

– Ухайдакали Катерину, язви вас!

– Как это ухайдакали? – не понял я.

– Да так, парень. Думаешь, легко в таком возрасте лечить робятишек? Силов-то у ней, поди-тко, совсем мало осталось, чтобы волхованием заниматься. Чай не молоденька!

– А сколько Екатерине Ивановне лет? – спросил я.

– С рождества Христова девяносто осьмой разменяла.

– Вот это да! – удивился я. – Никогда бы не дал Екатерине Ивановне больше шестидесяти... Я же не просто так! Заплачу. Я же не даром!

– А вот это, парень, ты вовсе зря! – строго сказала соседка. – Не вздумай Катерине деньги совать. Совсем обидишь.

– Как же мне тогда быть? Простите, не знаю, как вас по имени-отчеству?

– Капитолиной кличут. Бабой Капой зови. – усмехнулась соседка.

– Как же мне в таком случае быть, баба Капа?

– Это ты сам думай, парень. Но только деньги совать не

вздумай.

К моему облегчению, Екатерина Ивановна поднялась часа через три и принялась хлопотать по дому. Приняв к сведению предупреждение соседки, я старался не сидеть без дела. Починил вокруг огорода забор, заменил прогнившую доску на крылечке, поправил крышу на сеновале. Соседка, баба Капа, появившаяся после обеда, одобрила мою деятельность и, поманив пальцем к себе поближе, сказала:

–

Ты, парень, лучше вот что скажи – действительно Катерине помочь хочешь?

Я молча кивнул.

– Косить можешь? – продолжала баба Капа.

– Приходилось

– Вот и напросись ей сена покосить. Велико дело сделаешь.

Понял? Ей в такие годы косить не под силу.

– Понял, Капитолина Егоровна! Будет сделано. Только уговор – завтра покажете, где косить, и я потихоньку начну. А где литовку взять? Нужен девятый номер и косовище по росту.

– Этому горю я тебе, парень, помогу. – сказала баба Капа. – У меня после старого коса сохранилась в целости. Значит, умеешь косить?

Вечером, после сеанса лечения, уложив сына в постель, мы втроем уселись на кухоньке, пили чай, разговаривали. Екатерина Ивановна после сеанса больше молчала, зато ее

подруга оказалась хорошей собеседницей. Как-то спокойно и просто она рассказала мне историю своей жизни, которая произвела на меня тягостное впечатление. Просто не верилось, что в те далекие годы люди могли быть такими жестокими. Но судите сами:

...В начале тридцатых годов, когда у нас в Сибири началась коллективизация, муж Капитолины Егоровны считался крепким хозяином. Жили они с мужем в то время в деревне Ярцево, стоявшей на берегу небольшой таежной реки, впадающей в Ангару. Жили, как говорится, душа в душу, пока не пришла беда. Муж Екатерины Егоровны попал в список на раскулачивание. В конце весны, ночью, его арестовали и увезли в далекий Енисейск. С тех пор о своем муже Капитолина Егоровна ничего не слышала до сей поры.

Обычная для тех лет история! – подумал я. А старая женщина спокойно продолжала рассказывать.

В начале лета очередное заседание сельсоветчиков постановило: экспроприировать дом и хозяйство кулака и врага народа Брюханова К.В. Жену его выселить! Сказано, решено, записано и выполнено все это было с необыкновенной и циничной жестокостью. Молодой женщине не позволили взять с собой ничего абсолютно. Представляете? Таежная деревушка. Ни дорог, ни других поселков рядом.

В одном платышке, с двумя детьми ушла Капитолина Егоровна в таежную глухомань, не имея при себе ни одежды, ни еды. Не зная дороги, не понимая куда идет, питаюсь

только ягодой, которая начала поспевать, да иногда находя под кедрами прошлогодние шишки, брела она наугад с малолетними детьми. Марине, старшей, шел в ту пору четвертый год, а младшенькому Ивану не было года.

– Господи! – не выдержал я. – Неужели у тех сельсоветчиков не было ни сердца, ни стыда, ни совести? Ведь даже фашисты на такое не были способны!

– Ванька Спирын, председатель тогдашний, был большим, коммунистом по-теперешнему. Вернулся после германской газами травленный. Но со своей Липкой по ночам, видать, хорошо старался. Носила она ему кажен год по робятенку. А избенка у них была доперез того – развалюха. В тот год она у них совсем завалилась. Вот он нашу избу и занял. – спокойно ответила баба Капа. – Время, парень, такое было. Сурьезное.

– Ну и ну! – я только головой покачал. – Как же вам, баба Капа, в живых удалось остаться?

– Подфартило! – улыбнулась она. – Так подфартило, что по сю пору за тот фарт бога поминаю. За Кирьяна мово...

Неделю бродила Капитолина Егоровна по лесу, пока не набрела на охотничью избушку, спрятавшуюся на берегу таежного ручейка. И, конечно, осталась с детишками в избушке. Собирала ягоды, потихоньку подбирала припасы, оставшиеся в избушке. Так и прожила до конца летней поры.

Настала осень. Похолодало. По ночам пали первые осенние заморозки и молодая женщина стала постепенно при-

ходить в отчаяние. Припасы охотника давно кончились, да и сколько было тех припасов? И вдруг однажды под вечер дверь избушки со скрипом распахнулась и вошел ее хозяин. Обмерла от страха Капитолина. Выгонит, куда пойду с ребятами?

Охотник был молод, высок. Вошел в избушку, снял понюгу с плеч, посмотрел на женщину с прижавшимися к ней детьми и, не сказав ни единого слова, принялся вытаскивать из мешка продукты. Молча поев, охотник жестом пригласил к столу Капитолину с детьми, а сам лег на нары и уснул. Утром он поднялся и опять молча ушел куда-то, прихватив с собой одностволку и пустую понюгу. Вернулся быстро, часа через три. Принес соли, мешочек сухарей и двух матерых глухарей...

В этом для меня не было ничего удивительного. Я знал, что осенью, перед первым снегом, глухари вылетают из таежных дебрей на речные галечники и тщательно, камешек к камешку набивают зоб мелкой галькой, готовясь к зиме.

Оставив на столе глухарей и припасы, молодой охотник ушел. Прошло время. На землю упал снег, ударили морозы. Припасы, оставленные охотником, подошли к концу. С каждым днем молодой женщине все труднее становилось добывать дрова, чтобы приготовить еду и сохранить тепло. Обмотав ноги найденным в избушке рваньем, натянув на себя не менее рваную телогрейку, Капитолина выходила наружу, чтобы нарубить дров и принести воды. Она растягивала, как

могла, остатки еды, урезала свою долю и потихоньку слабела.

На пятнадцатый день к вечеру она с огромным облегчением услышала лошадиное фырканье и скрип под полозьями снега. Хозяин избушки приехал на санях с коробом набитым сеном. Все так же молча он вошел в избушку, закутал ее и ребятишек в тулупы и усадил в сани...

Рассказав мне все это, баба Капа долго молчала.

– А дальше что было, баба Капа? – не выдержал я затянувшейся паузы.

– Хозяйкой стала. В дому его, Кирьяна, значит. – тихо ответила она. – А на следующее лето, когда комсомол стал за меня Кирьяна прижимать, бросили мы с ним все, сели с ребятами в лодку, да махнули в Енисейск, а оттуда сюды, в Ной...

– Дьявол с хрябта, лешай тя знат, хозяин тебя заломай! Так, кажется, ругаются в ваших краях бабы? – пробормотал я, пытаюсь вспомнить ангарский говор. – А ребятишек ругают челядью.

– Точно! – подтвердила баба Капа. – Бывал, знать, в Ярцево?

– Двадцать лет назад был в Климино, Заледеево, Чадобце. В Ярцево побывать не довелось, хотя помню, что оно стоит верст сорок вверх по Чадобцу.

На рассвете следующего дня я вместе с бабой Капой ехал по заросшей травой лесной дороге в предгорья Саян и там,

на лесной поляне, заросшей нашим таежным разнотравьем, начал косить. Литовка ангарского охотника Кирьяна была действительно отменной. Из хорошей стали, хорошо отбитая, она с хрустом срезала траву и укладывала слева от меня на прокосе.

Я поставил свою Ниву недалеко, сразу же за кустами. Баба Капа показала мне поляну и сразу ушла к шалашу готовить немудрящий завтрак. Я же, настроив под свой рост косу, принялся за дело. Косилось легко, в охотку. Хорошо отрегулированная коса позволяла косить широко, в полный замах, когда основную нагрузку несут мышцы туловища.

Поймав самый выгодный для себя темп, я быстро двинулся вперед, оставляя за собой трех с половиной метровую полосу скошенной травы. В этот ранний час гнуса вокруг меня не было и, когда тело разогрелось, я сбросил с себя рубаху.

Косил я так, как учил меня когда-то мой дед, Гурий Иванович, бывший, по словам матери, выдающимся косцом. До сих пор помню его кряжистую, мощную фигуру и сильные руки, в которых коса казалась невесомой игрушкой, а сам процесс косьбы шуточно легким делом. Это дед догадался взять с собой на покос восьмилетнего парнишку. И не только взять, но и заранее подготовить для мальчика маленькую, прямо игрушечную косу с таким же маленьким косовищем.

– Смотри, Юрка, и учись, как косу нужно по себе настраивать. – поучал меня дед. – Ставишь косу вверх косовищем и меряешь. Ручку передвигаешь по косовищу, чтобы она вста-

ла аккуратно против пупа. Где твой пуп? Ага! А теперь затянем ремешок, закрепим ручку. Потом берем шнурок и измеряем расстояние до пятки косы. Оно должно быть одинаковым как до пятки, так и до носка. Теперь закрепляем косу кольцом и хорошо забиваем клин. Запомнил?

– Запомнил, деда.

И ведь действительно запомнил! На всю жизнь. До сих пор помню своего деда сидящим за сосновой чуркой, с вбитой в нее специальной «бабкой» и сосредоточенно отбивающим лезвие косы легким молотком. Став парнем и войдя в силу, я тоже стал считаться отличным косцом. По совету матери, мы с младшим братишкой по время сенокосной поры выкашивали деляны многим одиноким старушкам. А коса, та самая, которой я косил в детстве, до сих пор хранится у матери. Недавно я нашел ее в сарае и опять удивился размерам. Она была всего около сорока сантиметров длиной от пятки до носка. Каким же я тогда был маленьким! И спасибо тебе, деда Гурий, что научил косить, отбивать косу и настраивать!

Косил я не традиционными прямыми прокосами, когда косец, пройдя до конца прокоса, поправляет брусом лезвие и медленно возвращается назад, отдыхая по пути. Я был один и потому косил вкруговую, останавливаясь только для того, чтобы поправить лезвие. Когда баба Капа пришла звать меня перекусить, добрая треть поляны была уже выкошена.

– А ты парень – косарь! – ахнула она. – Косарь, каких сейчас мало. Деревенский, что ль?

– Нет, баба Капа. Поселковый. Косить дед научил, когда мне восьми лет не было. Парнем много приходилось косить. Теперь редко приходится. Живу на севере, а у матери квартира городская, в пятиэтажке. Коровы нет.

Баба Капа вдруг неожиданно всхлипнула.

– Кирьян мой вот так же, любил косить вкруговую!

К шести часам вечера мы вернулись в Ной. Екатерина Ивановна встретила нас тревожным взглядом.

– Что-то вы рано вернулись. Не случилось чего?

Капитолина Егоровна не спеша выбралась из машины.

– Ничего, Катя, не случилось. Просто этот молодец всю нашу с тобой поляну враз убрал, ровно трактор! – она достала из кабины сумку с припасами. – В кои-то веки, как начальство, в легковухе проехала! А теперь, подруга, гулять будем. Твою наливку пробовать. Только допереж, Катерина, слетай к Ваське-бригадиру. По всему видать, завтрава ведро будет. Договорись с им, чтобы нас завтрава на покос отгартал. Грести будем.

– Зачем бригадира просить? Я отвезу. – предложил я.

– Дак седни последний день. – напомнила баба Капа. – Лечение кончается. Уедешь.

– Уеду. – подтвердил я. – Утром отвезу Вовку в Уяр и вернусь. Как будто до Ноя дальний свет. Кстати, а где мой отпрыск?

Екатерина Ивановна махнула рукой в сторону огорода.

– В грядках копается. Ладно, работнички, идем в хату. Бу-

ду вас, коль такое дело, наливкой потчевать!

Лечение Екатерины Ивановны помогло. Я видел в начале третьего сеанса, как последние намеки на черноту исчезли из светового ореола сына. И сама аура теперь не выглядела тусклой. Она переливалась нежными зелено-голубыми волнами.

– Вот, Володичка, закончилось твое лечение. Сполохи у тебя теперь здоровые, чистые.

– Я не буду больше бояться и плакать по ночам? – спросил сын.

– Конечно, паренек! Не будут сниться плохие сны, значит и бояться нечего.

– А что такое сполохи, баба Катя? – продолжал интересоваться сын.

– Сполохи, Володя, это такой ореол световой, обволакивающий наши тела и головы, только его редко кто видит. По телевизору этот ореол теперь не сполохами, а аурой называют. Да ты иди спать, сынок. Вижу, глаза кулачками трешь. Ступай...

Большое счастье видеть, что ваш ребенок здоров и весел! В первое время и я и бабушка, и Юлия старались относиться к Вовке с подчеркнутой предупредительностью. Пользуясь поблажками, сын быстро обнаглел и был на следующий день наказан старшей сестричкой, у которой терпение оказалось самым коротким. Ребятишки мои подрались и я окончательно поверил, что с сыном все будет в порядке.

Оставив ребят на попечение бабушки, я поехал, как и обещал, в Ной. Помог пожилым женщинам сгрести часть высохших валков и договорился приехать на следующий день всем семейством.

На другой день мы приехали в Ной вчетвером и взяли ребятишек на покос. Было много визга и восторгов. Дети носились по поляне, лезли под руку. Потом они занялись костром и едва не спалили шалаш. Мать удивительно быстро нашла общий язык с обеими старушками и все трое вдруг разом принялись поучать меня, как нужно правильно вершить зарод. Пришлось бросить вилы и поклясться, что не возьму в руки четырехрогое оружие труда до тех пор, пока командная троица не завяжет рты специальными повязками.

Уехали мы в Уяр поздно вечером, нагруженные трехлитровыми банками сметаны. Мои протесты троица шумно проигнорировала. Я ездил в Ной еще много раз. И один, и с семейством. Договорился с бригадиром Василием Степановичем, тайком заплатил деньги, и вывез сто пятьдесят первым ЗИЛком два машинных воза сена.

Жизнь вошла в спокойное русло. Дни бежали, как прищипленные. После середины июля на огороде поспела виктория, пошла малина, смородина. Ребятишки целыми днями пропадали на фазенде, лакомились, загорали, кормили с бабушкой поросенка. В последнее время оба прирастились строить из дров кораблики, изведя на строительство эскадр почти весь запас гвоздей. По убедительным просьбам кораб-

лестроителей мне приходилось бросать работу и вытесывать корабельные носы и палубы, выстрагивать и ставить мачты.

А началось это увлечение с единственного маленького кораблика, который я легкомысленно вытесал из полена и передал под командование капитана Володи. Затем мы поехали в Громадск купаться на речку Рыбную и попутно провести ходовые испытания парусного крейсера. Дети купались на мелководье, запускали кораблик, расправляли паруса и ждали ветра. Когда они накупались и наигрались вдоволь, забыли его на берегу.

Какое было горе, когда мы вернулись домой и там обнаружили пропажу кораблика! Пришлось срочно гнать машину обратно в Громадск, но кораблика на берегу речки уже не было. В утешение мореплавателям пришлось срочно сочинить и рассказать ребятишкам историю о плавании нашего кораблика по сибирским рекам в Енисей, а затем по Енисею заставить приплыть кораблик в Дудинку с огромным приветом для мамы.

Сказка про кораблик и его приключения так понравилась ребятишкам, что они каждый вечер требовали ее продолжения. Приходилось подхлестывать воображение и разнообразить приключения кораблика в океанах планеты.

Я постепенно привык к своему видению человеческой ауры. Она была хорошо видна ночью и в сумерках, хуже при электрическом свете и почти незаметна на улице днем, при свете солнца. Потом я стал замечать, что могу видеть не толь-

ко саму ауру, но и ее малозаметные следы, остающиеся в пространстве после того, как человек ушел с этого места. Постепенно, научившись концентрировать свое внимание, я стал различать следы человеческой ауры через несколько дней. Внешне мое видение выглядело как вид ночной улицы, снятой при помощи фотоаппарата с очень большой выдержкой.

Помните снимки, которые иногда помещали в журналах? Улица. Дома. И сложное переплетение светящихся линий, оставленное на пленке фарами проезжавших по улице автомашин. Для меня следы чужих аур выглядели переплетением слабо светящихся прозрачных труб, имеющих в сечении контуры фигуры оставившего след человека.

Призрачные контуры фигур были строго индивидуальны. Иногда я с иронией ловил себя на мысли, что подобное умение различать следы чужих аур пригодилось бы человеку, имеющему профессию следователя. Ему не нужны будут услуги лабораторий криминалистики и розыскные собаки. Он сможет зафиксировать в памяти след ауры преступника и через несколько суток обнаружить его, куда бы тот не спрятался, спасаясь от правосудия. Единственная трудность для такого следователя заключалась бы в невозможности объяснить коллегам, как он это проделывает.

Меня не привлекала карьера интеллектуальной собаки. Семья, дети, работа полевого геодезиста – вот моя колея, которая мне нравится, и которую я буду продолжать, пока есть

силы и здоровье.

Под утро юго-западный ветер принес с собой непогоду. Сначала небо, остававшееся ясным больше двух недель, покрылось тучами, с западного направления вдруг рванул сильный ветер, зашумел листьями под окном, застучал в стену пятиэтажки ветками растущего рядом с домом тополя. Стук веток заставил меня проснуться на несколько секунд и в ленивой полудреме оценить по многолетней привычке погоду. Отметив про себя, что поднявшийся ветер может означать приход грозы, я поправил легкое одеяло на разметавшемся во сне Володе, пододвинул ближе к стене спавшую со мной Юлю и снова уснул.

Через несколько минут я был безжалостно разбужен ярчайшей световой вспышкой, больно ударившей по глазам. Я подскочил и сел на постели, пытаясь сообразить – что случилось. Перед глазами, постепенно бледнея, плавали разноцветные пятна. В комнате было тихо, ребяташки продолжали спать. Откуда вспышка? – не мог понять я. – Может быть короткое замыкание? Ничего путного не придумав, я поднялся и пошел на кухню.

Новая световая вспышка настигла меня в коридоре. Зигзагообразная, раскаленная до бела, линия заплясала перед глазами. Затылок пронзила острая боль. Чертовщина какая-то! Я прижал раскалывающийся от боли затылок рукой и, почти ничего не различая за световыми зигзагами, ощу-

пью пробрался на кухню.

Что происходит? Откуда берутся вспышки и головная боль? – билась в сознании паническая мысль. – Новый сюрприз мозга? – я услышал за окном далекое рокотание грома. – Гроза? Ну конечно – гроза! – понял я.

Вновь световая вспышка и всплеск боли в затылке. Далекий раскат грома пришел секунды через четыре. Молнии рвали небо все ближе и ближе к Уяру и нашему дому. Вместе с приближением грозы все больше нарастала интенсивность вспышек в моем сознании и становилась нестерпимой боль.

Вспомнив о когда-то прочитанном способе избавляться от чужого воздействия и почти не надеясь на удачу, я стал мысленно бинтовать голову плотным слоем стальной ленты. Фантастический способ защиты подействовал. Световые вспышки потускнели и быстро сошли на нет, вместе с ними ушла головная боль. Несмотря на то, что гроза успела порядком вымотать нервы, я был доволен. Очередной сюрприз приобретенных с травмой странностей, я отбил. Кроме того – нашел действенный способ защиты, который наверняка пригодится на будущее.

Глава 3

Утром я ушел с бабушкой и детьми на дачу, протяпал по картошке вновь начавшие поднимать головы сорняки, а после полудня отправился в город. В районной библиотеке, находящейся в здании Дома Культуры, я обратился за помощью к маленькой пожилой женщине, в огромных, на пол-лица, очках. Та выслушала меня с откровенным недоверием, пока я мямлил что-то о своем желании побольше узнать об экстрасенсах и методах нетрадиционного лечения. Но, стоило мне рассказать историю с сыном, а так же ее благополучный конец, как библиотекарша преобразилась.

В библиотеке не было нужных книг, но женщина попросила меня подождать и исчезла на полчаса. Вернувшись, она подала мне пачку тонких брошюр и кипу вырезок из газет различных издательств. Так что домой я отправился с сумкой, как я раньше считал, макулатуры.

Вырезок из газет мне хватило до вечера. В статьях описывались феномены Джуны, болгарской ясновидицы Ванги и многих других людей, обладающих паранормальными способностями. Читать было трудно. Приходилось постоянно преодолевать свое внутреннее сопротивление прочитанному. То, что я раньше отметал прочь как несущественное, к сожалению, теперь гнездились где-то в моей голове.

Поздним вечером я перешел на тонкие брошюрки и стал

тонуть в непривычной терминологии: астрология, спиритизм, демонология, алхимия, хиромантия, физиогномика, френология, гомеопатия. Мне понадобилась целая ночь, чтобы понять – слово «тауматургия» означает не что иное, как волшебство или наука о волшебстве. Оккультизм – теория волшебства, а магия – практика. Были еще такие понятия, как астральное тело, астральный двойник, кабалистика (не имеет ли это слово отношение к святыне мусульман – Каабе?).

Добытый мною у соседа энциклопедический словарь не смог расшифровать и половины встречающихся в текстах слов и терминов. Главное заключалось в том, что во многое я просто не мог поверить. Единого бога и божественное начало я отмел сразу. Возможность общения с демонами потустороннего мира (в том числе сатану с его чертями и адом) – тоже. Не мог я признать идею потустороннего мира (кстати, что он такое и что подразумевается под этим термином?) и идею человеческой души, не умирающей после смерти. И тем более не смог поверить в возможность общения с душами давно умерших людей.

Единственное, что мне удалось уяснить после ночного бдения, так это то, что мои странности относятся к категории сверхчувственного восприятия окружающего мира или колдовства. Современные колдуны и ведьмы скромно именовали себя экстрасенсами, стараясь не употреблять компрометирующих себя старых названий.

Наверное, я так бы и продолжал жить со своими неожиданно приобретенными странностями, считал бы себя в чем-то ущербным человеком, если бы жизнь не поднесла очередной сюрприз, после которого о моих странностях узнала мать.

Моя мать во многих отношениях была странным человеком. Если она, например, садилась утром шить себе или соседке платье, то обязательно старалась закончить платье к вечеру. Берясь за какую-нибудь работу, она не разгибала спины до тех пор, пока работа не будет сделана. Она не умела отдыхать и работала, как бы плохо ей не было.

В этот день она с раннего утра полола грядки, и делала это не разгибая спины. Расплата наступила под вечер. Я только что успел приехать из Ноя, куда отвозил сшитое матерью платье для Капитолины Егоровны, и поставить машину возле дачи, как из калитки выбежала испуганная дочка.

– Папа! – закричала она. – Ой! Папочка, скорей! Бабушке плохо!

Мать сидела по дворе, тяжело привалясь к стенке сарая. Я подскочил к матери и наклонился, чтобы взять ее на руки. Лицо мамы было серым, губы закушены от боли, аура сплошь подернута красными сполохами.

–

Что с вами, мама?

–

Не шевели меня, Юра. Сердце давит, – прошептала мать. –

Может, так отсижусь и пройдет.

Она попыталась улыбнуться, чтобы успокоить меня. Потом ее голова опустилась на грудь и она боком стала оседать возле стены. Из груди матери вырвалось сдавленное хрипение, в котором я едва разобрал: – Сы-но-о-ок!

Я схватил мать в охапку, бегом поднялся на крылечко и положил ее на кровать в комнате нашей развалюхи. Попытался нащупать пульс, но его не было. Это напугало меня больше всего. Мать хрипела, лицо на глазах стало принимать синюшный оттенок, глаза закатились.

Мать уходила – я знал это точно. Уходила в мир, из которого нет возврата и в который я не верил. Страшно видеть, как уходит в небытие самый дорогой для тебя человек, а ты не можешь ничем помочь. И вдруг мое отчаяние и желание спасти жизнь матери любой ценой переродились во что-то новое.

Я застыл. Окружающий мир потускнел и перестал существовать. Остались только я и мать. Уже зная, как нужно поступать, я протянул руки к телу матери и не удивился, когда мои пальцы стали полупрозрачными, засветились странным голубым пламенем. Пламя коснулось исчезающей ауры матери, окутало ее тело голубым сиянием. Потом я закрыл глаза, но, странное дело, продолжал видеть мать новым зрением.

Я видел изношенное, работающее в длительными остановками, сердце, чувствовал угасающее сознание и ловил

последние, тоже угасающие, мысли. Осторожно, едва касаясь, я стал подталкивать усталое сердце, мысленно подсоединив к нему свое в качестве донора. Я убирал сгустки крови из коронарных артерий, заставлял раствориться и исчезнуть известковый налет в артериях и гнал в тело матери свою энергию. Я будил угасающий мозг, массировал энергетическими волнами весь организм и его изношенные органы. Странно удлинившиеся пальцы нежно массировали оживающее сердце, устраняли наросты в кровеносных сосудах, восстанавливали эластичность стенок. Мое новое «Я» действовало в сотнях, а может быть миллионах мест, рассеянных по всему телу. Каким образом это у меня получалось- я не знал. Я был одновременно самим собой и другим, погруженным в тело матери, и работал с полной уверенностью в успехе.

Внезапно передо мной вновь возник окружающий мир. Я обнаружил, что стою на коленях возле кровати, а мать спит. Спит спокойно, как будто просто прилегла отдохнуть и уснула. Синюшный цвет кожи исчез, пульс был нормальным.

Мать спала спокойным глубоким сном, зато я чувствовал себя так, как будто сутки ворочал бревно без отдыха. Будь я один, тут же упал на вторую кровать, но рядом со мной стояли испуганные ребятишки, о которых я совсем забыл.

—

Баба больше не будет болеть? Она спит, да, папа? – спросил меня сын.

Я ответил утвердительно, но дети продолжали глядеть на

меня удивленными глазами.

—

А почему ты так долго молчал и только светился весь, как елочка?

—

Какая еще елочка? – не понял я.

—

Как елочка в Новый Год, баба тоже светилась.

—

Вы оба светились с бабой. – уточнила дочь. – А еще по тебе бегали золотые искорки и из пальцев летело голубое пламя и окутывало бабушку!

Пришлось забыть о своей усталости. Пока дети делились со мной своими впечатлениями, я пытался сообразить, что мне теперь делать. Стоит узнать о свечении соседям и маме, тут такое начнется, что жить не захочешь! Вопросы и допросы, намеки разные. Но врать ребятишкам и того хуже.

—

Видите ли, цыплятки, бабушка была больна и мне нужно было ее лечить. – осторожно начал я. – Пришлось лечить светом, потому что бабушке было очень плохо.

—

Мама нас всегда лечила таблетками, когда мы с Вовой болели, а не светом. – резонно возразила дочка. – Разве можно лечить светом?

—

Иногда можно. Только, цыплята, об этом никому не нужно рассказывать.

—

Почему? — раздалось дружным хором.

Что тут скажешь? Я постарался отвлечь внимание ребятишек от щекотливых обстоятельств, но неудачно. Дети были слишком настойчивы. Пришлось прикрикнуть, чтобы они не болтали и сидели тихо, пока баба спит. А еще лучше, чтобы они шли играть во двор.

Я надеялся, что ребятишки забудут о светящихся пальцах и прочей чепухе, пока мать спит, но ничего не вышло. Когда бабушка проснулась и вышла во двор, дети сразу выложили ей все подробности.

—

Не слушай болтунишек, мама! — взмолился я. — Просто вам стало плохо и я унес вас на кровать. Вот и все!

Ребятишки бурно протестовали. Мать смотрела на меня недоверчиво и стала задавать неприятные вопросы. Оказалось, что она тоже смогла многое запомнить. Я сдался и рассказал правду. Сознавшись в одном, пришлось вечером рассказать правду обо всем, начиная с ушиба головы при падении с лестницы.

Я взял слово с матери, что она будет молчать, но опять не учел особенность женской природы. В первую нашу поездку в Ной мать рассказала все Екатерине Ивановне. Когда я вечером ненадолго задержался у бабы Кати и вернулся обратно,

сразу почувствовал повисшую в маленькой кухоньке Екатерины Ивановны напряженность. Я посмотрел матери в глаза, и все стало ясно.

—

Рассказала-таки! — с досадой вырвалось у меня.

—

Не жалей об этом, Юра, и не сердись. — вместо матери ответила мне Екатерина Ивановна. — В данном случае твоя мать поступила, я думаю, правильно. Я уже подозревала, что ты обладаешь магическим даром.

—

Никаким даром я не обладаю. — хмуро ответил я. — Просто с недавних пор со мною какая-то чертовщина творится! Тут мать права.

—

Именно это я имею в виду. Странности, о которых мне рассказала Розалия Адамовна. — спокойно продолжала Екатерина Ивановна. — Ты вот что, Юрий. Завтра приезжай ко мне один, есть у меня для тебя дело. Договорились?

—

Договорились, Екатерина Ивановна. — вздохнул я.

По дороге домой я не смог сдержать своего раздражения и бурчал всю дорогу. Мать, к моему удивлению, упорно отмалчивалась, что было для нее очень необычно.

Светлана звонила из Дудинки часто. В голосе жены я лег-

ко различал тоску и тревогу. Она торопливо сообщала мне новости и тут же просила дать трубку детям. Светлана была готова слушать ребячий лепет часами, хотя телефонные разговоры, длящиеся столько времени, влетали в копеечку. Я хорошо понимал жену, первый раз в жизни надолго расставшуюся с ребяташками.

Светлана не любила писать письма, старалась заменить их телефонными разговорами. Зато дети постоянно рисовали для мамы немудрящие картинки каждый день, а потом приставали ко мне, просили запечатать в конверт и отослать маме. Ради мамы у них хватало терпения старательно перерисовывать на лист в клеточку, написанные мною печатным шрифтом простые фразы: «Здравствуй, мама! Я, Вова (или Юля). Мы очень тебя любим!». Отправив первые письма, ребяташки стали ждать маминого ответа и постоянно донимали меня вопросом: почему от мамы нет писем?

Пришлось на очередных телефонных разговорах разъяснить Светлане ситуацию и пригрозить, что до получения ответов больше ей ни писать, ни посылать рисунки не будем. Странное дело, но в Уяре дети стали относиться ко мне гораздо лучше, чем в Дудинке. Там Вовка был маминым сынком. Таскался за Светланой хвостиком, помогал мыть посуду, лепить пельмени. Мешал всячески. У Светланы хватало терпения сносить его капризы и выходки. У нее он искал спасения, когда от меня грозило справедливое наказание.

Юля – наоборот, была папиной дочкой. Когда я был в Ду-

динке, она храбро отрывала меня от взрослых дел. Настойчиво требовала к себе внимания – помочь отремонтировать кукольный диванчик, правильно нарисовать зайчика, разобраться с несправедливыми претензиями настырного Вовки, забравшего ее любимую игрушку, прочитать перед обедом сказку.

В первые дни после приезда в Уяр Вовка часто вспоминал маму, отчаянно скучал, постоянно требовал слетать с ним в Дудинку «хоть на минуточку!». Через две недели сын стал вспоминать о маме значительно реже.

С дочкой получилось наоборот. Чем больше проходило времени, тем чаще она вспоминала о маме. Однажды я проснулся ночью от тихих всхлипываний. Мгновенно поднялся, провел рукой по мокрой от слез щечке.

– Что с тобой, цыпленочек?

– По маме соскучилась! – всхлипнула она. – Папа. Давай полетим в Дудинку? Хоть на часочек. Посмотрим на маму и вернемся. Ладно?

Ну вот. Сначала Вовка, теперь дочка. – подумалось мне. – Видно, ласки детям не хватает. Женской ласки.

– А бабушка как же? Она тоже плакать будет без нас. Ждала внучат целый год, а они опять улетают. Кто ей поможет кормить Дуську, копать картошку, полоть грядки? Чтобы слетать в Дудинку, знаешь, сколько денег нужно?

Долго я уговаривал дочь. Говорил о том, что здесь, в Уяре, на огородных харчах и свежем воздухе они станут таки-

ми здоровыми, что зимой никакая простуда не возьмет. Что в Дудинке плохая погода, идут дожди, что они опять будут ходить по улицам в пальтишках и комбинезонах. Не знаю, уговорил или нет, но дочь уснула.

Я собрался в Ной после обеда. Помешала страховщица, огромная, бесцеремонная баба, заявившаяся прямо домой. Предложила застраховать на очередной срок автомашину. Сумма, которую она назвала, была такой огромной, что у меня глаза полезли на лоб. Я прикинул свои финансовые возможности и решил не страховать Ниву на полную сумму. Но страховщица ухитрилась повернуть дело так, что я опомнился только тогда, когда уплатил ей полную сумму. Недовольный собой и результатами визита страхового агента, я приехал в Ной, поставил машину возле ограды и вошел во двор.

Екатерина Ивановна сидела за чистым столом в кухне и поджидала меня.

– Садись. – она указала мне на стул. – Есть хочешь?

– Нет. Полчаса назад поел.

– Когда вы вчера уехали с Адамовной, я долго думала над ее сообщением. Очевидно, у тебя сильный природный дар. Нужно с ним обращаться осторожно, Юрий.

– Обращаться осторожно? – расхохотался я. – Что вы такое говорите, Екатерина Ивановна! Это он ведет себя со мной, как варвар. Иногда такой фортель выкидывает, что лучше бы его совсем не было!

Екатерина Ивановна осуждающе покачала головой.

– Ты пойми, Юрий. Твой дар сейчас, как только что народившийся младенец – лежит в люльке, сучит ножками и пачкает пеленки. Понадобится много времени, пока вы привыкнете друг к другу, а ты научишься сдерживать его, управлять... Адамовна вчера рассказала слишком коротко. Можешь рассказать обо всем подробнее?

Направляемый наводящими вопросами, я рассказал Екатерине Ивановне все, что со мной произошло с самого начала.

– На один миг я ощутил себя в теле сына, Екатерина Ивановна. – подытожил я. – И своей силой оттолкнул корову. Соседка потом рассказывала, что из асфальта высунулись две огромные руки и отбросили ее Майку метров на пять от сына.

– Корова осталась целой?

– Ничего ей не сделалось. После того случая она стала обходить меня и сына десятой дорогой.

Я подробно рассказал свои переживания во время грозы и похвастался способом защиты, который применил.

– Проще было мысленно одеть на голову шлем или сетку из холодного железа. – улыбнулась Екатерина Ивановна.

– Значит и с вами такое случалось?

– Было, Юрий. Давно и не с такой силой. У тебя неплохо получается. Быстро учишься управлению даром.

– Откуда он у меня взялся, Екатерина Ивановна? – спросил я.

– Дар был в тебе от рождения. Спал и проснулся от потрясения. Видно в роду у тебя были предки с такими способностями. Фамилия о том говорит.

Старая женщина посмотрела на меня со странным выражением лица и вздохнула.

– Тяжко тебе жить будет с даром.хлопотно. Не раз пожалеешь о том, что он в тебе есть. Временами проклинать его будешь. Знаю по собственному опыту. Хорониться тебе нужно, Юрий. Прятать дар. Стараться никому не открывать без нужды, что владеешь мысленной речью и читаешь чужие мысли. Не читай мысли близких тебе людей, а особенно своей супруги. Запрети себе, как бы этого не хотелось. Узнает – не сможет с тобой жить... А на мать я наложила малые чары. Никому не сможет рассказать. Забудет.

– Способность читать чужие мысли уже пропала! – запротестовал я. – Нет теперь во мне грохота чужих мыслей. И слава богу, что нет!

– Эх, парень! – усмехнулась моей горячности Екатерина Ивановна. – Что богом дано – не спрячешь, все равно вылезет наружу. А теперь я должна испытать силу твоего дара, Юрий.

– Как это – испытать?

– Сейчас поймешь. – опять усмехнулась Екатерина Ивановна.

Она неторопливо поднялась и вышла в горницу. Я терпеливо ждал. Екатерина Ивановна вернулась из горницы с

увесистым полотняным свертком в руках, бережно положила его на чистый кухонный стол. Развернула. Я увидел огромную старинную книгу с медными шарнирами, медными уголками переплета и медной застежкой в виде хитро изготовленного замочка. Переплет, или, вернее, нижняя и верхняя доски толстенной книги были обтянуты черной кожей, на которой золотыми мерцающими буквами старинной вязью было вытеснено: КНИГА ВЕЛЕСОВА.

– Что ты видишь перед собой на столе? – спросила Екатерина Ивановна.

– То есть как это, что я вижу? – удивленно посмотрел я на Екатерину Ивановну.

– Я спрашиваю – что ты видишь перед собой? – уже строго спросила она.

– Книгу вижу. Старинную. Называется Книга Велесова.

– Ну и слава богу! – облегченно вздохнула Екатерина Ивановна. – Капитолина, например, всегда видит только холстину. Нет у нее дара. А больше я книгу никому в последние годы не показывала.

Я осторожно протянул руку и коснулся черной кожи, обтягивающей верхнюю доску с идущим по периметру растительным орнаментом.

– Почему ее не видит баба Капа? – удивленно спросил я.

– Это не простая книга, Юрий. – медленно ответила Екатерина Ивановна. – Не знаю, поймешь ли ты сейчас то, что я скажу. Можешь поверить на слово, что таких книг, возмож-

но, в мире больше не осталось. Ее нельзя украсть или купить. Можно только дарить с чистым помыслом. Люди, не имеющие дара, книгу не замечают... Теперь смотри внимательно.

Она прошептала что-то и провела кистью правой руки возле медного замочка – защелки. Замочек открылся с мелодичным звоном. Черная верхняя крышка откинулась в сторону и я увидел, как плотные листы пергамента стали сами собой быстро ложиться влево, как будто листы перелистывала невидимая рука. При этом от страниц и от досок исходило голубое мерцание.

– Тридцать третий лист практического раздела. – тихо сказала Екатерина Ивановна. – На один лист меньше, чем в прошлом году. – она глубоко вздохнула. – Прошли, видно, мои лучшие годы, Юрий.

– Ничего не понимаю, Екатерина Ивановна! – признался я. – Вы к книге не прикасались. Кто ее листал?

– Дар. – коротко ответила она. – Ее листал мой дар. При испытании в книге переворачивается столько листов, сколько может осилить и изучить человек, обладающий даром.

Екатерина Ивановна неторопливо захлопнула верхнюю крышку и предложила:

– Протяни руку и попробуй мысленно открыть книгу. Напряги волю.

Я послушно протянул руку к книге. К моему удивлению, замочек тут же открылся и верхняя доска отскочила в сторону. Пергаментные листы книги замелькали с такой скоро-

стью, что почувствовался на щеке поднятый ими ветерок. Чем ближе оставалось до конца книги, тем медленнее переворачивались пергаментные листы. Но они не остановились до тех пор, пока на верхнюю доску не лег последний лист, а за ним не поднялась нижняя доска и не захлопнулась на защелку. Екатерина Ивановна ахнула.

– За свою жизнь впервые вижу, как книга перелисталась до конца! – вырвалось у нее. – У тебя могучий дар, Юрий!

Представьте себе такую картину: сидят за столом в деревянном домике два человека – очень старая женщина и мужчина средних лет. Перед ними на кухонном столе лежит старинная книга с медной окантовкой и медными шарнирами с замочком. Мужчина и женщина на полном серьезе обсуждают необычные, мягко выражаясь, свойства книги.

По словам Екатерины Ивановны, книга была написана около тысячи лет назад безымянным автором, который тщательно изучил искусство европейских друидов и славянских волхвов. После написания, книга была освящена в знаменитом славянском храме острова Ругна. Затем самый могучий волхв славянских земель тогдашнего времени наложил на книгу заклятие невидимости, искупал листы в пламени холма эльфов, чтобы книгу нельзя было уничтожить обычными способами. Каким образом заклятье придает книге волшебные свойства, Екатерина Ивановна не смогла мне объяснить.

Зато я с первого раза усвоил все необходимое для использования дара при направленной телепатии. Оказалось, для

этого нужно было сосредоточиться, совместить направление посылаемого волевого импульса с лучом зрения и мысленно передавать нужный текст или «картинку». Екатерина Ивановна, к моему разочарованию, не умела пользоваться телепатией другим способом. Для дальней мыслесвязи этот способ не был пригоден.

Первая проба телепатической связи с Екатериной Ивановной оказалась не слишком удачной. Я перестарался и послал слишком сильный импульс. Она вскрикнула и откинулась на спинку стула, как будто ее ударило.

– Не так сильно, оглашенный! – сказала Екатерина Ивановна, сжима голову обеими руками. – Потихоньку нужно мысль посылать. Не за сто верст сидишь.

– Извините, Екатерина Ивановна!

– Чего уж там! – усмехнулась она. – Права Велесова книга, когда раскрылась до последней страницы. Ты, парень, настоящий ведун. Посильнее знахаря или колдуна.

– Свою фамилию я с детства помню. Знаю, что ведун – это от слова ведать, знать. Ведьма, ведун, ведовство. Все дело в том, что знаю я пока совсем мало. Почти ничего.

Екатерина Ивановна стала рассказывать о делении людей, владеющих искусством магии, на условные и достаточно размытые категории в зависимости от природной силы дара. Потом она стала говорить о том, что в настоящий момент волновало ее больше.

Без натяжки это можно было назвать лекцией по техни-

ке безопасности и о правилах поведения человека, обладающего даром, в общении с другими. То, что я от нее услышал, наваяло на меня тоску. Многие положения кодекса колдунов показались мне сплошной перестраховкой. Не убий. Не укради. Не прелюбодействуй. Усмири гордыню. А главное – не навреди людям, не причини своими действиями зла окружающим.

– Екатерина Ивановна! – стал протестовать я. – Ведь это хуже всего, что можно придумать для человека. То, что вы сказали – самая настоящая добровольная тюрьма!

– А как ты думал, парень? Большие возможности накладывают большие ограничения. Направишь дар на совершение зла, покалечишь судьбы многих людей. С таким даром, как твой, нужно быть предельно осторожным.

Не перебивая доводы старой женщины я с грустью думал, что все ее благие пожелания невозможно выполнить на практике. Бездействие не свойственно человеческой натуре. В окружающей жизни много несправедливости, жестокости и болезней. Смогу ли я безучастно наблюдать, как рядом со мной подонки убивают человека? В нашей жизни слишком тесно переплетено многое, чтобы суметь рассчитать последствия вмешательства в чужую жизнь.

Екатерина Ивановна привела наглядный пример с камнем, брошенным в пруд, и расходящимися от него кругами. Я не выдержал:

– Каждое действие обычного человека тоже сопровожда-

ется изменениями окружающей действительности. Мы все, живущие на планете Земля, своими делами постепенно изменяем собственное будущее, Екатерина Ивановна!

Глава 4

Мне пришлось бывать в Ное много раз. Я приезжал один и всем колхозом. Когда все укладывались спать, мы с Екатериной Ивановной садились за кухонный стол, разбирали ее записи в общих тетрадях и разговаривали. Старая женщина спешила передать мне свой, почти вековой, жизненный опыт. Иногда мы спорили, когда высказанная Екатериной Ивановной мысль, казалась мне неправильной.

Екатерина Ивановна была сильной знахаркой с ведовским уклоном. В своей практике она с успехом пользовалась лечением биополями, гипнозом, который по старинному продолжала называть месмеризмом и наговорными травами. Свое искусство она переняла от бабушки и совершенствовала всю жизнь.

Чердак дома и особая кладовка были увешаны пучками трав и корешков, мешочками, источавшими терпкие запахи. Ядовитые снадобья из растений Екатерина Ивановна держала в маленьких стеклянных баночках с плотными пробками. Пользовалась она и минеральными компонентами для составления лекарств. Оказалось – сила сложного снадобья во многом зависит от времени и места сбора трав.

Со стороны наши разговоры выглядели, наверное, странно. Сидят за столом два человека и молча глядят в глаза друг другу. Все дело в том, что передача информации с помощью

мыслесвязи оказалась более объемной, чем обычный разговор. Проще было передать сложный мысльобраз с помощью подробной картинки, либо символ-схемы. Я научился регулировать силу посылаемой мысли и уже не глушил Екатерину Ивановну, как это произошло в первый раз.

Рассказывала она о многом и эти импровизированные лекции отзывались во мне самым странным образом. Они будили мою мысль, заставляли думать, расшатывали однобокие понятия, приучали рассматривать проблему сразу с нескольких точек зрения.

Опыт девяносто семилетней женщины и ее раздумья, которыми она делилась со мной, незаметно для меня изменяли строй моих мыслей. Например, ее лекция о подсознании, которую я постараюсь кратко изложить.

Наше подсознание – это таинственная бездна, скрывающая опыт бесчисленных поколений наших предков и уходит оно своими корнями на десятки миллионов лет назад к древним ящерам, выползшим из первобытного океана на голый берег... Глубокая пропасть, прикрытая сверху тонкой корочкой сознания. Мысленно представьте себе айсберг и соотношение его подводной и надводной частей – аналогия полная.

Самое главное – никто в современном мире не знает, что на самом деле творится в древних и темных его глубинах. Какие страсти кипят под крышкой сознания, какими болезнями прорываются, какие разыгрываются сражения.

То, что прорывается иногда на поверхность, люди называют озарением или интуицией. В области подсознательного находятся истоки нашей магической силы, которую мы называем даром. Дар – опасное свойство человеческого подсознания. Он неожиданно может выйти из-под контроля разума и буквально «сжечь» своего хозяина, его тело и разум, если тот окажется недостаточно стойким и не овладеет специальными психическими приемами воздействия.

Наша земная наука не имеет и, возможно, никогда не будет иметь приборов, способных высветить работу, совершаемую подсознанием. В то, что оно виновато во многих психических заболеваниях, уже давно никто не сомневается. Психиатры нашего времени с помощью опытов получают крупицы знаний о подсознании, но они получают их косвенным путем, а это капля в океане неизвестного.

Друиды и волхвы прошлого знали о подсознании значительно больше, чем современные ученые, но древние знания либо утеряны, либо отброшены потомками из-за необычности применяемых на заре истории терминов. Не нужно сбрасывать со счетов многовековые гонения на людей, обладающих даром, со стороны священнослужителей официальных церквей и режим особой секретности, вынужденно применяемый этими людьми при общении с остальной массой населения планеты.

Церковь за две тысячи лет своего существования нанесла институтам древней тауматургии такой удар, после которого

эта эмпирическая наука так и не смогла оправиться. Кто знает, сколько старинных рукописей уничтожили фанатичные последователи христианства!

В наше время колдовство выродилось во что-то не совсем серьезное. Факиры и фокусники, выступающие в цирках, концертные сеансы гипнотизеров, выступления чудо-счетчиков или телевизионные шоу для всей страны Кашпировского. Грозное и опасное искусство магии в наше время служит для разнообразия эстрадных программ. Отсюда падение престижа древней науки и огромное количество шарлатанов, которых некому разоблачать.

Славянские волхвы, кельтские друиды – где они? В какой бездне кануло знание, накопленное ими за многие тысячелетия? Неужели древние мудрецы были настолько беспечны, что позволили ему бесследно исчезнуть с лица Земли?

Екатерина Ивановна считала себя обычной знахаркой-травницей. С помощью Велесовой книги она смогла в молодости отточить и вылепить свой небольшой от природы дар. Всю жизнь она терпеливо собирала сохраняемые в народе знания трав и способы лечения. Она показала мне тетради, исписанные мелким подчерком с дореволюционной орфографией, в которых были записаны заговоры, молитвы, заклятья и, главное, многочисленные рецепты народных лечебных средств. Три общих тетради снятых в последние годы копий она, добрая душа, подарила мне.

Она рассказала мне о разнице между индивидуальным и

общинным сознанием человека, о страшной власти многочисленных табу и суеверий. Древние колдуны отлично умели пользоваться людскими слабостями. Они сами способствовали возникновению нужных для них обычаев и суеверий, так обильно разбросанных в бытовых сказках разных народов.

Вера человека во что бы то ни было, сама по себе способна творить чудеса, облегчая колдунам работу. Достаточно вспомнить о вере в целительное прикосновение святого или лица королевской крови. Когда-то мне довелось прочитать о действии вуду – магической смерти в одном африканском племени. Племя приговорило человека к смерти. Собрались люди, привели приговоренного. Колдун племени сказал простенькое заклинание, потом подошел к приговоренному и сломал над его головой небольшую палочку. И все. Через несколько дней человек умер. Не было физического насилия. Просто тот человек был убежден, что после процедуры с палочкой, он должен умереть. И он умер.

Хороший пример работы подсознания, заставившего умереть совершенно здорового человека. Внушение или самовнушение может заставить человека выздороветь от неизлечимой болезни, активизировать защитные силы организма, почувствовать ожог, которого не было, может свести человека с ума, и многое другое.

Екатерина Ивановна продолжала втолковывать мне понятия добра и зла. Напоминала при каждом удобном случае

– бывают белые колдуны и ведьмы, но бывают и черные, Юрий. Шабаш справляют только черные колдуны и ведьмы! Когда рождается младенец с даром, то дар у него – белый. Только потом он может стать черным. Все зависит от воспитания, а еще больше от характера и склонностей самого человека. Падение человеческой души всегда начинается с самого первого проступка. Потом будут укоры совести, стыд, раскаяние и... второй проступок, третий... И вот уже возник в мире черный дар. Дар, который стремится к злу.

Я спросил, что такое шабаш, и Екатерина Ивановна неохотно ответила, что шабаш – это мистерия, посвященная темному богу или антибогу. У Сатаны много имен. Люди избегали произносить это имя, находили замены: враг, козлоногий, козел, лукавый, дьявол, Люцифер и так далее.

Сатана Меркатриг до сих пор является воплощением самого плохого, что есть в человеческой душе, страшным врагом человеческого рода. Человек не способен выстоять перед вкрадчивым коварством черного бога. Слишком изощренный ум противостоит человеку, пробуждая в нем низменные инстинкты.

Екатерина Ивановна рассказывала о Сатане, а я думал, что Сатану, как и Бога, придумали люди, чтобы переложить ответственность со своих плеч на чужие, за совершаемые поступки. И Бог и Сатана мирно уживаются в душе большинства современных людей. Они настолько тесно переплелись в ней, что порой невозможно отличить – где в человеке доб-

ро, а где зло.

Людская фантазия наделила Сатану очень своеобразной внешностью: смуглая до темноты кожа, крючковатый нос, тонкогубый жесткий рот, острый подбородок с козлиной бородкой, маленькие рожки, почти скрытые шевелюрой, демонический разлет бровей и глаза с щелевидными зрачками. Когти вместо ногтей, вместо ступней – копыта и длинный хвост с кисточкой.

Воображение предков настойчиво вводило в облик Сатаны звериные черты, забывая о той истине, что самым жестоким хищником является сам человек. Порукой тому история безжалостного истребления многих видов живых существ говорящим видом животного, гордо называющего себя «Хомо сапиенс».

Добро и зло – это чисто человеческие понятия морально-го плана. Причем, понятия добра и зла медленно меняются со временем. Природа не вписывается в эти категории нравственности. Она существует по своим собственным законам целесообразности. Разберем самый простой пример: Кем является тигр, который подкараулил на водопое легкомысленную лань и ударом лапы сломал ей шею?.. Потом тигр потащил лань к своему логову, где его ждут голодные тигрята. Злое или доброе дело совершил тигр?

В человеческом обществе, в отличие от природы, общественные интересы вступают в конфликт с личными устремлениями индивидуума. Личный эгоизм всегда противостоит

законам добра. Отсюда все наши беды. С каждым десятилетием человечество богатеет и получает больше информации об окружающем мире, но становится ли оно от этого лучше?

Два вечера и ночи я разбирался с подаренными Екатериной Ивановной тетрадами. В тетрадях были записаны подробные рецепты многих лекарств, составов, отваров и мазей. Были в тетрадях тексты старинных заговоров, присушек, заклинаний, молитв и проклятий. Это меня заинтересовало. Я сидел за стол и терпеливо разбирал почерк со старой орфографией. Пытался выяснить механизм воздействия текстов на человека или животное. Екатерина Ивановна не могла помочь, потому что многие понятия воспринимала как аксиомы, не задумываясь о способе влияния.

Почему, например, действует заговор против злого глаза, что чувствует человек защищенный заговором? А не защищенный? Екатерина Ивановна не могла дать определенного ответа. Чувствовалось, что мои бесконечные «зачем» да «почему» начали раздражать старую женщину.

Приходилось самостоятельно искать ответы на вопросы. От тетрадей Екатерины Ивановны переключаться на купленные на базаре, расплодившиеся в последнее время, брошюры частных издательств, в которых печатались популярные статьи о том, что еще недавно считалось запретной темой.

Дни бежали стремительно. С утра я помогал на даче матери. Таскал воду, поливал грядки, полыл, занимался плотниц-

кими работами. Пришлось полностью заменить подгнившие столбы в заборе, вкопать новые. Заодно со столбами заменить прожилыны, купить штакетник и прибить на пустые места. Вместе с ребятишками собирать ягоды и помогать матери варить варенье. Незаметно прошел август и начал отсчитывать время сентябрь. Я был очень удивлен, когда однажды обнаружил, что наш отпуск подходит к концу и скоро придется собирать вещи к отъезду.

Картошку мы с мамой выкопали за три дня. Я сразу затаривал мешки и увозил к нашей развалюхе-даче, засыпал ее в подпол. Картошка в этом году уродилась на удивление крупной.

Ребятишкам на поле было полное раздолье. Сначала они пытались помогать нам с бабушкой копать. Особенно старался Володя. Мать морщилась, но не решалась прервать трудовое рвение помощников. Я показывал сыну, как нужно правильно копать, но у Вовки хватало усердия только выдергивать из земли подкопанные мною кусты и отбрасывать ботву в сторону. Затем он расковыривал маленькую ямку и с искренним огорчением приговаривал, что опять попался куст без картошки.

Юля поначалу трудилась как положено и громко критиковала трудовую деятельность брата. С похвальным усердием она рыла копалкой большую яму и складывала клубни в маленькое ведерко. Потом она, подражая бабушке, подзывала меня и мы пересыпали картошку в мешок.

Скоро я стал замечать, что копать ей надоело. Мать понимающе подмигнула мне. Я воткнул в землю вилы, которыми подкапывал картофельные кусты, и пошел разводить костер из привезенных с дачи дров. Ребятишки тут же бросили копать и с писком понеслись вслед за мной помогать. С помощью помощничков мне кое-как удалось развести костер.

Дети мешали работать постоянно. То им хотелось пить, то они просили кушать, то Вовка бросил горсть земли и попал дочке в глаза. В такие моменты Юлька умела орать очень громко и пронзительно. Я начинал потихоньку злиться. Выход нашла умудренная жизнью бабушка.

– Дети! Вы знаете, зачем папа развел костер? – спросила она.

– Чтобы печь картошку! – вполне резонно ответил сын.

– Правильно. – согласилась с ним бабушка. – Но сначала костер должен долго гореть, чтобы в нем было много золы. В золу папа потом будет закапывать картошку, чтобы она не сгорела. Вот видите? – бабушка показала на маленькую кучку оставшихся поленьев. – Дров может не хватить. Сходили бы вы лучше в лес и принесли хворост.

До ближайшего леса было около трехсот метров. Дети сразу же ухватились за бабушкино предложение и с визгом понеслись по тропинке. Вернулись они минут через двадцать с маленькими охапками хвороста и тут же стали совать ветки в огонь. Подбрасывать топливо в костер обоим так понравилось, что дети совершили еще несколько походов за хворостом.

стом.

Пока они занимались топливом, мы с бабушкой могли спокойно работать... Обед у нас получился на славу. Его гвоздем была печеная картошка. Набегавшиеся, проголодавшиеся ребятишки уплетали ее с таким удовольствием, что скоро ребячьи рожицы были полностью перемазаны сажей. Зато глаза светились радостью. Картошка, копченая колбаса, свежие помидоры и огурцы, хлеб, лук, молоко в трехлитровой бутылки и чай в литровом термосе.

После еды дети разомлели и начали зевать. Я разложил передние сиденья в Ниве. Ребятишки закрыли дверцы, подняли стекла и быстро затихли.

Нам с бабушкой повезло. Именно в эти дни наши сантехники дали впервые за лето горячую воду. Вечером, после работы, мы загнали ребятишек в ванную комнату и они с удовольствием плескались в чистой воде, баловались с игрушками и пищали. Потом мы вымылись сами и только успели помыться, как теплая вода иссякла.

Отпуск подходил к концу. По утрам дети спрашивали меня, сколько дней осталось до нашего отлета. Юлия завела листок с написанными на нем цифрами обратного счета и каждый день зачеркивала по одной цифре.

Билеты я купил на пятнадцатое сентября и этот день приближался. Укладывая вещи, мне пришлось выдержать настоящий поединок с бабушкой. Будь моя воля, я бы путешествовал налегке, с небольшим чемоданчиком. Никогда не мог по-

нять женской натуры, стремящейся обязательно нагрузить мужика огромным количеством вещей. Я орал и сопротивлялся, как мог, но мать была непреклонна.

В итоге мне достался огромный рюкзак, набитый детскими вещами, книгами и прочим скарбом. Еще стояли два больших чемодана, которые ни в коем случае нельзя было сдавать в багаж. Содержимым чемоданов были тройные полиэтиленовые пакеты с солеными грибами и пластиковые емкости с вареньем. Это не считая сумки с дорожными продуктами и теплой одеждой для ребятишек. Когда я попробовал поднять чемоданы, то взвыл еще громче, чем раньше.

– Слабак! – презрительно прокомментировала мое поведение мать. – С виду мужик, как мужик, а на деле самая настоящая размазня! Десяти килограммов поднять не в состоянии.

– Какие десять кило? – возмущался я. – Тут в чемоданах больше пятидесяти. Я не вьючный мул и не ишак! У меня на руках дети! А с рюкзаком больше восьмидесяти кило будет! Доплачивать придется!

– И доплатишь. Ничего с тобой не случится. Не переломишься!..

Ранним утром четырнадцатого числа я в последний раз вывел из гаража свою Ниву и подогнал ее к дому. Всем семейством мы сели в нашу машину и поехали прощаться в Ной.

Обе симпатичные старушки прослезились, когда настало

время уезжать. Всхлипывающая Екатерина Ивановна исчезла на минуту в избе и вернулась к машине со знакомым мне полотняным свертком.

– Бери, Юрий! – сказала она, протягивая драгоценный сверток с книгой. – Мне хватит моих тетрадок. А тебе молодому, в самый раз. Учись по книге и помни об осторожности.

– Спасибо, Екатерина Ивановна!

Я поклонился старой женщине до земли и бережно принял в руки волшебную книгу.

Мы вернулись в Уяр, когда до отхода электрички оставалось чуть больше двух часов. Я погрузил в машину вещи, проверил документы и авиабилеты. Все было на месте. Через пять минут мы уже были на железнодорожном вокзале.

Оставив мать в детях и вещами на вокзале, я отогнал Ниву в гараж и закрыл замки. Потом пешком вернулся на станцию и отдал ключи от гаража матери.

Прощание было тяжелым. Лицо матери дергалось, по щекам катились слезы, ребятишки держали бабу за руки, обещали присылать в письмах рисунки и тоже шмыгали носами.

– Перестаньте, мама! Не на век расстаемся! – уговаривал я.

Думаю, в тот день матери приходилось икать каждый раз, когда я брался за ручки чемоданов и поминал женскую натуру. Поздно ночью я сдал в багаж свой рюкзак и через зал контроля, с притихшими ребятишками и чемоданами прошел в аэрофлотовский автобус. Потом, зажимая в зубах авиабиле-

ты, поднялся в салон самолета по трапу. Усевшись в самолетное кресло, я облегченно вздохнул. Уставшие дети быстро уснули и проспали все два часа, пока ТУ-154 нес нас на север со скоростью девятьсот километров в час...

В Алыкеле аэрофлотовский автобус подвез нас к боковому выходу рядом с залом ожидания. Дул резкий, холодный ветер и было пасмурно. Тепло одетые ребятишки шли рядом со мной, держась за ручки чемоданов. Помогали нести.

Я первый увидел Светлану, стоявшую за решеткой ворот. Хватило одной секунды, чтобы понять, что она в этот момент испытывает. Дети ее еще не заметили, а она уже увидела ребятишек и на лице жены отразилась такая сложная гамма чувств, сила которых меня немного напугала. Представьте себе одновременно смеющуюся и плачущую женщину, у которой от долгого ожидания струной натянуты нервы и могут вот-вот сорваться.

Все это отражало лицо Светланы. Ее аура пылала ярко-зеленым светом и переливалась, как драгоценный камень. Красные сполохи беспокойства и страха быстро исчезали с нашим приближением. Я поступил просто – легонько подтолкнул ребятишек вперед и показал им глазами на маму. Они сразу с писком понеслись к жене, широко раскинувшей руки.

Не буду описывать дальнейшее. Вся троица обо мне забыла напрочь и после продолжительных объятий и поцелу-

ев, отправилась без меня в электричку. Ребятишки даже не оглянулись. Понимая, какие чувства переполняют Светлану и детей, я потихоньку двигался сзади, молчком тащил свои чемоданы.

В электричке было тепло. Дети продолжали виться вокруг мамы, льнули к ней, гладили. Но Светлана вспомнила обо мне и виновато улыбнулась. Быстро разложила на диванчике завернутую в бумагу колбасу и котлеты, достала бутылки с лимонадом и хлеб. Хотя я не был голоден, пришлось проглотить пару домашних котлет.

Вскоре мне пришлось выбраться из вагона на перрон вместе с чемоданами. Светлана не смогла бы тащить в одиночку такую тяжесть. Свой рюкзак из багажного отделения я получил только тогда, когда электричка ушла. Немного пошипев на свое невезение и помянув недобрым словом российское головотяпство, я стал искать попутку. Бешеных денег, которые запрашивали обнаглевшие частники, у меня не было.

До Дудинки я добрался на грузовике, с водителем, который взял с меня «божескую» цену, всего каких-то две сотни рублей.

Когда я вошел в двери своей квартиры, мои ребятишки выглядели очень счастливыми. Они по-прежнему льнули к маме и не обращали на меня внимания. Каково? А?

Почти три месяца я был для них ПАПОЙ с большой буквы и высшей, самой авторитетной, инстанцией. Ко мне они обращались со своими огорчениями и бедами, со своими

маленькими радостями. Я ласкал обоих, поддерживал дисциплину, лечил ребячьи болячки, кормил, перед сном рассказывал самим придуманные сказки. В сказках действовали говорящие самолетики и кораблики, различные зверушки. Главными героями неизменно становились дети: девочка по имени Юля и мальчик Вова. В зависимости от поведения прототипов за прошедший день, сказочные дети у меня получались то хорошими и воспитанными ребятами, то плохими. соответственно этому с ними разговаривали и поступали остальные сказочные персонажи.

Когда я начинал рассказывать сказку о плохих и непослушных детях, моим ребятишкам это не нравилось. Они пищали, зажимали мне рот, затыкали себе уши пальчиками. Ну скажите, какая радость может быть от того, что сказочный дракон загнал непослушных сказочных Юлю и Вову в темную пещеру и не выпускал оттуда целый день? Особенно бурно реагировал на сказочные приключения Володя. Ревнуя к Юле, он установил строгую очередность – кому из них спать в эту ночь с папой и четко вел учет времени, разоблачая без всякой жалости старшую сестричку, когда та пыталась мухлевать.

Теперь Вовка хвостиком следовал за мамой, Юля – тоже. – Та-ак, ребятишки! – обвинил я детей. – В Алыкеле за маму уцепились, а меня с чемоданами бросили! Тащи, папа, тяжеленные вещи один! А ведь помогать обещали. Нехорошо!

Вовка на мой упрек ничего не ответил, только дочь виновато потупила глаза.

– Мы очень соскучились по маме, папочка! – и она погладила меня по руке.

Летом Светлана не теряла зря времени. Она провела меня по комнатам с блестящими свежей краской полами и заново покрашенными оконными рамами, косяками и дверьми. Мы, наконец-то, поцеловались. Глаза жены из-за стекол очков сияли знакомым светом. Она прижалась ко мне, положила руки на плечи, заглянула мне в глаза.

– Я так счастлива сейчас, Юра! – прошептала она. – Так счастлива! Наконец-то мы все вместе. Никогда больше не отпущу вас одних. Так плохо быть одной, так скучно без вас!..

Я спросил Светлану о новостях в экспедиции, но она ничего за последнее время не знала, так как ее сменная работа в порту Дудинки оставляла для отдыха мало времени.

Моя жена сама была виновата в том, что я оказался в отпуске без нее. Суматошный и нелепый своими неожиданностями полевой сезон прошедшей зимы, был неожиданно свернут в начале апреля и полевыми подразделениям пришлось срочно стаскивать имущество отрядов на базу партии. Енисейское геофизическое объединение не смогло обеспечить финансирование нашей экспедиции во втором квартале года. Из-за отсутствия средств нам пришлось прекратить работы.

Вспомните первую половину девяносто второго года, ко-

гда были отпущены цены. Сразу началось что-то невероятное. Цена на любые виды услуг и товары мигом подскочила в десятки раз. Например, цена одного летного часа вертолета МИ-8 с тысячи трехсот рублей подскочила до двадцати трех тысяч, а в начале июня составила уже сорок три тысячи.

Отпуск цен подкосил финансовые возможности бюджетных организаций. Таймырская геофизическая экспедиция принадлежала к их числу. Люди, не выдержав финансового гнета, начали уходить в другие организации. Оставшимся было четко обрисовано положение, в котором оказалась экспедиция. Было предложено брать отпуск без содержания и временно устраиваться работать в городские организации.

Кроме того, ожидалось большое сокращение. С наиболее ценными специалистами руководство экспедиции заключило договора, согласно которым работники этой категории получали право на повышение окладов. Моя жена не принадлежала к числу незаменимых работников и потому ее оклад остался на смехотворно низком уровне.

Когда я прилетел с базы партии в Дудинку, Светлана после сдержанной жалобы на обстоятельства, вдруг попросила деньги на покупку пианино. Я был в шоке. По конторе экспедиции ползли самые различные слухи о ее дальнейшей судьбе. Не последним среди них был слух, что вот-вот наша экспедиция будет расформирована. Я уперся.

– Не дам тратить последние деньги на рояль, который теперь стоит больше двадцати тысяч! Подумала бы о том, что

мы будем делать, если экспедицию разгонят? На что жить?

– Тогда я сама эти деньги заработаю! – упрямо ответила Светлана. – Уже взяла на четыре с половиной месяца отпуск без содержания. Устраиваюсь в порт приемосдатчицей.

Представляете мое положение? Жена вдруг решила сделать из дочки музыкантшу, отдать Юлю в музыкальную школу, и теперь, с обычным для нее упрямством, проводила свое решение в жизнь. Напрасно я протестовал. Светлану ничто не могло свернуть с выбранного пути.

Родом моя жена была с Украины, из Волынской области. Село, в котором жили ее родители, было расположено всего в сорока километрах от границы с Польшей. Маленькая, очень спокойная на вид, особенно когда надевает очки, делающие ее лицо каким-то очень кротким и беззащитным, в действительности она таковой не является.

Мягкая и обязательная перед другими, Светлана могла проявить неожиданное упрямство и решительность, так не вяжущиеся с ее внешним видом. Помните русскую пословицу «В тихом омуте черти водятся»? Так вот – это сказано о моей супруге. Если Светка что-либо вбила себе в голову, переубедить ее – безнадежное дело.

Светлана быстро прошла медкомиссию и начала работать в порту. Я тоже кое-что предпринял – узнал адрес парня, который продавал пианино за божескую цену в пять тысяч рублей. Собрал ребят и притащил пианино к себе в квартиру, на второй этаж.

Покупка пианино не изменила ситуацию. Светлана так и осталась работать в порту, несмотря на мои протесты. Работала она теперь посменно по двенадцать часов, сначала через сутки отдыха, а потом двенадцать часов через двенадцать.

Тогда я взвыл по-настоящему. Пришлось одному, без помощи жены, вставать рано утром, кормить ребятишек завтраком, одевать и отводить в садик. Вечером опять забирать из садика, увозить на автобусе домой, покупать продукты, опять кормить, развлекать, а потом укладывать спать.

Весной в Дудинке погода стояла дрянная. Конец мая месяца, а сверху сыплется снег с дождем, ветер временами с дороги сносит. Приходилось водить ребятишек в садик одетыми, как для путешествия на Северный полюс. Странно было слышать по радио, что где-то далеко на юге стоит тепло, растут трава и цветы.

Долгосрочный прогноз погоды, который мы получили в топоотделе, предсказывал холодное и дождливое лето. Вот тогда у меня в первый раз появилась мысль удрать с ребятишками в отпуск к матери.

Когда я заикнулся об этом в первый раз, Светлана не обрадовалась. Я продолжал настаивать и она через неделю согласилась, что ребятишкам действительно будет лучше побыть лето на материке, погреться на солнышке, поесть овощей и ягод с грядки.

После нашего разговора я быстро купил в предварительной кассе три билета на Красноярск, поставив Светку перед

свершившимся фактом. Улетали мы с Алыкеля, сопровождаемые многочисленными наставлениями и слезами, которые жена не смогла сдержать.

– Бросай ко всем чертям работу в порту и айда с нами! – убеждал ее я.

Но упрямая женщина только отрицательно качала головой. Так мы и улетели без нее...

Глава 5

Когда мы вернулись из Уяра в Дудинку, Светлане осталось обработать в порту меньше месяца. К нашему прилету она взяла на работе скопленные за лето отгулы. Теперь жена сидела дома и водила ребятишек по поликлинике. Сдавала анализы, нужные для устройства ребятишек в экспедиционный садик.

На следующее утро после прилета я привел себя в порядок и поехал в наш топоотдел. Показать своим, что прибыл из отпуска, и узнать последние новости. В топоотделе уже собрались прибывшие из разных мест отпускники, оживленно обменивались летними впечатлениями. Меня они встретили дружным ором и подначками.

–Привет, Ведунов!

–Как, Юрка? Понравилось отдыхать без жены?

–Бросьте, парни! У него там сразу два хвостика были приклеены!

Пришлось отшучиваться, намекнуть, что в Тулу со своим самоваром не ездят и так далее. Постепенно разговор перешел на более серьезные темы. Тем было три: будущее экспедиции, сегодняшние цены и политика.

Минут десять мы дружно ругали Гайдара с его шоковой терапией экономики и Хасбулатова с его Верховным советом. Потом проехали по Ельцину с его успокоительными

выступлениями. Наконец, я узнал для себя главное – экспедиция выстояла. Ее не собираются расформировывать, как я опасался весной.

Даже наоборот, наметилась определенная перспектива – войти в подчинение Таймырскому геолкому, за счет отчислений Норильского комбината и договорных работ улучшить финансовое положение. Уже сейчас оклады, которые нам начали выплачивать, могли удовлетворить мои запросы. Если опять не подскочат цены!

Удрав из топоотдела, когда парни начали сбрасываться на первую бутылку, я успел вскочить в отходящий автобус. Доехав до города я не удержался и завернул в книжный магазин. Купил две книги фантастики, хотя цены показались мне бешеными.

Дома я постарался незаметно от Светланы сунуть свои приобретения на стеллаж с книгами, но был с позором разоблачен горячо любимой дочкой.

–Ну погоди, цыпленок! Я тебе это припомню! – тихонько пригрозил я юной проказнице, когда гроза на мою голову не собралась.

Поздно вечером, когда все уснули, я достал из тумбочки полотняный сверток с книгой. Долго смотрел на золотое тиснение старинной буквенной вязи. И вновь завернул книгу в холст, решая, где ее можно хранить, чтобы не пробудить любопытство Светланы. Ничего не придумав, я вновь положил сверток с книгой в тумбочку под пишущую машинку, взял

последнюю из тетрадей, подаренных мне Екатериной Ивановной, и пошел на кухню.

До четырех утра я прочитал и прочно впечатал текст в свою память, пользуясь приемом, которому научила Екатерина Ивановна. Странное дело. Постепенно, в процессе прочтения и мысленного воспроизведения текста, я стал замечать все больше недостатков в записях.

Читая заговор или молитву, я вдруг спотыкался на полуслове. Чувствовал – не подходит это слово, выпадает из текста, нарушает ритм. Как фальшивая нота в исполняемой мелодии, оно режет мой внутренний слух. Оно должно быть другим, нужное здесь слово. – размышлял я и начинал искать.

Видимо, в процессе работы над тетрадями Екатерины Ивановны в моем сознании проснулся природный компас или интуиция, которая почти безошибочно указывала мне нужное направление поиска. Я менял ритм, амплитуду необходимого мысленного воздействия и, со временем, находил верное слово, которое словно специально было создано для этого места в молитве или заговоре, и усиливало воздействие текста в целом.

Все это делалось мною практически. С теорией было сложнее. Я не мог понять – каким образом исправленный мною заговор может воздействовать на зверя или человека. Каков механизм переноса информации? В Ное, под руководством Екатерины Ивановны, мне, хочешь не хочешь, при-

шлось убедиться, что ее заговоры действенны. А как?

Моим основным недостатком было то, что я не мог выполнить работу, пока не уяснял для себя, почему именно так ее нужно делать. То, что Екатерина Ивановна воспринимала как данность или аксиому, не требующую размышлений, вызывало во мне десятки вопросов: почему, зачем, как?

Старинные рецепты лекарств из тетрадей Екатерины Ивановны откладывались в моей памяти без малейшего душевного протеста. Мази, настои, сложнейшие по приготовлению микстуры. Но стоило перейти к заклинаниям, как тут же начинались сомнения. С неохотой поверив в наличие у меня природного магического дара, я по-прежнему оставался в душе «Фомой не верящим». Не верил в действенность оберегов и талисманов, в возможность вызывания духов, в защитные свойства пентаграммы, которой оберегают себя колдуны при выполнении обрядов.

Стараясь не потревожить чуткий сон Светланы, я прокрался в комнату, положил на место тетрадь и тихонько пристроился на краешке постели. К чертям проблемы заговоров и собственный магический дар. Пусть проваливаются в тартарары! Прочитал сонное заклинание и мгновенно уснул.

На третий день после возвращения в Дудинку, я решил сходить на могилу к Мамеду или просто, как мы все его звали, Мишке. Захватив в карман конфет и несколько пряников, я вышел из подъезда и мимо универсама поднялся вверх

по склону. Наверху я пересек железнодорожную ветку и по верхней дороге зашагал в направлении нашего нового городского кладбища, расположенного на холме к северо-востоку от последних городских строений.

С Мамедом мне пришлось отработать вместе около двадцати полевых сезонов, «намотать» по зимней тундре не одну тысячу километров, поломать на застругах не одну пару лыж и разбить на местности не одну сотню сейсмических профилей.

Мамед был старше меня лет на десять и, как большинство наших полеви́ков, не успел дожить до пенсии. Этот человек являл собой ярчайший пример того, насколько внешняя форма может не соответствовать внутреннему содержанию. Во-первых, он был красив, особенно в молодости, какой-то грозной, разбойничьей красотой.

Когда я его в первый раз увидел, то едва удержался от восхищенного возгласа: Господи! Вылитый разбойничий атаман с большой дороги! За несколько месяцев работы в тундре Михаил оброс волосами. Иссиня-черная грива жестких волос крупными волнами падала на спину и плечи. Такими же волнами шла пышная черная борода и сливающиеся с бородой усы.

Черные, огромные, с восточной раскосинкой глаза смотрели из-под сросшихся бровей с неодолимо властной силой. Кожа на лице была смуглой до черноты. А между бородой и усами изредка сверкали ослепительно белые зубы.

Такая внешность могла быть только у восточных владык. Например, у Тамерлана, у хана Батыея или у деда хана Батыея, Чингиза. Когда заканчивался полевой сезон и мы выбирались в Дудинку, то мужики и женщины, столкнувшись с ним неожиданно, шарахались в сторону. Познакомившись поближе женщины начинали липнуть к нему, как заговоренные. Но бабником Мамед не был.

Кроме всего прочего, он был отчаянным матершинником и пьяницей. Под разбойной внешностью пряталась душа, которой мог позавидовать ангел. Чистая душа младенца, органически не способная нанести вред ни одному живому существу на свете.

Я поднялся на кладбищенский холм, заросший кустарником, прошел от входа налево к третьему могильному ряду. Возле пятой по счету могилы я остановился. Могильный холм с прошлого года просел в ногах. Сваренный из трехмиллиметрового железа памятник заржавел и покосился. Мавлетдин Бадретдинович Бадретдинов было написано моей рукой на пластинке из нержавеющей стали. Покосилась и ржавая металлическая ограда.

Досадуя на себя, я достал из кармана конфеты и положил на провалившуюся рыжую глину могильного холмика. Поправив памятник и оградку, я мысленно дал себе клятву, что завтра приду сюда с лопатой, кистью и банкой масляной краски. Могила друга не должна выглядеть запущенной.

День стоял пасмурный. Юго-западный ветер низко над го-

ловой нес серые лохмы облаков, свистел в железных прутьях оградки. Занятый своими мыслями, я не сразу обратил внимание на странный световой отблеск за кустарником к северу от кладбища.

Выглядело так, как будто в низинке работала сварка. Но голубоватый, пульсирующий свет не был мертвым и жестким сиянием электрического разряда. Он был странно мягким, живым, как будто за завесой веток пряталось огромное живое существо, обладающее необыкновенно мощной аурой.

В солнечный день, с его энергетическими помехами, я бы наверняка ничего не увидел. Зато в серой цветовой гамме, окружающей меня со всех сторон, выпадающее из нее световое пятно выглядело слишком необычно. Любопытство заставило меня подняться на вершину кладбищенского холма, и в широкой низине между холмами я увидел маленький холмик.

Собственно говоря это был даже не холмик, а так, бугорок, весь заросший кустами. Вершина бугорка мерцала из-за переплетения вервей голубоватым светом, который мне недавно описывала Екатерина Ивановна, вычитавшая описание из книги Велеса.

Книга Велеса, по словам старой знахарки, утверждала, что подобные природные образования встречаются крайне редко. С глубокой древности европейские друиды и наши волхвы знали всего несколько таких мест, где люди обладавшие даром, могли получить заряд волшебной энергии, увеличи-

вающей их могущество во много раз. Расположение таких мест, которые волхвы называли холмами эльфов, держалось в глубокой тайне.

Неужели передо мной действительно энергетический холм? – не верилось мне. Тот самый сказочный холм, в котором, по преданиям, обитают эльфы и водят свои волшебные хороводы феи?..

Обнаружить такой холм почти рядом со своим домом, само по себе было почти невероятной удачей! Возможность лично убедиться в справедливости утверждения книги Велеса о необыкновенном энергетическом воздействии на магический дар заставила меня спуститься вниз с кладбищенского холма и, чавкая ботинками по грязи, обогнуть небольшое озеро, спрятавшееся в низине. Потом пришлось продира́ться сквозь кусты, становившиеся все гуще.

Когда я приблизился к голубому мерцанию метров на двадцать, пришлось остановиться. Заросли кустарника вокруг сказочного холма больше походили на джунгли, настолько они были густыми. Стволы у основания достигали толщины больше двенадцати-пятнадцати сантиметров. Масса веток настолько тесно переплелась между собой, что пройти было практически невозможно.

Чертыхаясь, порвав в первой попытке куртку, я был вынужден отступить. Пришлось бродить по кругу вокруг недоступного холмика, удивляясь про себя тому, насколько хорошо природа упрятала от посторонних глаз свою тайну.

Не найдя нигде просвета в переплетении ветвей, я все-таки не отступил. Опустился на четвереньки и ползком прополз между стволами последние метры.

Поднявшись на ноги, я остановился по пояс в густой траве, правильным кольцом окаймляющей круг голой сухой земли около пяти метров диаметром. Над кругом, невидимое для глаз непосвященного, рвалось вверх голубое мерцающее пламя энергетической короны. Из центра проплешины иногда бил в небо столб голубой энергии такой насыщенности, что в облачном небе над головой мгновенно появлялось чистое окно, которое потом постепенно затягивалось.

Я стоял рядом, буквально в метре от живого чуда, и каким-то озарением понимал, что если сделаю вперед один шаг, обязательно «сожгу» себя за несколько коротких мгновений. Сгорю, как перегорает электрическая лампочка от внезапно повысившегося напряжения.

Екатерина Ивановна ничего не говорила о том, как пользоваться этой энергией. Но я, оказывается, хорошо знал, что нужно делать. В моем сознании проснулось нужное знание и подсказало, как поступать.

Оставаясь в травяном кольце, я повернул кисти рук ладонями вниз, соединил вместе большие пальцы и осторожно погрузил руки в мерцающую корону бьющего из земных недр фонтана сказочной силы. По телу разлилось ощущение тепла, легкое покалывание в кончиках протянутых вперед пальцев сменилось ощущением чистой радости бытия, уве-

ренности в себе. Мощь и сила проникали в глубину тела, распирала его, наполняли разум.

Я был готов стоять возле голубой короны вечность. Не двигаться, не думать, только пить, как из родника, голубое сияние. Я стоял, закрыв глаза и тихонько покачиваясь до тех пор, пока внутренний голос не прошептал повелительно: ХВАТИТ! Тогда я очнулся от грез и с сожалением убрал руки от живого пламени.

Когда я вернулся домой, то, наверное, сиял от беспричинного чувства радости. Заряженные сказочной энергией душа и тело жаждали действия с такой силой, что мне пришлось переделать массу работы, которую я из месяца в месяц откладывал.

Утеплить в большой комнате окно, расширил подоконник под горшки с цветами, повесил в оконном проеме три лампы дневного света. Насверлил электродрелью дырок в стене, забил чевики и повесил нормально большой ковер над тахтой. Коротким импульсом энергии я взбодрил приунывшего было сынишку и даже, к собственному удивлению, легко вылечил насморк дочке.

Вернувшись из похода по магазинам Светлана некоторое время смотрела на мою деятельность со все возрастающим удивлением и, наконец, сказала:

– Ты, Юра, работаешь, как на пожаре. Давно в тебе такого рвения не наблюдала. Глаза сияют, помолодел лет на десять. Может быть тебе премию в конторе дали?

– Конечно дали! – я обнял ее за талию. – Тебя, например, и детей тоже. – я кивнул в сторону детской комнаты. – Может, нам стоит сотворить третьего?

– Ну тебя! Нашел время мечтать! Ночью нужно об этом думать!

Светлана вроде бы пыталась оттолкнуть меня, оглядывалась на двери детской комнаты, а сама прижималась ко мне всем телом. Впервые за семь лет нашей супружеской жизни она осталась одна на три месяца. Одиночество подействовало на жену в лучшую сторону. Светлана стала ласковей и терпеливей с детьми и, что совсем удивительно, со мною. В ней, наконец-то, проснулась истосковавшаяся по любви и мужской ласке женщина. Я пытался дать жене все, как мог и как умел.

По ночам, лежа в своей постели без сна, касаясь друг друга телами, мы строили различные планы дальнейшей жизни, мечтали и были откровенно счастливы!

Боже ты мой, как мы тогда были счастливы! Не хочу вспоминать, но она сама лезет в голову – память о том давнем, навсегда прошедшем времени. Какое это счастье – чувствовать рядом любимого человека! Касаться ее тела, пальцами ощущать упругое сопротивление женской груди, шершавость выкормивших моих детей сосков, чувствовать ладонями атласную нежность бедер, искать в темноте ее жадные губы и слышать жаркий, задыхающийся шепот:

– Юра!.. Юрочка!.. Юрка ты мой!..

Отпуск у меня заканчивался первого октября. Светлана вновь вышла на работу, а дети начали ходить в садик. Отвезя ребятшек на автобусе в детский сад, я возвращался домой, проходил в кухню и прежде всего заваривал крепкий чай.

Потом я доставал из тумбочки сверток с книгой, ложил на кухонный стол, раскрывал тяжелый гримуар на первых страницах и принимался за нелегкий труд переводчика. С помощью Екатерины Ивановны я справился в Ное с тремя начальными листами рукописной книги, на которых давалась краткая характеристика магии и ее разделов. Теперь же, оставшись без опытной помощницы, я убедился, что язык тысячелетней давности не возьмешь лихим волевым наскоком.

Сначала я записывал текст привычными для меня современными буквами, а потом уже приступал к переводу. Приходилось копаться в энциклопедических словарях, читать «Одиссею» и «Илиаду» в переводах Жуковского и Гнедича, изучать словарный запас Житий святых и Библии. Особенно помогло издание «Слова о полку Игореве», где наряду с оригиналом печатался текст переводов Слова на русский, украинский и белорусский современные языки.

Шло время и однажды наступил такой момент, когда я понял, что текст начальных листов книги Велеса больше не является для меня набором непонятных слов с ускользающим смыслом. Я мог свободно читать и понимать старинную вязь букв, как будто сам родился в десятом веке.

Раньше я говорил, что не верю в бога, но неизвестный автор книги неожиданно показал мне религию в новом освещении. Он утверждал, что религия и колдовство – это суть одно и то же. Что жрецы древности и священнослужители наших времен используют в своих службах одни приемы, чтобы повернуть душу человека к божественным началам.

Мое одностороннее воспитание не позволяло мне принять идею бога и божественной силы. Ближе и понятнее моему сознанию были олимпийские боги с их поистине человеческими страстями и пороками, чем наш христианский бог. Я не мог поверить, что бог маленького, болезненно гордого народа и маленького государства, затерянного в полупустыне и прошедших тысячелетиях, является истиной для половины современного человечества.

Безымянный автор книги в первом разделе утверждал: Есть видимый мир и невидимый для человека, которым руководит Мировой разум, обладающий Сознанием и Мировой волей. Земля с ее флорой и фауной – создания этого мирового разума. Человечество – часть созданной мировым разумом системы.

Подобно Мировому разуму, человек тоже обладает сознанием и волей на своем, человеческом уровне. Он связан с миром мириадами незримых нитей взаимного влияния и проникновения. Тело человека – самая совершенная в настоящее время биологическая машина, созданная природой и непрерывно совершенствующаяся по программе, вложен-

ной в него мировым разумом.

Наше тело и его органы – это материальная конструкция, заключающая в себе другое, астральное тело, или, по современным понятиям, полевою форму человеческого существа. Организованный сгусток энергии, проявление которого люди, обладающие даром, видят в форме окружающей человека ауры.

Физическое тело, астральное тело, разум или душа – вот три сущности человека, которые волей мирового разума объединены в единое целое. Физическое тело живет, принимает пищу, превращает ее в энергию. Астральное тело распределяет энергию между органами, питает ею мозг, накапливает необходимые запасы в своих аккумуляторах. Сознание принимает информацию от органов тела об окружающем мире, накапливает ее в памяти, анализирует и, наконец, с помощью воли принимает решение и побуждает тело к совершению определенных действий.

Человеческий разум – это «бог» человеческого тела. Разум не участвует в непосредственном руководстве нашими органами и клетками. Этим занимается подсознание. Пока тело здорово, человек не обращает внимание на то, как он двигается, какие мышцы задействованы в движении. Конечно, он иногда ощущает боль от повреждений физического тела. Но это происходит только тогда, когда повреждения значительны и о неблагополучии сигнализируют сразу миллиарды поврежденных клеток тела.

По аналогии с человеческим телом автор книги рассматривает нашу Землю, как живой организм. Нас, живущих на Земле, он сравнивает с мельчайшими клетками этого организма. А Солнце и планеты – с органами вроде сердца, легких, печени и почек. Астральным телом нашей солнечной системы он считает солнечный свет, электромагнитные и гравитационные поля, связывающие планетную систему в единое целое...

Расшифровав и записав все то, что у меня получилось, я засомневался: Где же тогда находится разум этого космического левиафана?

Я перевернул пергаментный лист и нашел ответ. Мы, люди, называем разум нашей солнечной системы «Богом» или Мировым разумом. Бог находится в нас и вокруг нас. Мы являемся ничтожно малой его частичкой!

Было в пору восхищаться логикой автора книги. Теперь, по аналогии с человеческим разумом и его телом, автор примется утверждать, что Бог или Мировой разум не имеет понятия о жизни и проблемах своих крошечных человеко-клеточек. У Мирового разума должны быть свои, неизмеримо большие, абсолютно нам непонятные мысли и желания. А так же поступки.

– В таком случае, на кой черт он мне нужен? – возмущился я. – Зачем мне такой бог? Какое мне дело до его планов и свершений?

Чертов автор! Он припер меня к стене и заставил задуматься.

маться над такими проблемами, о которых я раньше не имел понятия! Заставил на следующее утро брать приступом городскую библиотеку, копаться в журналах по философии, читать труды Пифагора и книги по истории религий. Индуизм, буддизм, ислам и Коран с Библией. Заставил задуматься над тем, зачем живет на Земле человек вида «Хомо сапиенс» по фамилии Ведунов и по имени Юрий?

Следующий лист книги Велеса дал ответ. Он заключался в эволюции человеческого разума и стремлении к самосовершенству. Человек сейчас находится на полпути к познанию самого себя и Мирового разума. Выделившись из животного мира, человечество пошло по пути накопления знаний коллективного сознания, одновременно утрачивая животные инстинкты. Теряя в одном, человек приобретал в другом.

Важнейшей находкой человека разумного было изобретение письменности. Она, своего рода, сознательная видовая память, позволяющая следующим поколениям использовать полнее накопленный опыт в своей деятельности.

Множество поколений должно смениться на Земле, пока человеческие разумы смогут напрямую общаться друг с другом, сольются в один планетный сверхразум, чтобы на равных общаться с Мировым разумом. Человек отдаленного будущего будет отличаться от нас так же, как мы отличаемся от низших животных и насекомых. Например, от таракана!

Мне казалось, что я нащупал слабинку в рассуждениях ав-

тора. Его похвала, которую он расточал человеку, как царю природы, и выделял его из животного мира как единственное существо, обладающее разумом, казалось мне явным перебором для вида «Хомо сапиенс».

Не вьжуются наши сегодняшние дела и свершения с утверждением автора. Нескончаемые войны, жестокость, загрязнение земной биосферы отходами «разумной» деятельности. Наше настоящее больше убеждало в том, что человек – самый беспощадный за всю историю Земли хищник. Приняв на веру утверждение автора книги, что Земля – живой сверхорганизм, имеющий разум, нужно удивляться его терпению. Почему планета не остановит безудержную экспансию вида «Хомо сапиенс»?

Допустим, разумное существо Земля не подозревает обо мне, не догадывается о моем личном существовании. Зато глобальные беспорядки на своем теле, которые творит человечество, она должна чувствовать?

Кем он может считать человечество? Венцом божественного творения или раковой опухолью на своем теле? Очень странно было думать о своей планете, как о гигантском живом организме, имеющем разум.

Биосфера Земли во множество раз больше человека и, следовательно, на много порядков сложнее. Возможно, она способна перерабатывать и хранить огромные количества информации. Срок ее жизни не сравним с моим. Смешно сравнивать мои десятки лет и несколько миллиардов лет зем-

ной жизни.

Может быть на наше счастье, скорость ее нервной реакции тоже растянута во времени по сравнению с моей? Пройдут тысячи лет, пока Земля почувствует горькие плоды нашей сегодняшней «разумной» деятельности!

Если пойти в рассуждениях дальше и представить себе, что выражение автора книги «Мировой разум» следует понимать буквально? Представьте себе такую цепочку: планетарное сознание Земли является частью организма планетарной системы, а солнечная система – частицей разумного организма какого-либо звездного скопления, та – Галактики и в последнюю очередь – Вселенной...

Голова шла кругом от непривычных мыслей. «Черт бы тебя побрал! – злился я на навеянные книгой странные мысли. – Додуматься до разумной Вселенной! Так и свихнуться недолго... Бросай завиральные идеи, Ведунов! Спяишь!»

Может и впрямь разум присущ не только человеку, а является неотъемлемой частью космического порядка? Почему я вслед за Эйнштейном и другими учеными должен считать, что наша Галактика – это только гравитационно-механическая система? На самом деле – разум и поля разума такое же свойство Вселенной наряду с пространством, временем и материей?..

* * *

Не сразу, примерно через неделю, я осторожно рассказал Светлане о том, что случилось в Уяре с сыном. Не скрыл

о своих метаниях по деревьям в поисках знахаря и о своем знакомстве со старой знахаркой и прекрасным человеком Екатериной Ивановной, вылечившей Володю.

Жена слушала меня молча, со спокойным видом, и только крепко стиснутые маленькие кулачки, прижатые к груди, говорили о волнении.

– Случись что с Володей, я бы тебе этого не простила, Ведунов! – выдохнула она, когда я закончил.

– Я и сам бы себе не простил, Света.

– А эта... Екатерина Ивановна? Можно ей написать письмо, поблагодарить за сына?

– Конечно, Света. Она будет только рада. Родных у Екатерины Ивановны никого нет.

– Тогда я и посылку соберу, Юра.

Светлана отправила в Ной посылку и письмо. Екатерина Ивановна ответила. Между старой знахаркой и женой завязалась оживленная переписка. Я был рад этому.

Однажды я попробовал осторожно намекнуть Светлане, что Екатерина Ивановна у меня тоже обнаружила способности к целительству и экстрасенсорному восприятию, она мне не поверила. Хуже того, жена подняла меня на смех.

Язычок у моей супруги был острый и выражения она не слишком старалась подбирать. Поначалу я обозлился, но потом, поразмыслив, решил, что это к лучшему. Предупреждение Екатерины Ивановны об опасности моего дара для семейной жизни, по-прежнему беспокоило. Конечно, я знал,

что наступит такой момент, когда мне придется рассказать Светлане о своем даре. Но пусть это случится как можно позже.

Когда мне до чертиков надоедали теоретические изыскания и мысленная конфронтация с безымянным автором книги Велеса, а в голову не лезло ничего путного, я откладывал книгу в сторону и занимался более приятным делом – практическими разделами магического искусства. Постепенно я овладел приемами мысленной концентрации психоэнергии и научился, закрыв глаза, выделять в комнате полупрозрачные контуры материальных предметов. Шкафов, посуды, линий скрытой в стенах электропроводки, книг.

Потом я одевался и уходил за кладбище с подновленной могилой Мамеда. Пробирался к маленькому озеру рядом с холмом эльфов, сидел на замшелый валун и концентрировал внимание. Медленно проступали в сознании контуры окружающей меня местности. Вода, заросли кустарника, далекие линии электропередачи, скрытые под слоем вечной мерзлоты камни, контуры холмов. Ауры находящихся поблизости живых существ выглядели на призрачном фоне яркими комками живого огня. На холм эльфов я старался не смотреть, боялся ослепнуть от его чудовищной энергетической мощи.

Прежде всего, я решил исследовать свои возможности в способностях к телекинезу и телепортации. То есть к переносу материальных тел с помощью мысли на расстояние. Очень

скоро я установил, что мысленное волевое усилие и количество затрачиваемой на работу энергии не зависит от расстояния, а зависит только от массы поднятого предмета.

Первые опыты я начал дома со спичками. С помощью магической формулы концентрировал энергию, составлял мысленную программу воздействия и коротким волевым импульсом посылал к спичке силовой жгут. Спичка приподнималась над столом, висела в воздухе неподвижно или, повинуясь моему желанию, совершала сложные эволюции возле моего лица.

Полдня мне пришлось потратить на способ мгновенного переноса спички на небольшое расстояние. Я разбил несколько кусков стекла, пытаясь «протащить» спичку сквозь стекло на другую сторону. Все дело заключалось в одной маленькой ошибке, допущенной мною при составлении программы воздействия.

Когда я ее нашел и перенос получился, я был горд своим успехом. Скоро наступило разочарование. В опытах на местности я быстро достиг предела возможностей. Триста граммов массы и расстояние не больше сотни метров. Ни большего веса, ни расстояния я осилить не смог, хотя и старался. Бегал к холму эльфов и накачивался энергией под «завязку». Те же граммы и сотня метров.

Автор книги приводил примеры переноса массы в несколько десятков тонн, но не давал никакого намека, как этого можно добиться. Только формула концентрации эне-

гии мысли и некоторые намеки на составление программы.

Возможно, я не учитывал какого-то мелкого условия, необходимого для успеха. Ведь получилось у меня в Уяре с коровой, которая весила не меньше трехсот килограммов! Правда, я тогда был сам не свой от страха за жизнь сына и действовал интуитивно. В спокойном состоянии мой дар больше трехсот граммов осилить не мог.

В конце концов, я поступил так же, как поступает в подобных случаях ребенок. Я «обиделся» на дар и решил заняться опытами по подчинению себе сознания животных. Эти опыты потребовали от меня огромного расхода энергии. От полного изнеможения меня спасал только энергетический холм, настолько безрассудно я тратил психоэнергию.

Однажды вечером я поленился восстановить потери энергии и припелся домой, едва передвигая ноги. И именно в этот вечер Светлана закатила мне грандиозный скандал.

Она кричала, что я совсем отбился от рук и перестал выполнять минимум домашней работы. Помойного ведра вынести не могу, да еще пропадаю, черт знает где, пока она бьется, как рыба об лед! Обихаживает детей, плюс тунеядца-мужа!

Я молчал и мысленно чесал в затылке, внутренне признавая, что Светлана права. Мое участие в делах семейных заключалось в доставке ребятишек в садик и обратно. Остальное делала жена. Стирала, гладила, готовила обеды и ужины, следила за чистотой и порядком в квартире. Закончился

скандал как обычно:

– Сходи за хлебом, Ведунов! Видишь, мало осталось? Купи майонез. Возьми с собой талоны. Вдруг там что-то вкусное выкинут!

Я оделся, взял сумку и отправился в магазин. Жена редко называла меня по имени. Только в самые светлые минуты интимной близости могла назвать Юрой, Юрочкой. Чаще всего я был просто Юркой или, что бывало гораздо чаще, Ведуновым.

Глава 6

Занятий своих я, конечно, не бросил, просто стал осторожнее. С утра делал что положено по дому, ходил в магазины. После обеда уходил к холму эльфов и до вечера занимался экспериментами. Потом шел в садик за ребятишками, и по ночам сражался с главами книги. Подчинение своей воле животных тоже имело множество специальных приемов. В книге приводилось более десятка формул магического приказа. Испробовав все, я сократил количество до трех, наиболее подходящих. Кроме того, сам изобрел магическую формулу привлечения внимания птицы или зверя, которую называл «зОВОМ».

Устроившись на своем валуне, я закрывал глаза, очищал сознание от посторонних мыслей, мысленно произносил формулу сосредоточения и с помощью «сверхчувствительности» сознания, как называла это состояние Екатерина Ивановна, или «мозгового психолокатора кругового обзора» – так называл я, прощупывал окружающее пространство. Через несколько секунд я знал обо всех живых существах, находящихся в радиусе около трехсот метров.

Это был предел возможностей моего личного психолокатора. Чтобы увеличить дальность, нужно было переходить от кругового обзора к направленному лучу, широкому или узкому. Все зависело от поставленной задачи.

Выбрав подходящую живую цель, я посылая свой «зов». Варьировал зов, меняя высоту основного тона и его амплитуду. Цель, выбранная мною, прыгала от меня по веткам кустарника в двадцати шагах. Открывая глаза я видел нахального воробышку, время от времени норотившего стащить у меня крошки, оставшиеся после еды. Я ничего не мог с ним поделаться около десяти минут. Потом у меня получилось.

Воробей замер на ветке и я услышал слабенький ответный сигнал. Не торопясь, стараясь не спугнуть непоседу, я сделал подстройку зова и мгновенным усилием воли завладел сознанием маленькой птички. Заставил воробья подлететь ко мне и сесть на руку. Затем я опять поднял воробья в воздух и заставил выделять рядом со мной акробатические фигуры.

Беспокойство и страх крохотного создания я старался убрать осторожным воздействием своей воли, внушая дружелюбие и доверие к огромному существу. Увидев неподалеку второго воробья – самца, я внушил моему подопечному чувство гнева к сопернику.

Видели бы вы, как мой воробышек встопорчил свои перышки! Как яростно бросился к сопернику и зачирикал свои воробыные оскорбления! Как отважно бросился в драку! Я оставил внушение, отпустил на волю сознание маленькой птицы, но воробьи продолжали сражение, сопровождая военные действия шумом и писком. Пришлось вновь вмешаться и развести драчунов друг от друга.

С пролетающей мимо куропаткой было проще. Я понизил тон своего зова и сразу попал в яблочко. Начавшая менять оперение птица встрепенулась, а потом послушно изменила направление полета и спланировала к моим ногам.

Постепенно, методом «тыка», я нашел нужную частоту зова для живущих неподалеку зайчишек, для дикого гуся, имевшего неосторожность опуститься рядом со мной на воду. Заставил плавать вместе с уже прирученными с помощью зова утками. Я легко добился взаимного понимания с одичавшей за лето кошкой. А однажды, почувствовав себя достаточно подготовленным, справился сразу с парой подошедших на расстояние действия кругового обзора биолокатора собак. С визуальной наводкой по лучу зрения я мог «поймать» зовом куропатку и подчинить ее на таком расстоянии, когда мог различить ее силуэт, хорошо заметный на рыжем фоне осенней тундры. С помощью бинокля расстояние становилось больше.

Однажды, далеко в тундре я заметил среди кустов какое-то серое движущееся пятно. Оно находилось от меня на расстоянии около полутора километров. Решив, что это собака, я послал зов и вдруг почувствовал сопротивление. Животное сопротивлялось мысленному воздействию даже тогда, когда я поднял мощность энергетического потока. С трудом мне удалось сломить сопротивление огромной собаки.

Пес неохотно повернул в мою сторону и затрусил какой-то странной иноходью. Ему оставалось преодолеть последние

тридцать метров, когда он поднялся на пригорок и опять появился в поле прямой видимости. Я разглядел серую лобастую голову, своеобразное движение крупных лап и вытянутый палкой ободранный хвост.

Волк! Узнал я. От неожиданности я ослабил давление и контакт тут же прервался. Волк остановился, лязгнул в мою сторону зубами и удрал. Часами я сидел на своем валуне, окруженный созванными со всех сторон стайками леммингов, куропаток и чаек, считавших меня, благодаря внушению, большим самцом их вида, и подкармливал хлебными крошками.

Наступил октябрь. Тундра покрылась первым снегом, озерко сковал пятисантиметровый слой льда. Только вокруг энергетического холма кольцо травы по-прежнему оставалось живым и зеленым. От сухой земли в центре травяного круга по-прежнему шло ощущение приятного тепла и мерцало голубое пламя короны.

Первого октября я вышел на работу и теперь проводил рабочие часы в топоотделе экспедиции. Делал выписки координат и высот пунктов триангуляции на площадь зимних работ, запасался полевыми журналами теодолитных ходов, бланками ведомостей для черновых вычислений. Добывал миллиметровку и кальку. Проверял свои теодолиты, припаивал проводки к лампочкам от карманного фонарика для ночных работ. Искал по городу карандаши, ручки, стиратель-

ные резинки, мягкие лыжные крепления. Собирал мелочевку, без которой не обойтись в тундре.

Дома постепенно заполнялись нужными вещами рюкзак и чемодан. Светлана покорно вздыхала, глядя на мои сборы.

– Нашла за кого выскочить замуж! За бродягу – топограф! – бормотала она. – Хотя бы одну зиму побыл с нами, Юра.

– Не могу, Света. Сама знаешь, что не могу. Обещаю, что прилечу к Новому Году. Сделаем задел для сейсмоотряда и вылечу. Вот увидишь! – уверял я жену.

– Смотри, Ведунов! – грозно сказала она. – Помни, что сказал. Не выполнишь – уйду от тебя вместе с детьми! Брошу.

Я обнял Светлану, заглянул в глаза, беззащитно смотревшие на меня из-под стекол очков, поцеловал. Ребячишки тоже вздыхали и просили не улетать в тундру. Приходилось терпеливо объяснять детям, что папа должен работать в тундре и получать за это деньги. Мама за деньги будет покупать еду, детскую одежду, платить за детский садик и покупать игрушки. Дочка слушала мои объяснения с серьезным видом, а потом спросила:

– Когда я вырасту большой, буду так жить, как мама?

– Что, как мама, Юля? – не понял я.

– Значит, я тоже женюсь?

– Женщины так не говорят, Юля. Они говорят: выйду замуж.

– А за кого я выйду замуж?

– Сначала ты вырастешь, – пустился я в объяснения, – закончишь школу. Поступишь в техникум или институт. Сначала выучишься, а потом выйдешь за хорошего парня.

– Как я узнаю, что он хороший, пап? Вдруг он начнет драться?

– Ну, дочка! Ты не сразу выйдешь за него замуж. Сначала ты с ним познакомишься, узнаешь хорошенько и потом решишь – выходить за него замуж или нет.

Дочка наморщила лоб и долго думала.

– Нет, папочка! – глубоко вздохнула она. – Не пойду я за него замуж. Не хочу. Лучше за тебя выйду замуж, папочка!

Я вякнул ей в ответ что-то нечленораздельное и свалился со стула. Валялся на дорожке, задыхаясь от хохота. Дети приняли это как мое приглашение побеситься и навалились на меня с писком. Светлана заглянула в детскую, поглядела на кавардак, который мы устроили, и покачала головой. Я протянул руку, затащил жену в кучу и мы долго барахтались вчетвером. Только поздно вечером, уложив ребятишек спать, я рассказал Светлане о причине нашего веселья.

С годами за нашими ребятишками все больше требовался присмотр. Особенно нужно было следить за быстро подрастающим сынишкой. Володя любил помогать маме на кухне. Мыть посуду, готовить. Конечно, он больше мешал, чем помогал. Но это полбеды.

Весной он пристрастился брать мои инструменты и сту-

чать молотком по чему попало. Пилил пилой-ножевкой принесенные с улицы деревяшки и забивал в них гвозди. К сожалению, деревянные бруски он ложил на стулья и гвозди почему-то прибивали деревяшки к стульям.

Пришлось несколько раз поговорить со строителем со всей строгостью, пока Володя не понял, что забивать гвозди в стулья – опасно для его попки. Естественно, при таких работах с юным мастером случались разные неприятности. То он поранит палец о зубья ножовки, то ударом молотка по пальцам сорвет кожу. Рева в таких случаях было много. Сын тряс рукой и с ужасом смотрел на кровь.

– Па-а-апа! Больно, папочка! – причитал он. – Ой, ай, ай-ай! Я умру, да?

– Я тебе умру! – грозно обещал я, доставая из аптечки бинт. – Сниму ремень и всыплю умирающему на всю катушку!

Палец был забинтован. Вовка переставал орать под угрозы дочери:

– Терпи, Вова! Ты же мужчина!

Через пять минут я опять слышал стук молотка по дереву.

Однажды я не выдержал постоянных набегов юного строителя на свой слесарно-столярный уголок и спрятал от него в дальний ящик все гвозди. Вовка вышел из положения способом, о котором я не подумал. Он добрался до подставки с мелкими сверлами и использовал сверлышки вместо гвоздей. Пришлось срочно вернуть коробку с гвоздями на старое

место.

Дней за пять перед моим отлетом в тундру произошел случай, напугавший меня и Светлану. Я валялся на диване и пытался читать купленную тайком от жены книгу. Это была «Фантастическая сага» Гаррисона. Талантливое произведение, полное юмора и невероятных приключений героев, путешествующих во времени с невероятной легкостью. Читалась книга легко. Не нужно было ломать голову над ускользающим смыслом фразы, как у автора книги Велеса.

Вдруг на кухне послышался громкий треск и крик Светланы. Свет погас. Догадываясь, что могло произойти, я помчался на кухню. В сгущающихся сумерках раннего октября я увидел испуганную рожицу сынишки, выглядывающую из-под руки матери. К проводам была подвешена дощечка с просверленной в уголке дыркой.

Содрогаясь от мысли, что могло произойти, я выдернул вилку из розетки и потащил из брюк поясной ремень.

Пять минут на кухне стоял сплошной гвалт. Орал я, возмущалась Светлана и орал Вовка за спиной у мамы. Немного успокоившись, я вышел в коридор. Открыл щит и врубил выбитый замыканием автомат. Затем попытался выяснить у работничка, зачем ему понадобилось совать закороченную вилку в розетку. В ответ услышал такое, что едва смог сдержать улыбку.

– Я сделал аккумулятор, как у твоей Нивы, пап! – заявил мне изобретатель и огорченно вздохнул. – Только он поче-

му-то вспыхнул с треском. Наверное, плохая конструкция получилась.

С тех пор, как у нас со Светланой родились и стали подрастать дети, в нашей квартире поселилось явление, очень похожее на такой модный в последнее время полтергейст.

В первые годы он проявлял себя тихо. Дело ограничивалось отколупыванием обоев и выразительными рисунками шариковой ручкой по стенам. Я относился к этому спокойно, но рисунки почему-то страшно нервировали Светлану.

Когда же носители полтергейста добивались до книг и папа вдруг обнаруживал порванную или изрисованную страницу, его это тоже начинало нервировать.

С недавних пор (примерно два года назад) полтергейст разбушевался во всю силу. Неожиданно исчезали из кухни табуреты, а из большой комнаты стулья. Появлялись они почему-то в детской комнате. Там они превращались в лошадок и прыгали по комнате под восторженный писк наездников.

Диван в большой комнате превращался в батут, книжные стеллажи – в шведские стенки. Стулья продолжали свои перемещения и превращения. Они становились то паровозом, то автомобилем с комфортабельной кабиной, то навигационной рубкой морского лайнера. С помощью подушек и покрывал они становились индивидуальными вигвамами для двух аборигенов.

Я следил, чтобы вигвамы не были снабжены индивидуаль-

ными электроприборами, потому что однажды обнаружил в вигвамах обе настольные лампы, диапроектор и включенный переносной телевизор, похищенные аборигенами для своих нужд.

Я махнул рукой на детскую комнату и принимал самые героические меры, чтобы явление полтергейста не распространилось на всю квартиру. Впрочем, с квартирой тоже иногда происходили странные превращения. Комнаты становились каютами теплохода, следующего курсом на Красноярск. В каютах появлялись строгие контролеры и требовали предъявить пассажиров билеты. Иначе мне и Светлане грозил штраф.

Иногда квартира в мгновение ока превращалась в тропические джунгли.. с джунглями было страшнее всего, потому что в них обязательно водились кровожадные тигры. Я в ужасе пытался спастись от тигров на высокой скале, то бишь на платяном шкафе. Тогда один из тигров не выдерживал и начинал звать ликующим голосом:

– Папочка, да ты чего? Это же я, твоя Юлька!

– Ага. Ты Юлька! – соглашался я дрожащим голосом. – А кто тогда вон тот зверюга, который грызет мою ногу? Кто?

– Да это же я, Вова! – орал сын.

– Возьму сейчас ремень и отхожу ремнем всех троих! – раздавалось из кухни грозное предупреждение.

Приходило время ложиться спать и все менялось. Аборигены искренне не могли понять, почему после девяти вечера

папа вдруг начинает называть детскую комнату кавардачным местом. Почему они должны уничтожать вигвамы, когда они такие красивые, и наводить этот скучный порядок? Почему папа заставляет разносить стулья по своим местам, убирать игрушки и называет это уборкой палубы?

Особенно сопротивлялся наведению порядка Вовка. Он устал, он хочет кушать (пить, смотреть телевизор, сбежать в туалет). И вообще – какая может быть уборка, когда время ложиться спать?!

Знания, почерпнутые из книги Велеса, пригодились в топоотделе в мой первый рабочий день. Удалось незаметно помочь своему коллеге, самому пожилому из нас, снять сердечный приступ. Я увидел, как посерели губы Виктора Ивановича и аура пошла характерными красными сполохами, как тогда у матери, и сразу все понял.

Я затащил его в нашу топоотдельскую кладовку, запер двери и за десяток минут «подремонтировал» коронарные артерии, уничтожил тромб, подтолкнул изношенное сердце. Потом приказал Полоумову забыть о последних десяти минутах, когда я три раза хлопну в ладони.

Три негромких хлопка и Виктор посмотрел на меня удивленными глазами:

– Слушай, Ведунов. Какого черта мы здесь делаем? – спросил он.

Потом прислушался к собственным ощущениям и, забыв

о непонятном появлении в кладовке, пробормотал:

– Странно... Вроде сердце перестало болеть.

Тут он вновь посмотрел на меня подозрительно и мне пришлось выкручиваться. Мы вернулись в топоотдельские комнаты и присоединились к парням, оживленно обсуждающим предстоящий сеанс заезжей экстрасенсорши, афишу которой я тоже видел у дверей универсама.

Потом разговор перешел на обсуждение вопроса о людях, обладающих паранормальными способностями. Вспомнили чудо-счетчиков, о способности Розы Кулешовой к кожному зрению, о людях, обладающих феноменальной памятью. Долго обсуждали Геллера, силой мысли изгибающего ложки и стальные стержни, заставляющего идти сломанные наручные часы.

Я слушал треп своих коллег, снисходительно посмеиваясь. Кроме нескольких здравых суждений парни, в основном, несли ахинею, так что уши вяли. Особенно горячился обычно спокойный Семенов. Он доказывал, что все это чистейшей воды шарлатанство. Я не выдержал, когда парни стали обсуждать феномен Кулагиной и ее опыты с предметами, которые она передвигала силой воли.

– Бросьте, парни, толковать о сверхтонких нитях и прочих ухищрениях. Возможно, в ее разуме проснулось нечто, чем она может управлять с помощью волевого усилия и сама не понимает, как это у нее получается.

– Ты, Ведунов, брось защищать шарлатанов, обманываю-

щих простаков! – набросился на меня Семенов. – Посмотри на нас. Обычные люди-человеки. Никаких способностей у нас нет. Может быть кроме Сашки Зверева. Помнишь, какие он нам карточные фокусы показывал?

– Фокус, он фокус и есть. – не отступал я. – Ловкость рук и никакого мошенничества. Умение отвлечь внимание в нужный момент от манипуляций. А опыт Кулагиной – это совсем другое. Это остатки древнего знания, которое мы постепенно утратили.

– На! – протянул мне Алексей обшарпанный коробок спичек. – Попробуй сдвинь его, коли ты такой умный!

Зря он так. Для меня вызов Семенова был огромным соблазном. Что мне был какой-то легонький коробок! И я поддался искушению.

– Давай! – я взял коробок и положил его на середину стола, решив посрамить своего коллегу. – На что спорим? На бутылку?

Алексей поглядел на меня подозрительно.

– Ага, на бутылку коньяка. Пятизвездочного! – многозначительно подчеркнул он, протягивая мне руку.

Мы пожали друг другу руки и поспорили на бутылку коньяка. Сначала я не задумывался о последствиях своего поступка, а задуматься стоило. Хорошо еще, что я догадался обставить опыт таким образом, что все проделанное стало походило на обычный фокус.

Сделав зверское лицо я напрягся и свирепо уставился на

лежащий посреди стола коробок. Ребята столпились возле моего стола, довольные представившейся возможностью повеселиться. Они оживленно обменивались ехидными замечаниями в мой адрес. Прошла минута. Коробок лежал неподвижно. Парни начали терять интерес к спору. Тогда коробок медленно поднялся на «попа», покачался из стороны в сторону и неторопливо «зашагал», опираясь своими углами, к краю стола.

Вокруг меня сразу установилась напряженная тишина. Когда коробок дошагал до края столешницы и свалился вниз, раздались дружные аплодисменты. Я встал и, как заправский актер, вытер со лба несуществующий пот. Церемонно раскланялся во все стороны. Дотошный Семенов уже склонился над столом и шарил под столешницей руками.

– Нитки твои где? – спросил он.

– Брось, Григорьевич, искать нитки! – остановили его ребята. – Неважно, как Ведунов этот фокус проделал. Ты, главное, помни, что за тобой теперь бутылка с пятью звездочками!

Парни восхищались мастерством фокусника и не желали знать, каким макаронным изделием я все проделал. Только Алексей еще минут пять требовал от меня объяснения, когда я успел спрятать нитки. Потом вроде бы все успокоилось и я занимался своими делами до обеденного перерыва.

Мы съездили со Светланой на обед к себе домой, а когда я вернулся в топоотдел, в нашей комнате возле моего стола

толпились люди. Небольшими группками подходили знакомые ребята и женщины из конторы и камералок, заглядывали в дверь и убедившись, что я сижу за столом, начинали просить:

– Может быть ты нам, Ведунов, покажешь свой фокус?

Только после этого я понял, какого маху дал в споре с Семеновым. Теперь поделаться ничего было нельзя и мне пришлось показывать фокус несколько раз. Все, или почти все, кто приходил на импровизированное представление, вели себя одинаково. Сначала восхищались, а потом начинали искать нитки. Некоторые приставали с глупыми вопросами, пока мне окончательно не надоело.

Я был не рад, что поддался тщеславию. Незаметно достав из стола катушку с остатками ниток, которыми я сшивал вместе бланки ведомостей, я поднял катушку над головок и громогласно объявил:

– Все, парни! Фокусов больше не будет. Нитки кончились!

Меня удивило, что все, окружавшие мой стол люди, сразу поверили. Нитки были черные, прочные и хорошо заметные. Не увидеть такую нитку, стоя вплотную к столу, было невозможно. И все равно поверили. Вот и пойми выверты людской психологии! Хорошо еще, что Светланы среди галдящей вокруг меня толпы не было...

После работы я слез с «единички» в городе. В кассе Дома Культуры купил два билета на вечерний сеанс заезжей

экстрасенсорши. Как утверждала афиша – знаменитого магистра магических наук Живаго Эрны Александровы – гипнотизера и белой ведьмы, получившей диплом в знаменитой школе магии города Мюнхена.

С афиши на меня смотрела женщина демонической внешности. Она энергично протягивала руки к золотистого цвета магической чаше, из которой валили вверх клубы дыма.

Хватит вариться в собственном соку. – решил я.– Нужно поглядеть и одновременно поучиться, какими приемами владеет моя коллега по дару и как она ими пользуется. Я теперь не помню, по каким соображениям Светлана отказалась сходить на сеанс. Я пошел один. Было интересно с позиции моих теперешних знаний посмотреть на работу своего коллеги.

Афиша, которую я разглядывал рядом с кассой Дома Культуры, заинтересовала не одного меня. Ко входу в Дом Культуры тянулись вереницы людей, тоже жаждущих поглядеть на экстрасенса европейского калибра.

Я разделся и прошел на свое место через ярко освещенное фойе в актовЫй зал, уже наполовину заполненный празднично одетой публикой. Негромкий гул голосов бился о стены зала, обладавшего хорошей акустикой, и походил на шум прибоЯ своими приливами и отливами.

Занавес был задернут и народ продолжал прибывать. Я смотрел на занавес и пытался вспомнить, когда я был в последний раз на каком-либо концерте. С неприятным удив-

лением обнаружил, что после моего последнего посещения этого зала прошло более десяти лет.

Совсем обнаглел, Ведунов! Омещанился в конец! – рассердился я сам на себя.– Сидишь дома, как старый дед, и Светлану тоже приучил сидеть дома!

Как-то незаметно для меня перед занавесом вдруг возник маленький человек. Он откашлялся и произнес первую фразу таким хорошо поставленным и могучим голосом, что я вздрогнул.

– Уважаемые зрители! Дамы и господа! Товарищи! – начал он.– Перед вами сегодня выступит знаменитая и непревзойденная до сих пор экстрасенс и гипнотизер, факир и, наконец, белая колдунья, всемирно известная мадам Живаго Эрна Александровна! Похлопаем, товарищи!

Он говорил что-то еще о дипломе первой степени по магическому искусству, о сотрудничестве с Джуной Давиташвили и так далее. Я перестал вслушиваться в смысл произносимых конферансье слов. Я слушал только голос, чарующий, наполненный такой мощью, что, казалось, он мог принадлежать великану, а не маленькому человечку, стоявшему перед занавесом. Моя соседка охарактеризовала свои впечатления двумя короткими фразами:

– Плюгавенький мужичок! Зато голосище! ..

Пока мы с соседкой любовались голосом, конферансье закончил представление знаменитой мадам Живаго и, мгновенно стушевавшись, отступил в сторону. Раздались торже-

ственные звуки бравурного марша, занавес колыхнулся и разошелся в стороны. На сцену, в сопровождении двух ассистентов, вышла крупная статная женщина во всем черном.

Ее вид полностью соответствовал афишной рекламе и похвалам конферансье. Все в ней было черным и одновременно очень выразительным. Черные огромные глаза и брови. Густые, как вороново крыло, волосы, густой волной рассыпавшиеся по плечам, сливаясь с черным материалом платья, змеились по черной мантии с кроваво-красным подкладом. Мантия была наброшена на плечи и скреплена на левом плече сверкающей звездочкой броши.

У мадам Живаго были уверенные манеры и резкий повелительный голос. Черное, длинное, до пят, платье с глухим воротом вспыхивало искорками при малейшем движении и сидело на ней, как влитое. Обнаженные до плеч руки были по локти затянуты в черные перчатки. В левой руке она держала небольшой бело-золотой жезл, очевидно из слоновой кости. Жезлом она давала указания своим ассистентам, которые быстро установили на сцене ее нехитрый, но производящий впечатление, реквизит.

Я смотрел на яркую женщину с уважением. Надо же так уметь подать себя! Наверняка, в жизни она другая. Но на сцене статная женщина гляделась неземным существом. В ней действительно чувствовалось что-то демоническое.

Первое отделение было обычным представлением циркового фокусника. Ловкость тренированных пальцев без ма-

лейших признаков магии. Я с удовольствием смотрел на сложные трюки с исчезновением предметов и их неожиданным появлением в самых различных местах. Когда мадам дошла до манипуляций с кольцами и вызвала на сцену добровольца, у меня начало портиться настроение.

Мадам Живаго держалась на сцене уверенно. Она безжалостно таскала парня по сцене, демонстрируя залу, как целое кольцо может вдруг раскрыться и поймать человека за губу. Парнишка во время этой процедуры морщился и растеряно улыбался.

Второе отделение было посвящено гипнозу. Перед началом отделения Живаго прочла зрителям короткую, но очень выразительную лекцию о гипнотическом внушении, его возможностях, а также об экстрасенсорном восприятии человека. Пара мыслей, высказанных ею в лекции, заставила меня задуматься.

Стоявшая у края сцены мадам не догадывалась о моем существовании, но она подсказала мне несколько новых направлений, которые я мог использовать в своих опытах с даром. Я чувствовал, что мадам тоже обладает даром, пусть не таким сильным, как его красочно описывал конферансье. Я видел это по ауре женщины, чувствовал слабые токи психоэнергии, текущие в зал. Зато поведение мадам на сцене мне не нравилось.

Она быстро отобрала пять человек с хорошей внушаемостью, уверенно ввела людей в первую стадию и, оставив чет-

верку сидеть на стульях, перевела одного из парней во вторую стадию. Ассистенты быстро подставили два стула, уложили парня затылком и пятками на спинки стульев. Мадам, продемонстрировав натянутое, как струна, тело парня, усе-лась на него и даже покачалась на нем, как на упругой доске, несколько секунд.

Соскочив на пол, женщина раскланялась и сорвала аплодисменты, потом быстро перевела всю пятерку в третью стадию. Парни и девушки на сцене, под руководством мадам, стали попадать в самые пикантные ситуации. Много ли нужно фантазии, чтобы заставить молоденького парнишку вдруг влюбиться без памяти в старуху, сидящую в первом ряду и попавшую на выступление мадам, наверняка случайно?

Паренек со сцены объяснялся в любви старушке, посылал воздушные поцелуи и иногда делал непристойные движения, заставлявшие содрогаться старую женщину от стыда. В конце концов старушка не выдержала и направилась к выходу.

Мадам заставила пятерку парней и девушек спастись от наводнения на стоящих на сцене стульях. То же самое стали делать некоторые сидящие в зале зрители, а одна, модно одетая девица, забравшаяся на кресло в зале, вдруг принялась сбрасывать с себя одежду. Оказалось, что у нее под свитером ничего нет, кроме тела.

В зале стоял визг, аханье, гогот обозревавших голую де-вицу парней, Зрители постарше осуждающе покачивали го-ловами и выжидательную поглядывали на мадам, надеясь,

что она прекратит безобразие, но мадам только насмешливо улыбалась.

Я сосредоточился и осторожно, стараясь не привлечь внимания, внедрился в сознание мадам и не обнаружил раскаяния. Наоборот, она была довольна. Мысли стоящей на сцене женщины переполняло чувство собственного превосходства над нами, серыми провинциалами. Подождите! – зло думала она. – Скоро еще не то будет!

Чем мы ее так рассердили и чем не понравились, я так и не понял, но к мысленному совету прислушался и стал терпеливо ждать третьего, особенно интересующего меня, отделения. Я вытерпел, когда импозантная, поначалу понравившаяся мне, женщина начала вдруг нести чепуху о ведовстве и заговорах, молча смотрел, как ассистенты устанавливали реквизит, состоящий из бронзового массивного треножника, и ставили на него большую, медную, украшен грубой чеканкой, чашу.

Мадам очертила мелом вокруг треножника малый круг, затем большой и все время бормотала заклинания, не имевшие смысла. Затем она опять вызвала добровольцев, желающих пообщаться с духами и душами умерших людей. Свет в зале был потушен и, когда добровольцы поднялись на сцену, там тоже наступила темнота, в которой были видны только мадам и лицо с горящими глазами.

Ведьма вошла в большой охранный круг и стала бормотать громче и громче, делая руками энергичные пассы над

засветившейся призрачным светом чашей. Бормотание перешло в крик, в нем зазвучали угрожающие нотки. Чаша начала куриться, истекать серым дымом.

Внезапно, словно произошел бесшумный световой взрыв, вся сцена осветилась призрачным светом, бьющим из чаши. В серых клубках повисшего над чашей дыма постепенно все четче стало проявляться деформированное лицо демона. Пытаясь разорвать дымовой туман и высвободиться, он загребал мускулистыми лапами с когтистыми пальцами и наткнулся на невидимую преграду. Раздался невнятный, булькающий и одновременно гулкий голос существа потустороннего мира. Демон угрожал, женщина отвечала ему повелительным голосом.

Моя соседка ахала, закатывала глаза, задыхалась от обуревавших ее эмоций. Я оглянулся. Почти вся женская половина зала вела себя похожим образом. Я опять поглядел на сцену и протер глаза. На сцене творилось то, что должно было в корне изменить мое мировоззрение, а я ничего не чувствовал! Пришлось закрыть глаза и сосредоточиться.

Что за черт! На сцене не было магии! Все, что там происходило, было не более, чем отлично сработанными световыми и звуковыми эффектами невидимой, как из зала, так и со сцены, аппаратуры. Зато воздействие номера на людей было полным!

Все еще не веря самому себе, я поглядел на женщину, сидевшую с другой стороны от меня. Она вся подалась вперед.

Губы женщины были полуоткрыты, а глаза, устремленные на сцену, светились восторженным ужасом. Без всякой магии я ощущал, как испуганно замирает от сладкого ужаса ее сердце, мечутся беспокойными птицами ее мысли. Что она видела на сцене, в серых клубках бутафорского дыма?

Разом простив мадам Живаго высокомерие, я едва удержался, чтобы не захлопать в знак признательности. Оформление номера было великолепным. Выполнение – артистичным. Вот только идея самого номера показалась банальной. Зачем будить в людях веру в старые предрассудки? – недоумевал я. – Заставить верить в существование демонов, духов и прочей нечисти?

С такими мыслями я терпел до тех пор, пока к сцене не вышла молодая женщина и не попросила мадам срывающимся от волнения голосом: не может ли та устроить ей свидание с недавно умершей матерью. Мадам Живаго, покровительно улыбнувшись, небрежным жестом позволила молодой женщине подняться на сцену.

Надругательство над чувствами дочери переполнило чашу моего терпения. Слоно бес толкнул под руку! Незаметный в полумраке зала, я сосредоточился и послал на сцену, в сознание мадам раскаленный знак вопроса и с удовлетворением почувствовал, как заметались ее мысли: Откуда это? Что это значит?

– Ты разбудила своими фокусами меня, спящего демона смерти! – загремел я в сознании женщины и одновременно

создал образ черных когтистых лап, тянущихся к ней из-за кулис. – Как ты посмела, ничтожество, показывать смертную душу в таком непотребном месте!

Честно утверждаю – я не хотел ничего такого, что произошло в следующую минуту. Мне хотелось немного попу- гать мадам за вульгарность представления и издевательство над чувствами зрителей. Откуда мне было знать, что чело- век, претендующий на знание магического искусства, под- вержен суевериям больше моих соседок по ряду?

Я переборщил. Мадам заорала так, что эхо пронеслось по залу ощутимым порывом ветра. Господи! Она корчилась и визжала, как будто ее резали! Мысли мадам были полны та- кого ужаса и сумятицы, что я был буквально выброшен из ее сознания, едва успев отдать приказ забыть все, что с ней слу- чилось в последнюю минуту. Сеанс был, естественно сорван.

– Чего ты на нее набросился? – казнил я себя по дороге домой. – Перепугал бабу до смерти. Чем она тебе помешала? Как может и как умеет, женщина зарабатывает на хлеб себе и своим детям. У нее есть дар. Слабенький дар, но он достато- чен для того, чтобы владеть приемами гипнотического воз- действия и проделывания простейших фокусов с человече- ским сознанием. Мадам Живаго – великолепная артистка. – убеждал я себя. – Репертуар немного мелковат... Ее настро- ение и презрение к нам, аборигенам?. Ну и что с того? Мо- жет, она с мужем поссорилась. Она обычный человек, Юрка! Вот только реакция на шутку... Понимаешь теперь, как бу-

дут относиться к тебе люди, если ты позволишь узнать силу твоего дара?

На следующий день по городу поползли слухи. Они все сходились на том, что на сеансе заезжей ведьмы и экстрасенса мадам Живаго демон ужасной наружности едва не прорвал магический барьер, не выбрался наружу и едва не добрался до зрителей.

Почти так оно было, только демона никто из зрителей не мог увидеть. Он был послан в сознание только мадам. Рассказать о видении она не могла никому, потому что я приказал мадам все забыть. Откуда тогда слухи? Немного поразмыслив, я понял, что наши просвещенные люди логически вычислили все и угадали правильно.

Глава 7

В последние годы я со все большей неохотой отрывался от семьи. Когда подходило время лететь в тундру на начало полевых работ, у меня портилось настроение. Прежнее, радостное нетерпение, охватывающее душу, когда тундра и улицы в Дудинке покрывались снегом, ушло в прошлое. Стареть начал, что ли?

В последние дни перед вылетом я становился раздражительным, временами просто злым и прилагал волевые усилия, чтобы не выдать душевного смятения в топоотделе и не сорваться дома. Иногда жалел, что не в моей власти остановить время и каждый раз осенью подумывал о том, чтобы сменить место работы. Устроиться на должность, где не нужно будет отрываться от семьи.

День отлета. Вещи были собраны с вечера, засунут в рюкзак полотняный сверток с огромным гримуаром. Подавляя плохое настроение, я утром поднялся с постели, стараясь не шуметь оделся и приготовил вещи. Обнял сонную и теплую Светлану, зашел в детскую и несколько минут смотрел на разметавшихся во сне ребятишек. Потом прикрыл дверь, вынес на площадку вещи и, стараясь не греметь ключами, замкнул входную дверь.

Вертолет, подгоняемый попутным ветром, добрался до базы нашей сейсмопартии всего за час и сорок пять минут.

Вертолетная площадка, на которую он опустился, была размещена на галечной косе под береговым откосом, на котором разместились база.

Я подождал, когда замедлят свое неистовое кружение огромные лопасти и уляжется вокруг вертолета снежная круговерть. Потом вынес через боковую дверцу свои девять багажных мест, начиная с рюкзака и кончая портфелем с топокартами.

Нас ждали. Мужики стояли в стороне, прикрывая лица от поднятого лопастями снежного вихря. Трактор задом подталкивал грузовые сани к раскрытым задним створкам вертолетного кузова, чтобы забрать доставленный МИ-8 груз.

Увидев меня возле вертолета, Федоров Сан Саныч – старший рабочий и топоотрядный тракторист Москалев сразу подошли и поздоровались. Потом мы отнесли часть своего груза в сани. Я подхватил рюкзак, теодолиты с портфелем и по крутому, забитому снегом откосу, поднялся наверх к нашему топоотрядному жилищу.

ЦУБ стоял рядом с вертолетной площадкой. Его самодельный тамбур почти нависал над береговым обрывом. Длинные металлические сани были приподняты и стояли полозьями на трех бревнах. Вполне разумная предосторожность, выполненная весной, чтобы за лето полозья не утонули и не были прихвачены морозом. Передним торцевым окном наша "бочка" смотрела на северо-восток.

Взобравшись по крутой лесенке, я открыл дверь в тамбур.

Втащил вещи и открыл дверь в самую бочку. На меня пахнуло запахом свежесваренного чая, табачным дымом и запахом горящего в железной печи каменного угля. Свет горел во всех отсеках, работал телевизор. Людей не было. Все ушли разгружать вертолет.

В ЦУБе все оставалось таким, каким было весной. Я прошел в самый дальний отсек бочки, убрал со стола и своего спального места разведенный Федоровым кавардак, разложил по полкам вещи. Потом сунул портфель с картами в сейф и перестелил свою постель.

Скоро за выгнутыми стенами бочки раздался знакомый свист и тархтенье дизеля. Оранжевый сто тридцатый протащил сани к сейсмоотрядной столовой. В санях лежал груз и продукты, выгруженные из вертолета.

Я оделся, вышел и забрал из саней большой картонный ящик с куревом, чемодан и вьючные мешки. Потом утащил к ЦУБу два новых щелочных аккумулятора для питания радиостанции. Занес аккумуляторы в бочку.

– Анатолевич! Это что за ящик стоит возле тамбура? – спросил возникший на пороге Сан Саныч.

– Курево, Сан Саныч. Тащи его сюда.

Картонный ящик едва пролез в двери бочки.

– Ты что? На все деньги набрал? – спросил Федоров с легким беспокойством.

– Нет, Сан Саныч, не на все! – засмеялся я, понимая причину этого беспокойства. – В нем мое и твое курево. Неси

сюда, расталкивать по полкам будем.

Я поставил ящик на свои нары. Входная дверь начала то и дело хлопать. Заглядывали знакомые и ожидающие чего-то лица, почтительно здоровались и выжидательно поглядывали на Федорова. Тот незаметно для меня разводил руками.

– Нет ничего! – разочаровал я мужиков. – Ничего не привез, кроме курева. Идите к Козицину, он ваши заказы выполнял.

Мужики исчезли как по волшебству. Только двери захлопали. Я подмигнул приунывшему было Сан Санычу, чтобы тот не расстраивался. За четыре дня до вылета на базу партии, я получил от Федорова письмо и радиограмму – доверенность на пять тысяч рублей. В письме Сан Саныч делал краткий отчет о проделанном за лето ремонте, о подготовке единиц топоотряда к зимнему сезону и выдвигал пару категорических требований: первое требование было предельно кратким – любыми путями добыть три-четыре больших ложки. Хоть украсть в столовой. Второе требование было не менее кратким, зато более сложным. Сан Саныч писал: Анатолевич! Купи курева и спирта. Особенно спирта. Не купишь, завалю сезонный план!

Прочитал я этот образец выразительности, почесал затылок и побежал по магазинам. Ложки пришлось "украсть" из собственного кухонного стола, когда Светланы на кухне не было.

С Федоровым Александром Александровичем, старшим

рабочим топоотряда, я проработал пять последних лет. После того, как расстался с Мамедом. Сан Саныч был огромным, черным мужиком пятидесяти лет, удивительно спокойным и в совершенстве знающим свое дело. С таким старшим рабочим я чувствовал себя, как за каменной стеной. Федоров органически не переносил плохо сделанной работы.

Вершился по профилю он изумительно. При измерении горизонтальных углов, уход от прямой линии не превышал на точке теодолитного хода двух-трех минут на самом сложном рельефе. На лыжах он не просто ходил, а скользил красиво с самыми экономными движениями. Федоров все делал споро и экономно. За всю мою жизнь Сан Саныч был самым лучшим старшим рабочим изо всех, кого я знал.

Как и Мамед, Сан Саныч не мог со спокойной душой пройти мимо стопки. Вылетая после полевого сезона в Дудинку, он мог за десять дней спустить все заработанные за сезон деньги. Деньги Федоров не считал. Посылал в Смоленск своим сестрам, когда они у него были и как-то объяснил мне, что иначе гроши все равно уйдут на широкую глотку.

– Так что, Анатольевич, пусть они достанутся племянницам на одежду!

Федоров сам подбирал себе напарников для работы. Какими критериями он при этом пользовался, я не знаю до сих пор. На этот раз он представил мне двух новичков. Оба были небольшого роста и габаритов. Я понимающе поглядел на

Федорова и улыбнулся – молодец, Сан Саныч!

Кабина сто тридцатого была для нас с Федоровым настоящей бедой. При отработке сейсмопрофилей «усами» приходилось возвращаться назад к ЦУБу, уместаясь в тракторной кабине вчетвером: тракторист, я, Федоров и еще один рабочий.

Раньше, когда у нас был старый болотоход марки Т-100МБ, мы могли уместаться в кабине впятером. Двое на сиденье рядом с трактористом и двое на металлических ящиках возле дверок. При переходе промышленности на новую марку трактора, который стал поступать в нашу экспедицию около шести лет назад, мы с Сан Санычем взвыли.

Не вмещались мы в новой кабине! Сама кабина была хороша. Светлая, высокая, со значительно лучшим обзором, она была теплой, современной. В ней была эффективная печка обогрева. Мечта тракториста, а не кабина!

Вот только ее габариты приводили меня и Федорова в бешенство. На Севере, где трактор десятками лет служит универсальным средством передвижения, такая кабина хороша для работы водителя, но не для пассажиров. Иногда я мечтал о том, чтобы конструктор кабины оказался в наших местах. Тогда бы я над ним произдевался в волю! Посадил бы его, пакостника, в кабину еще с двумя пассажирами и отправил с рейсовой емкостью для горючего километров за двести! Туда и обратно! Потом посмотрел, как он после рейса будет выглядеть!

Вечером после шести, мы собрались вместе в своей длинной бочке. Закрыли на засов тамбурную дверь и крепко выпили за знакомство и начало полевого сезона...

База Иконской сейсмопартии располагалась на правом высоком берегу реки Чопка, в пятидесяти километрах к северу от отрогов гор Путорана. Назвать нашу Чопку рекой, большую часть года можно было с большой натяжкой. Ее каменистое русло, перекрытое мелями, летом мог перебрести любой человек в болотных сапогах.

Рекой она становилась лишь во время непродолжительного весеннего паводка. Уровень воды поднимался скачком до четырех метров, едва не достигая верха берегового откоса. Тогда Чопка превращалась в настоящую реку и грозно ворочалась в своих берегах.

Чопка впадает в реку Малый Авам. Та в свою очередь – в реку Авам. Дальше ее воды попадают в Дудыпту, а с нею в реку Пясины. О каком либо судоходстве по Аваму и Чопке не могла быть и речи. Все грузы на базу партии доставлялись по зимнику автотранспортом с декабря по май. Бензин, солярка, уголь, лес, пиломатериалы, вагончики и нужная техника. Только мелочевка, вроде запчастей, и продукты доставлялись вертолетами.

Затруднения, которые мы постоянно испытывали со снабжением двух сейсмических отрядов, буровых бригад и двух топоотрядов, лежали на совести начальника партии Баранова, поставившего базу на неудобном месте. Мучались чет-

вертый год, но Баранов не желал менять обжитое место. Я, например, считал, что нужно перебазироваться хотя бы на устье реки Черной, которая впадает в реку Пясины. Там тоже был сухой песчаный берег. От Черной было ближе до Талнаха и, главное, можно было значительную часть грузов доставлять по воде, во время летней навигации.

Все базовские транспортные единицы стояли на прочных металлических санях. Я имею в виду контору, дизельную электростанцию, баню, радиостанцию, склады с запчастями и так далее. Я уже не говорю о жилом фонде передвижных полевых отрядов. Был убежден, что перебазировку можно сделать в середине мая, по окончании полевого сезона, в короткий срок. Я не мог понять, почему Баранов, неглупый и инициативный человек, так уцепился за Чопку.

На следующий день после прилета, я зашел к нему в полевую контору и у нас состоялся разговор о готовности топоотряда к сезону. Стараниями Сан Саныча и тракториста Москалева наши единицы были готовы. Грузовые сани полностью затарены углем. Солярка в пятикубовую емкость закачана. Бочка бензина и бочка масла поставлены в перед саний. Не хватало продуктов и топографических вешек в коробе стояло не больше, чем на километров двадцать – двадцать пять. Мы составили с Барановым радиограмму с заявками на продукты и вешки и договорились, что как только все будет доставлено, топоотряд двинется к месту работ.

Ждать вертолет с обещанными продуктами и вешками

пришлось около десяти дней. Уходя от Баранова, я забрал свою "Ангару", установил ее в ЦУБе рядом с рабочим столом. Подсоединил антенну, питание и тут же опробовал свою маленькую радиостанцию.

В последние дни делать мне было нечего. Я зарядил световые аккумуляторы, подготовил и дал сейсмикам схемы сейсмопрофилей, сделал расчет первой привязки к пункту триангуляции для начала работ. Все это была мелочевка, которую можно было сделать в любое время.

Погода стояла хорошая и я вновь принялся за магические эксперименты. Сразу почувствовалась разница в собственных возможностях. Пришлось экономить, бережно расходовать энергию по сравнению с тем как это было в Дудинке. Теперь рядом со мной не было холма эльфов с его энергетической подпиткой. Впрочем, это было к лучшему, так как научило меня тщательно продумывать ход предстоящего опыта и учитывать собственные энергетические возможности.

По-прежнему приходилось воевать с автором книги Велеса. Его рассуждения о человеческой душе и, главное, о ее дальнейшем существовании после смерти, вызывали во мне протест. Но судите сами. Автор утверждал, что после естественной земной смерти наступающей, от старости и истощения ресурсов органов человеческого тела, оно распадается на элементы из которых состояло. Из земли вышел – в землю ушел. Правильно.

Дальше начиналось непривычное: астральное тело после физической смерти отделялось и начинало самостоятельное существование. В нем некоторое время сохраняется ложное сознание человека. Упорное желание родственников снова увидеть умершего удерживает астральное тело вблизи тех, кто искренне любил. Постепенная деградация ложного сознания разрывает последние связи с миром живых и на сороковой день после смерти астральное тело начинает подъем в небесные сферы и тем выше, чем меньше в нем осталось материального. Затем оно растворяется в астрале.

Душа умершего человека, со всеми его чаяниями, надеждами и свершениями, тоже покидала материальный мир и улетала в небесные сферы или уровни, соответствующие ее духовному развитию.. Там душа осмысливала прошедшую жизнь и ожидала следующего воплощения. Душа за земную жизнь могла развиваться положительно, то есть приобрести новые знания и употребить их на добрые дела. Или наоборот, деградировать, погрязнуть в пороках. Душа во время жизни человека приобретала опыт, который мог изменить ее небесное положение (иерархию) в зависимости от правильно или неправильно прожитой жизни. Эти положения автора напомнили мне учение индуизма о карме.

Когда человек погибал насильственной смертью – душа убитого не расставалась со своим астральным телом и не улетала в небесные сферы обитания чистого разума. Она оставалась на положенный ей естественный срок в земной атмо-

сфере и только после срока могла расстаться с астральным телом. Оторванная от земной жизни в самом расцвете сил, в пылу земных страстей и желаний, такая душа не находит успокоения.

Особенно это касается душ насильников, убийц, воров и самоубийц. Они, после наступившей смерти не могут оторваться от физического мира и поэтому становятся обитателями самого примитивного небесного слоя или уровня. Стремясь вновь вернуться к привычному земному существованию, они, при сомнительных душевных качествах, стремятся использовать любой удобный случай завладеть материальным телом.

Люди мечтательные, способные во время сна к путешествиям в астральном мире, возвращаясь в свое тело, должны были выдержать с захватчиком самую настоящую битву. Именно в этом автор видел объяснение ночных ужасов, снов и кошмаров, происхождение психических болезней, умопомешательства, а также тягу к алкоголю и другим человеческим порокам.

Темные души имеют склонность к телу и часто облачают себя в оболочку, состоящую из пара и воздуха. Они обитают вблизи могил и беспокоят обитателей своих прежних жилищ. Такие души составляют бич злых и напрасный ужас добрых.

Прочитав в первый раз соображения безымянного автора книги о судьбах человеческих душ, я был в ярости и мыслен-

но материл автора во все корки. Придумал новую религию, умник хренов! Стоит это принять на веру и тогда выходит, что вся атмосфера планеты кишит мириадами душ насильников, подлецов, убийц и невинных жертв.

А как тогда быть с десятками миллионов погибших во время мировых войн на земном шаре с начала века? Выходит, души моих дядей и других родичей до сих пор скитаются неприкаянными где-то неподалеку. Эткими сгустками психополей над нашими головами и смотрят, как мы барахтаемся внизу, на дне загрязненного воздушного океана?

Душа моего отца тоже с ними? Ведь он воевал в Отечественную, значит убивал врагов. По утверждению автора выходит, что мое место рядом с отцом. Ведь я тоже убивал маленьких желтокожих людей в жарких, кишачих насекомых, джунглях! Именно я, Юрка-везунчик, как меня прозвали парни из нашего отряда. Меня мало утешало то обстоятельство, что те люди умирали с оружием в руках, стараясь убить меня и моих товарищей.

Не мог я принять такого толкования судеб душ умерших. Не мог! .. Но чертов автор на этом не останавливался и продолжал нагнетать давление на мой разум. покончив с душами, он сразу перешел к миру населяющих Землю и небесные сферы злых и добрых духов. Следовало перечисление духов четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня. Особенности этих духов. О духах, подвластных силам семи планет, в том числе и нашему дневному светилу. Перечислял правила со-

ставления магических квадратов для каждой планеты. Рассказывал о пантаклях, об освящении предметов культов.

Магические круги безопасности. Формулы заклинаний, необходимые для успешного вызывания духов. Влияние планет на магические силы. Наиболее благоприятное время для обращения к тому или другому духу. Тут же приводились таблицы, которые должны помогать колдуну правильно выбрать нужное время, назывались имена как добрых, так и злых духов. Временами мне казалось, что вся магическая наука состоит из одной проклятущей демонологии!

Ну хорошо! Я раньше понимал, что человек – мельчайшая частичка окружающего мира, в том числе и космоса. Он связан с миром бесчисленным количеством незримых связей. Понимал, что планеты, особенно наша триада: Земля, Солнце и Луна – оказывают на человека свое влияние. Что именно это влияние породило древнейшую из наук – астрологию.

Вот только поверить в существование духов и всякой сказочной нечисти мой разум отказывался. Два дня я не притрагивался к книге Велеса. Вернее – две ночи. Все время мысленно спорил с автором и доказывал нелепость пропагандируемых в книге суеверий.

На третью ночь я не выдержал, достал книгу и перечитал еще раз. Может я неправильно сделал перевод на современный язык? Снова мысленный спор и опять тщательная разработка текста, пока я окончательно не убедился: демонология с астрологией – не для моего ума. Что касается душ умер-

ших, то, немного остыв, я стал думать о том, что позиция автора книги перспективнее позиции материалистов и неверящих. Она давала надежду на сохранение моего духовного "Я" после физической смерти. Идея кармы и накапливании духовного начала в бесконечной череде перевоплощений завораживала.

Примером, с помощью которого я пытался убедить себя, послужили размышления о компьютерах. Научно-популярные журналы утверждали, что в настоящее время существует пятое поколение компьютеров. Размеры современных вычислительных машин стремительно уменьшаются, также стремительно вырастает быстродействие и объемы памяти.

Конструкторы наделили компьютер особыми органами, облегчающими общение с ним людей. Придумали особые математические языки, принтеры, факсы для мгновенной передачи текстов. Научились соединять отдельные компьютеры в сложные пространственные системы с банками данных и способностями к анализу.

Двадцатый век многое изменил в сознании и жизни человека. Время одиночек в науке давно прошло. Для того, чтобы создать что-то новое в науке, люди объединяются в коллективы, НИИ. Рабочие коллективы заводов и фабрик своими способностями умениями дополняют работу соседа. Все вместе они изготавливают аппараты и механизмы, которые не под силу изготовить одному человеку.

Предположим чисто теоретически, что книга права и ду-

ши действительно существуют. По аналогии с земной жизнью, несколько десятков душ тоже могут объединиться в подобие коллектива. Как такой коллектив может общаться? Тела у них нет. Значит, между душами возможна только мысленная, телепатическая связь. Полевая связь на любом расстоянии и практически мгновенный обмен информацией – что в этом случае возникнет? Сверх-мозг? Сверх-разум? Как он будет относиться к человеку?

– Ну вот, Юрий, ты нашел ответ, к которому так упорно подталкивала тебя Екатерина Ивановна и автор книги. Нашел для себя Бога и одновременно с ним Сатану!

Что получится, когда объединятся души всех праведников высших уровней сознания? Души всех честных и совестливых людей?

А когда объединяются души низменные?

Вот они, твои добрые и злые духи, автор книги Велеса!

Утром, проходя мимо «зеленого ряда», в котором стояли готовые к сезону трактора, я столкнулся с нашим механиком Будановым.

– Привет, Анатольевич! – обрадовался он. – Пойдем, послушаешь работу богдановского трактора. Вчера завели – работал нормально, а сегодня троит. Насос менять топливный нужно, а у нас запасных нет.

– Что то ты, Борис, обратился не по адресу. – начал было я.

– Брось, Анатольевич! Василий нам все уши прожужжал о

твоих диагнозах техники на слух. Уверяет, что ты сразу разбираешься, что полетело или скоро полететь должно в дизеле.

Я улыбнулся, вспомнив свои осенние муки технического диагностирования. Началось все с того, что я зачем-то пришел в нашу экспедиционную диспетчерскую. Рядом с ней стоял и работал на холостых оборотах трактор. Не знаю каким образом, но мой дар неожиданно сработал на технику. Я вдруг понял, что у тракторного двигателя через несколько часов полетит водяная помпа. Разрушится текстолитовая шестерня привода. Как я это понял – объяснить не могу. Словно мгновенное чередование смутных образов, которые сложились в определенное убеждение. Я сказал об этом трактористу, парень в ответ недоверчиво улыбнулся. А через несколько часов произошло то, что было предсказано.

С того времени у меня началась мания диагностики. Я надел нашим экспедиционным механикам и водителям, предсказывая самые различные поломки и неприятности с машинами. Вскоре все удирало от меня, как от чумы.

Иногда я просто ходил по улицам Дудинки и машинально отмечал в уме неисправности проходящей мимо меня техники. У этой Нивы – такой-то дефект, у Москвича – такой-то. У стоящего на остановке автобуса скоро прогорит поршень и так далее.

Однажды я не выдержал и прямо посреди улицы остановил пошарпанный ЗИЛок и объяснил ошеломленному води-

телю, что именно и когда полетит в двигателе. Тот посмотрел на меня и выразительно покрутил пальцем у своего виска. Я мысленно выругался и прекратил предсказания.

В богдановском тракторе все оказалось не так страшно. Забилась трубка высоко давления, идущая к форсунке от третьей секции. Мужики уже докопались до причины и просто решили меня проверить.

В конторе у Баранова я прежде всего поинтересовался, что сообщили по радиосвязи насчет борта с продуктами.

– Обещали через три дня. – неохотно ответил он.

– А вешки?

– Напилены. Обещали отправить с тем же бортом.

Убедившись, что раньше трех дней нам не выбираться на профиль, я оделся потеплее и на лыжах ушел за Чопку на свое укромное место. В первые дни после прилета я повторил те же опыты, что делал в Дудинке. Потом, из-за личного энергетического кризиса, мне пришлось искать пути экономии психоэнергии и ее быстреего восстановления.

На идею превращения энергии мужского семени в психоэнергию я натолкнулся в практической части книги еще в Дудинке. Оказалось, такой путь энергетической подпитки давно используют индийские монахи и тибетские. Знают его йоги.

В книге не было подробностей, но я знал достаточно о возможностях своего тела и быстро нашел способ с короткой формулой преобразования, дающий отличные результа-

ты. Естественно, в Дудинке мне нельзя было прибегнуть к такому способу восстановления психической энергии, как жематому человеку и любящему мужу. В полевых условиях - другое дело. И не только для магических опытов.

На этот раз мне хотелось освоить способ, которым до сих пор пользуются в Африке и Азии многие местные колдуны. Суть его заключалась в том, что особыми приемами колдун отделяет душу от тела и вселяет ее в тело какого-либо зверя или птицы. Тело колдуна в это время находится в состоянии глубокой комы и спрятано в потайном месте, подальше от посторонних глаз.

Книга Велеса особо предупреждала об опасности обнаружения тела колдуна его противниками. Нанесение телу смертельной раны, разрушение мозга или просто разрыв энергетического канала мыслесвязи между телом колдуна и его сознанием, находящимся в теле зверя, приводили к трагическим последствиям.

Человеческое сознание в теле зверя могло функционировать нормально не больше девяти дней. Затем наступал месячный период постепенной деградации человеческого разума и, в конечном итоге, полной потери индивидуальности и памяти.

Я попытался мысленно представить себе это и содрогнулся от ужаса. Человек в зверином теле. Борьба сознания с звериными инстинктами и на тридцать дней затянувшаяся агония смерти. Такого врагу не пожелаешь!

Усевшись на валежину, я, уже отработанным приемом, очистил сознание от посторонних мыслей, мысленно воспроизвел в памяти формулу отделения сознания и начал подпитку формулы энергией семени. Боль волнами стала пронизывать тело. Заныли пальцы ног, затем рук. Волна боли медленно поднималась выше. Приходилось волевым усилием преодолевать болевые ощущения и одновременно продолжать работу с формулой.

Сидящая рядом стая куропаток постепенно отодвигалась дальше. Пришлось и на выбранную куропатку тратить внимание и энергию, что еще больше усиливало волну боли... Есть!

Чужое тело, корчащийся рядом маленький разум пытается вытолкнуть меня, уничтожить, любым способом избавиться от чужака. Волевым усилием я перехватил управление маленьким телом, подавил панику чужого сознания. Затем я вдруг увидел огромное тело неподалеку от себя. Странное, незнакомое чудовищное тело великана. Оно медленно клонилось набок, потом соскользнуло с валежины и упало в снег, уткнувшись лицом в сугроб.

Вид своего тела, лежащего в снегу напугал меня до такой степени, что я не заметил, как удрал из тела птицы и очнулся от ощущения ледяного прикосновения снега, попавшего за шиворот.

Зима – не самое удачное время для подобного эксперимента. Я не знал, как оценить свое последнее достижение в

освоении колдовского искусства, зато ощущение собственного ужаса запомнил хорошо. И потому решил раз и навсегда отказаться от подобной практики. Слабость в теле чувствовалась два дня.

Способ разделения сознания или создания своего полевого двойника был более сложным для выполнения. К тому же он требовал большего расхода психоэнергии, но понравился мне гораздо больше, чем первый, потому что был гораздо безопаснее для исполнения. После сложной подготовки и энергетической подпитки магического действия, копия сознания отделялась от тела и занимала заранее подготовленный сгусток психополя. Получалось два одинаковых «Я», одно из которых оставалось в теле, другое, соединенное с первым «Я» каналом мыслесвязи, парило в пространстве, либо посылалось в тело зверя.

Было два момента, на которые обращал внимание автор книги. Первое: выделенный полевой двойник со временем приобретал индивидуальный опыт и потому мог поступать иначе, чем его прототип. Со временем он мог стать самостоятельной личностью. Второе: при разрыве канала мыслесвязи, двойник, лишенный энергетической подпитки, умирал еще быстрее, чем в первом, описанном мною, случае. Деградация сознания наступала после трех суток, смерть – на девятый день после разрыва мыслесвязи.

Два дня я отдыхал и готовился к проведению опыта. Подгонял прочитанные в книге формулы под собственную ин-

дивидуальность. На третий день, убедившись, что вертолета с продуктами не будет, вновь отправился за Чопку. Уселся на знакомую валежину, очистил сознание, проиграл в памяти формулы и последовательность собственных действий. Полное сосредоточение, проверка канала подпитки энергией и волевой импульс. Вновь пошла по телу волна боли, взмыла вверх до своего пика и отпустила. Отрыв! Есть двойник!

Над головой повисла невидимая для глаз обычного человека сфера психополя, из которой медленно вырастали призрачные руки, ноги, голова, причем, почему-то в одежде.

– Привет, привидение! – медленно сказал я.

– Привет-то привет, – ворчливо отозвался мысленно двойник, – ты понимаешь, куда меня заслал?

– Висишь у меня над головой. Метрах в пяти. – сообщил я.

– Пять метров? Хорошо, что не на Луну. Мог бы и такое придумать!

– Ты недоволен? – удивился я.

– Вот поменяемся с тобой местами – тоже станешь недовольным!

Это невозможно, Юрка. Ты же знаешь. Мы с тобой одинаковы, только я остался в теле, а ты стал полевой копией, слепком неизвестной людям энергии.

– Ясно. Я из поля. Зато ты на две трети состоишь из воды! Водяной на семьдесят процентов! – задирался двойник.

Разговора не получалось. Больше того, мы, копии одного сознания, забыли обо всем и сначала поругались, потом

помирились. И только после примирения смогли разговаривать мирно.

– Странно и непривычно. – пожаловался двойник. – Вокруг тебя привычный мир, а у меня сплошной серый туман. Нити светящиеся тянутся со всех сторон. Ни низа, ни верха не чувствую. Полная невесомость. Ага!

Я вдруг почувствовал, как меня коснулся луч его биолокатора. Двойник включил сверхчувственный обзор.

– Тебя вижу, землю вижу, снег. Солнце вижу, как огромную черную кляксу. От него нити тянутся к земле.

Он послал мне картину – серый, однотонный туман со всех сторон, светящиеся нити, смутные контуры кустов и деревьев. Внизу картинки я увидел себя, вернее полупрозрачные контуры тела и четкое голубоватое свечение собственной ауры.

– Черт! Ты не можешь отрастить себе глаза, чтобы нормально видеть, а не нити и стеклянные контуры?

– Как я могу это сделать! – возмутился двойник. – Ты сам должен был об этом позаботиться!

– Ты же отрастил руки и ноги, причем в одежде. Вырасти глаза.

– Вырастил. Только они не видят ничего!

Совместными усилиями мы вскоре выяснили, что не знаем, как можно создать из психополя глаза и уши. Зато скоро заметили, что без помех, создаваемых телом, его психолокатор может действовать на большее расстояние, чем мой.

Присутствие живого существа двойник замечал больше, чем за километр. На это расстояние он мог посылать мысленный луч и овладеть сознанием любого зверя. Не то, что я со своими тремя сотнями метров.

В конце концов двойник обнаружил песца, подчинил его себе и пригнал его к моим ногам.

– Буду брать. – предупредил он. – А ты будь внимательнее на всякий случай.

Песец вздрогнул, завалился на бок и задрыгал в воздухе лапами.

– Эй! – позвал я. – Ты что делаешь?

– Устраиваюсь. – проворчал двойник. – Ощущение такое, как будто из комфортабельной квартиры переселяешься в маленькую хибару... Вижу! – заорал он и песец раскрыл глаза, в которых появилось осмысленное выражение. – Ну и огромный ты, Ведунов! И страшный!

В этот день бедняге песцу досталось. Он, по команде двойника, прыгал, бегал, ходил на задних лапах и кокетливо вилял хвостом. Он тявкал на меня и совал в руки веточки. Видимо, память о своем странном поведении песец сохранил. Когда двойник ушел из сознания зверька, тот кинулся удирать с такой скоростью, что побил все рекорды своего племени в спринте.

Двойник, убедившись в своем превосходстве насчет сверхчувственного восприятия, совсем расхрабрился. Мельком поинтересовавшись, как у меня с энергией, и, едва успев

выслушать ответ, бросился «ловить» куропатку.

– Беру, Ведунов! – загремел он в моем сознании и устремился куда-то вдаль по лучу локатора, потом забормотал: – Нужно проблемку решить... Мозги у птички в сотню раз меньше, чем у песка.– тон мыслесвязи начал повышаться и перешел в невнятный свист.

– Не балуйся, Юрка! – попросил я двойника. – Говори мыслями нормально. Я с трудом понимаю, что ты высвистываешь.

– Съ-сто? – переспросил он.– А, понял! Извини ! Я уплотнился, считай, до предела, чтобы поместиться. Частота сама уплотнилась. Сейчас отрегулирую.

Свистящий плотный голос двойника стал быстро понижаться и к концу фразы стал нормальным

– Не теряй меня из виду,– попросил он, – я немного летаю.

– Сам, что ли?

– Конечно!

– Разобьешься!

– Я у нее все куропачьи навыки сохранил. В том числе программу полетов. Самому мне действительно не справиться.

Пока двойник учился летать, я тоже нащупал сидевшую рядом куропатку и послал зов. Потом стал слушать ее простенькие мысли – желания. Мелькали мимолетные чувства голода, жажды, боязнь холода. И вдруг возникла необычайно

яркая картинка: ярко зеленый куст посреди снежной равнины, весь усыпанный огромными ягодами голубики. Неужели куропатки умеют мечтать?

Оказалось, что двойник самостоятельно не мог передвигаться в пространстве. Он мог вернуться ко мне по ниточке мыслесвязи, мог нащупать живое существо с помощью локатора и по лучу проникнуть в мозг. Но и только. Без материального носителя он мог неподвижно висеть на месте или медленно «дрейфовать» туда, куда его смещала равнодействующая земных энергополей.

Глава 8

На базе своей партии, далеко от холма эльфов, я быстро понял, что без мощной энергетической подпитки с Солнцем шутки плохи. В пасмурный день толстый слой облачности задерживает лучи видимого спектра, что облегчает занятия магией. Зато электромагнитные бури во время северный сияний напрочь перекрывали способность к мыслесвязи. Слишком велики помехи. Эти помехи воспринимались сознанием, как сильный шумовой фон, который мешал сосредотачиваться.

Однажды я сделал легкомысленную попытку отключиться от обычного мира и сосредоточиться на сверхчувственном восприятии во время солнечной вспышки. Сначала на меня обрушилась звуковая лавина. Вой, грохот, свист полностью забили помехами звуковой канал. Еще хуже дело обстояло в зрительном диапазоне.

Огромная, черная клякса Солнца занимала почти треть поля зрения. От нее стремительно неслись по направлению ко мне извивающиеся змеи жесткой энергии, с ужасающим грохотом лопались большие световые шары. Юркие огненные змейки вились по земле и больно вгрызались в тело.

Сколько я выдержал состояние полной незащищенности сознания, я не знаю. Очнулся я только в ЦУБе, полностью окуклившийся несколькими мысленными слоями металли-

ческой ленты. Голова раскалывалась от недавней боли. Как я успел удрать под защиту железных стен бочки, я не мог вспомнить. Но с тех пор я твердо усвоил: нельзя раскрывать сознание во время вспышки солнечной активности. Даже при пасмурном небе!

Выгодную сторону умения создавать двойника я оценил не сразу. Сначала не мог понять, почему он сразу после отделения становится задирой. Абсолютная копия сознания вдруг начинала вести себя, как родственная, но совершенно другая личность.

Со временем понял, что это ни что иное, как защитная реакция человека, поставленного в непривычные условия. Своего рода борьба за равноправие. Стоило двойнику убедиться, что он в чем-то превосходит оригинал, как настроение у него поднималось и двойник становился коммуникбельным.

У меня появился собеседник, который, обладая моей памятью, отличался от меня, вносил разнообразие в наши совместные искания и не стеснялся тыкать меня носом в ошибки.

Мы подготовили и провели опыт, чтобы окончательно выяснить причину нашего быстрого расхождения. Для этого пришлось, создав двойника, выделить ему половину своего тела в распоряжение. И были разочарованы. Когда двойник командовал половиной органов общего тела, различий между обоими «Я» не наступало. Мы думали и говорили совер-

шенно одинаково.

Необычные условия, в которые попадал двойник после отделения – отсутствие сигналов тела, исчезновение обычных слуха и зрения, серый туман и отсутствие ощущений верха и низа, вызывали подсознательную реакцию в форме смутного страха. Все это вместе взятое, делало нас различными и потому интересными друг для друга.

Двойник изобрел и применил первым антисолнечный зонтик, предохраняющий от жесткого излучения. Он первым сообразил, как усилить магическую формулу для телекинетических опытов и довел наш рекорд соответственно до трех килограммов и до полутора километров расстояния.

Единственное, к чему он так и не смог привыкнуть, был серый туман, в который попадало сознание двойника. Когда мы уставали, перед обратным слиянием, он просил меня пореже раздваивать свое сознание.

Я обещал, но не сдержал своего обещания. Двойник с течением времени тоже забыл о своей просьбе. Постепенно мы настолько обнаглели, что я стал создавать двойника не выходя из ЦУБа. Часами мы беседовали с ним на самые различные темы. Но это было потом.

Вначале мне пришлось наложить на своих мужиков малые чары, чтобы они не обращали внимания на мои странности. Собственная фамилия тоже толкала меня на размышления. Я понимал, что мне далеко до настоящего ведуна. Понимал, что ведунами могут называть себя люди с определенной си-

лой дара, объединившиеся в духовно-этический союз искателей знания.

Я был одиночкой, бредущим ощупью по ухабистой дороге познания. Вернее будет называть себя колдуном. А всего правильнее – одиноким учеником чародейской книги. Общество двойника было необходимо. Оно помогало нам справляться с постоянно возникающими трудностями.

В последующие дни мы с двойником увлеклись опытами и забыли об экономии энергии. Дело едва не закончилось психической травмой. Хорошо еще, что двойник успел заметить неожиданное ослабление канала мыслесвязи и сообщил вернуться назад до того, как я потерял сознание.

После обморока, закончившегося, к счастью, без последствий, нам пришлось держать под жестким контролем наличие и расход психоэнергии. Мы усовершенствовали свой природный аккумулятор, вернее способы преобразования энергии мужского семени в психоэнергию. Как образно выразился двойник – метод полностью исключил появление в снах представителей женского племени.

Два дня мы на полном серьезе обсуждали проблему Мирового Разума и его местонахождение. Он склонялся к мысли, что под этим названием книга подразумевает разумное начало нашей Солнечной системы, а разум нашей планеты – падшим ангелом из Нового Завета. Я пытался с ним спорить, но у двойника память почему-то оказалась лучше и он заморочил мне голову цитатами из Библии. В них прямо указы-

валось, что господином земной жизни является не кто иной, как падший ангел Господень – Сатана Меркатриг, преследующий свои личные цели, отличающиеся от целей божественного провидения. Именно поэтому два тысячелетия назад Бог, или Мировой Разум, послал на Землю Спасителя – сына человеческого по имени Иисус из Назарета.

– Он был пророком, учителем и мессией! – торжественно вещал двойник. – Появился на Земле, чтобы научить людей жизни согласно воле Божией.

Он мог цитировать мне что угодно, так как я не был силен в знании религиозных догм. Поэтому пришлось схитрить. Я тоже пустился в рассуждения о том, почему в мире получается так, что любые последователи пророков всегда считают свою религию истинной, а другие религии – ложными.

Хорош Мировой Разум, если из-за него до сих пор льются реки крови и Индии, Пакистане, у нас, в бывших республиках бывшего Союза.

– Не обвиняй религии в том, что делают ее служители! – возмутился двойник.

– Я тоже помню кое-что из Нового Завета! – не сдавался я. – Помню, что сказал своим ученикам Христос, когда отправлял их по городам Иудеи: «Не мир я принес на Землю, но меч!» Он учил, что человек должен возлюбить его больше отца и матери, больше любого, самого близкого человека!

Во общем, мы поругались наполовину в шутку, наполовину всерьез. Ни у меня, ни у двойника не было идей, ка-

ким образом можно обнаружить присутствие Мирового Разума. Я попытался заикнуться о попытке отправки двойника в верхние слои атмосферы на поиски блуждающих психо-кластеров. Зацепить, скажем, за магнитную силовую линию и хорошо «толкнуть». Вдруг удастся обнаружить блуждающие души с помощью психолокатора?

– И не думай! – сразу всполошился двойник. – Мне хорошо рядом с тобой, у поверхности Земли-матушки! Записывайся в космонавты сам! Ты подумал о том, что достаточно любого энергетического всплеска и оборвется ниточка канала мыслесвязи? Тебе, оригинал, хорошо. В любом случае останешься жив. А мне предлагаешь девять дней агонии и деградации сознания?

– Извини. Я просто немного помечтал. Без твоего согласия я никуда тебя отправить не могу.

– Спасибо, утешил. – успокаиваясь проворчал двойник. – Ты, оригинал, такие мечты держи при себе, не передавай по мыслесвязи для нашего общего душевного спокойствия. Договорились?

Книга Велеса продолжала преподносить мне одну загадку за другой. Она напоминала мне русскую матрешку. Под первым слоем таятся еще несколько слоев, поначалу мною незамеченных. Иногда она ставила меня в тупик перед самым простым магическим действием.

В практическом разделе книги много внимания уделялось способам изготовления пантаклей, амулетов или талисма-

нов, магических колец. Передо мной не стояло вопроса – для чего? Я не мог понять другое – каким образом может помочь человеку простой кусочек пергамента с нанесенными на него магическими знаками?

Книга подробно описывала изготовление талисмана и очень коротко говорила о его действии. Освящение талисмана в храме, после изготовления, было обязательным. Что дает талисману прочитанное над ним заклинание, а потом освящение?

Еще книга утверждала, что многие колдуны превращают в талисман свои посохи, хотя не все обладатели магического дара могут посохом пользоваться. Волшебники обязательно используют для работы магические жезлы и волшебные палочки. В то же время книга признавала, что в других руках жезлы превращаются в простой кусок кости или дерева. Что они дают своему владельцу? Ощущение уверенности в себе?

Можно понять принцип действия магической шпаги, если представить шпагу как разрядник в борьбе с сильным напряжением психополя. Принцип действия неясен, но возможно в это что-то есть – размышлял я.

Дело было поздней ночью. Горела только самодельная настольная лампа, бросая узкий конус света на стол с раскрытой книгой Велеса. В ЦУБе было тихо. Все спали. Только двойник тихо шелестел страницами и что-то мысленно бурчал себе под нос.

– Ты что-то сказал? – внезапно обратился он ко мне.

– Нет. Вроде бы ничего не говорил.

– Ну да. Конечно не говорил. Ты думал о магическом разряднике.

– А... Размышлял о магической шпаге колдуна. Если шпагой прикоснуться к полевому телу духа, она забирает всю психоэнергию.

– Вот-вот! – перебил меня двойник. – Именно разрядник типа громоотвода. Раз у колдунов есть разрядники, то значит должны быть и аккумуляторы психоэнергии. Так?

– Ну так. – согласился я. – Не понимаю, к чему ты kloнишь?

– Раньше слова аккумулятор не было. – продолжал двойник. – Книга говорит о пантаклях, оберегах, амулетах, талисманах, магических посохах и жезлах. Понял?

– Написано: освятить – читай – ввести определенную программу на вид психовлияния. Где сказано – прочитать заклинание – следует понимать как зарядить собственной психоэнергией.

– Количество закачиваемой в аккумулятор энергии зависит от расположения планет, Луны, Солнца, дня недели и от материала, из которого изготавливаются аккумуляторы! – подхватил двойник.

– Знаешь, копия, ты, по-моему, очень умный человек! – восхитился я.

– Да уж! Гораздо умнее некоторых оригиналов!

– Вот скромности в тебе, Юрка, ни на грош.

Утром второго ноября в ЦУБ влетел Баранов.

– Юрий Анатольевич! Сегодня будет борт с продуктами и вешками. Готовь отряд к выходу!

– Ясно. Заводим немедленно свой болотоход и к вечеру оттащим сани с ГСМ до Ондодоми.

– А сразу от вертолета можешь оттащить на Ондодоми?

Я улыбнулся.

– Спешешь отпрапортовать начальству, что топоотряд начал разбивку сейсмопрофилей?

– А что? Полезно для партии. Быстрее начнут шевелиться с отправкой машин по зимнику. – не стал отпираться Баранов. – Сам знаешь, что у нас солярки и угля – в обрез. На ноябрь и начало декабря. Весной не успели забросить по зимнику достаточное количество. Водители бесплатно работать отказались.

– Знаю я, Анатолий. Потому свой трактор до сих пор не заводили.

– Давай команду Москалеву. Пусть заводит.

– Уже дал команду подтащить к болотоходу ЭМ-пушку.

– Тогда все. Пошел на рацию! – Баранов исчез так же стремительно, как появился.

В помощь Москалеву я послал новенького. Рабочего Игнатова, чтобы он помог Москалеву подтащить к болотоходу ЭМ-пушку. Она дула горячим воздухом через брезентовый рукав около тридцати сантиметров диаметром. Тепла хвата-

ло, чтобы при двадцатиградусном морозе разогреть дизель минут за двадцать пять – тридцать.

Скоро за стеной нашей жилой бочки зашумела ЭМ-пушка, а через полчаса заработал дизель болотохода. Подошло к концу затянувшееся безделье и начинается работа, за которую мы получаем заработную плату. Магическими опытами придется теперь заниматься в свободное от работы время.

Оба рабочих, которых отобрал Федоров для топоотряда, были для нас людьми случайными. Игнатов Вячеслав – паренек двадцати лет, только весной демобилизовался из армии. Из своего Ростова он к лету сначала оказался в Игарке, а потом пробрался в Дудинку, минуя посты пограничников.

Служил он в Армении на какой-то базе, которая снабжала топливом весь бывший Закавказский военный округ. Парнишка был неплохой. Не пил, не курил. До армии занимался каратэ под руководством дяди и не бросал занятий спортом в Армении. За каким бесом его понесло в наши северные края – я не знал.

В том, что Игнатов попал в наш топоотряд, мне оставалось только посочувствовать. Всю зиму прожить среди людей, самому младшему из которых было больше сорока лет – перспектива не из приятных. Пареньку грозила скука, о которой он пока не догадывался.

Я привез с собой из Дудинки полтора десятка книг. В основном это была фантастика. Слава накинулся на книги с жадностью, которая удивила его самого. По признанию Иг-

натова, он за всю жизнь вряд ли прочитал больше двух десятков книг этого литературного жанра.

Второй новичок был маленьким молдаванином. Звали его Дидиликэ Георгий или просто Гоша. Появление Гоши в топоотряде было еще более непонятным, чем появление самого Славки. Славку погнала по городам и весям страны жажда романтики и дальних путешествий. С Георгием было сложнее.

Он был знакомым нашего Москалева и приехал в Дудинку из-под Иркутска. Там Георгий работал бригадиром на мебельном предприятии. Все у него шло нормально до тех пор, пока не умерла жена, которую он любил. Георгий остался с двумя детьми, двумя девочками. Старшей было двенадцать лет, младшей – два года. По его словам, он отвез девочек в Молдавию к своей матери, а сам стал метаться по стране в поисках спасения от душевной боли. В топоотряд его приняли в качестве повара.

Мы вышли к началу работ со своими транспортными единицами на следующий день. Не обошлось без приключений. Едва покинув базу партии, мы сразу же проломили трактором лед на Чопке и застряли в сотне метров от базы. Пришлось бежать за трактором «хозяйкой». С его помощью выбрались на берег и пошли дальше.

Зато Ондодоми, которую я побаивался, форсировали удачно. Удалось найти перекат глубиной всего около сорока сантиметров и не проломить лед во время переправы. Вече-

ром мы уже стояли возле начала сейсмопрофиля, на берегу небольшого озера, в полутора километрах от пункта триангуляции.

Утром четвертого числа мы на лыжах пошли к пункту триангуляции и я задал теодолитом направление привязочного хода от ориентирного пункта. Началась работа, которую мне и Сан Санычу приходилось делать уже два десятка лет.

Привязочный ход, измерение расстояний между марками теодолитного хода, измерение горизонтальных и вертикальных углов с помощью теодолита. Делать все то, что необходимо при прокладке на местности сейсмического профиля и сопровождающую его разбивку теодолитно-высотного хода.

Через несколько дней мы полностью втянулись в рабочий режим. Разбивка профиля, теодолитный ход, перетаскивание болотоходом вдоль профиля своих единиц: ЦУБа и грузовых саней. Как улитки, мы перетаскивали вперед по профилю свой передвижной дом, проламывали в хилом северном лесу пятиметровую просеку, расставляли по створу свои пикеты и марки.

Шесть-восемь километров ежедневного передвижения на новое место. Мы искали переправы и переходили через тундровые речки и ручьи, находили объезды через овраги и поросшие кустарником холмы, огибали озера и труднопроходимые участки местности.

По вечерам мы тоже были заняты работой. Федоров со Славкой готовили пикеты, марки из пергамина, мерные ко-

лышки для стометровых отметок, заготавливали таблички для закрепленных железными штырями пунктов наблюдений.

Пока Москалев гнал трактор назад по профилю, чтобы притащить грузовые сани, а Дидиликэ готовил ужин, я успевал обработать журнал теодолитного хода, выписать в ведомости результаты наблюдений, нарисовать кроки и вычертить на миллиметровке разрез сейсмического профиля для находящейся в Дудинке камералки.

Свободное время у меня появлялось только после ужина. Сделав расчеты направлений работ на следующий день и немного отдохнув, я доставал из сейфа книгу и приступал к изучению практических разделов. После подсказки двойника, я вдруг увлекся изготовлением талисманов, опробовав в качестве материалов для изготовления все, что мне было доступно: дерево, пластмассы, олений рог, металлы и сплавы.

Как и ожидалось, сплавы железа вообще оказались невосприимчивы к психоэнергии. В стальных предметах психоэнергия рассасывалась без следа. Лучшим материалом из всего оказалась древесина обыкновенной сосны. Причем, количество психоэнергии, «закачанной» в изготовленные мною талисманы, начиная с объема древесины больше двух кубических сантиметров, оставалось постоянным и не зависело от дальнейшего увеличения размеров талисмана.

Изготавливались талисманы без определенной цели, просто в качестве тренировки. Я старался учесть все, вплоть до вре-

мени суток, которое указывали таблицы книги. Заучивал наизусть требуемые заклинания, вырезал рекомендуемые руны.

Скоро у меня в ящике стола скопилась куча таких талисманов. Не предложишь в самом деле Сан Санычу талисман от сглаза или порчи! Слава богу, в топоотряде все были здоровы, если за болезнь не считать усиливающуюся тягу к спиртному у Федорова и Москалева. С каждым прошедшим днем их мысли о спиртном, а так же состояние аур мне все больше не нравилось. Назревал кризис.

Я уже сейчас мог, пользуясь знаниями, полученными из книги и тетрадей Екатерины Ивановны, подавить нарастающее влечение к алкоголю. Но знал, что без постоянной подпитки энергией, они не смогут вылечиться окончательно. Трудность заключалась в том, чтобы суметь всучить обоим такой талисман, который они были обязаны постоянно носить при себе и не догадывались о настоящем предназначении как можно больше времени.

Нательных крестиков оба не носили и я долго ломал голову, что можно для них придумать. Для Сан Саныча можно было выточить портсигар из оленьего рога. А что сделать для Москалева? Он не курит. Постараться выточить красивый браслет для наручных часов?

Портсигар и браслет должны быть красивыми и иметь для мужиков особую ценность. Тогда они с ними не расстанутся. По вечерам я теперь два часа своего свободного времени

отдавал изготовлению портсигара и браслета, которые получались действительно приличными, так как я быстро восстановил свои армейские навыки в этом деле.

Сан Саныч долго наблюдал за моей работой, а потом тоже заказал себе похожий браслет.

Когда оба браслета были готовы, я зарядил их собственной энергией и прочитал над обоими заклинание против зеленого змия. Потом сам прицепил браслеты к часам и застегнул на руках сначала Сан Саныча, а потом Москалева. Браслеты были заговорены от потери и теперь красовались на левых запястьях довольных владельцев. Ауры мужиков постепенно стали приходить к норме.

Мое сражение с книгой продолжалось с переменным успехом. Мне не была доступна логика автора гримуара. Иногда он прямо разжевывал отдельный магический прием, давал подробные объяснения, потом все менялось. Тексты становились менее понятными, словно были написаны скороговоркой с намеками, которые мне не были понятны.

Приходилось искать ясность на других листах книги, обсуждать непонятное с двойником. Теперь я уверен, что слишком торопился в своих стремлениях, перескакивал через рекомендуемую книгой постепенность в овладении магическим мастерством. Пренебрегал упражнениями, которые были рассчитаны на длительные сроки. Мне казалось, что изучать магию десятилетиями можно было тысячи лет назад,

при тогдашних неспешных темпах жизни. Кто в наше стремительное и сумасшедшее время согласится терять десятки лет на изучение колдовства?

Заглянув однажды в середину книги, я неожиданно увлекся описанием симулякров, которые автор книги считал вершиной создания магических иллюзий. Я был очень самонадеян в то время, тем более, что предыдущие задачи книги дались мне без большого напряжения.

Вечерами я стал уходить от ЦУБа в ближний овраг и там пытался создавать сначала простейшие зрительные иллюзии и был удивлен. Создание самой простенькой иллюзии требовало постоянного напряжения воли. Стоило перешагнуть определенный рубеж сложности создаваемого образа, как он начинал дрожать, колебаться, потом таял без следа!

Попробуйте удержать в своем воображении вид обыкновенного дерева несколько секунд и вы меня поймете. Постепенно я стал подозревать, что для успешного создания иллюзий нужна эйдетическая зрительная память, которой у меня не было.

Неужели колдуны прошлого часами держали в памяти нужную картинку? Вряд ли. Скорее всего они умели стабилизировать зрительный фантом, освобождая свой разум от непосильной нагрузки. За два дня я смог изобрести формулу заклинания, которое могло фиксировать в пространстве сложную форму. Создаваемые мною фантомы удерживали заданную форму около пяти минут. Еще через день я сооб-

разил очевидное: нужно «пристегнуть» заклинание к талисману, который должен находиться рядом с иллюзией и обеспечивать стабильность.

С подключением магического аккумулятора дело сдвинулось с мертвой точки. Я брал обломок простой веточки от ближайшего куста, заряжал его своей психоэнергией и читал над ним заклинание стабильности. Затем вызывал в памяти картинку. Рядом с кустом возникала иллюзия игрушечного замка. Пока действовало заклинание, я дорисовывал подробности, украшал башенки флагерами, раскрашивал стены и миниатюрные черепичные крыши. Стрельчатые окна украшались барельефами.

Первый замок простоял на снегу тридцать пять минут и я успел вдоволь налюбоваться на свою первую удавшуюся иллюзию. Затем энергия в аккумуляторе иссякла и он тихонько растаял в воздухе.

После изобретения магического аккумулятора мне стала понятной роль магических посохов с которыми не расставались упоминаемые в книге волхвы и друиды, а так же постоянное присутствие в руках сказочных волшебников волшебных палочек. Чем иным можно объяснить необходимость жезла для его владельца, если они не были универсальными аккумуляторами психоэнергии?

Я покопался в таблицах книги и нашел сравнительные энергоемкости различных материалов. Самыми лучшими материалами для изготовления магических посохов была

древесина дуба, ясеня, клена. Осина и береза были наоборот «антиаккумуляторами» и не могли удерживать в древесине психоэнергию. Лучшим аккумулятором из древесных пород был можжевельник, так подсказывала книга, а еще более емкими она считала слоновую кость и рог сказочного единорога.

Посочувствовав слонам и нарвалу, мне пришлось сделать вывод, что вряд ли это кость из его знаменитого роострума. Книга описывала этот материал очень похоже на слоновую кость, достаточно мягким. Скорее всего это были жезлы, изготовленные из бивней мамонта или клыков моржа, о котором в Европе тысячелетней давности не имели ясного представления.

Стали понятными и большие размеры посохов колдунов по сравнению с жезлами. Ведь посох кроме функции аккумулятора выполняет и традиционное назначение. Тысячу лет назад волхвам приходилось много передвигаться пешком и они были в большинстве случаев пожилыми людьми.

Я тихонько рассмеялся. Выходило, что волшебники, в отличие от простых колдунов, были лентяями и предпочитали перемещаться в пространстве с помощью магии. Предпочитали пользоваться левитацией и телепортацией.

Ночью, когда все уснули, я принял позу для размышлений. Почему книга говорит о создании симулякров, как о вершине магического искусства? Иллюзия пятикратного синтеза – что это может означать? Я создал простенькую зри-

тельную иллюзию и то пришлось потрудиться, поломать голову. А в книге прямо сказано: при создании пятикратной иллюзии количество переходит в качество – это надо такое придумать?!..

Глава 9

Книга вновь заставила меня обратить внимание на собственное тело и заняться физическими упражнениями для поддержания формы. Незаметно для себя я вновь вернулся к жесткому распорядку дня, где на сон было отведено не больше четырех часов. Формула полного расслабления тела и очищение разума от беспокойных мыслей перед сном, позволяла за короткое время полностью восстановить силы.

Ежедневная работа на профиле, ходьба на лыжах. Минуты ожидания, когда парни поставят очередную марку впереди по профилю, я использовал для восстановления утраченных навыков. Эти навыки превращали тело в постоянно взведенную боевую пружину. Вспоминались мои армейские наставники, учившие восемнадцатилетнего юнца методам мгновенной физической концентрации тела и мышц.

Теперь я был достаточно опытен, чтобы использовать эти навыки для тренировки тела, а не превращения своего «Я» в бездумную боевую машину. Это не было каратэ в его чистом виде. Ведь каратэ, как боевая техника, разработана в Японии для людей с маленькой собственной массой. Отсюда стремительные горизонтальные броски и вкладывание в удар массы всего тела.

Мои армейские наставники понимали особенности каратэ и разработали боевой стиль, учитывающий большую массу

бойца.

До армии я был обыкновенным парнем. При росте метр восемьдесят восемь весил около восьмидесяти пяти килограммов. В школьные годы я, как и все мои сверстники, увлекался спортом. Зимой играл в хоккей с мячом, имел первый разряд по волейболу и легкой атлетике. Немного занимался боксом и, ставшим модным в те годы, спортивным самбо.

Что такое настоящие нагрузки на организм, я понял только тогда, когда попал в воздушно-десантную часть особого назначения. За два с половиной года службы я подрос на три сантиметра и набрал вес до сотни килограммов.

Кроме умения обращаться с техникой и прыжкам с парашютом в любое время суток, наши наставники учили нас всем мыслимым и немыслимым способам выводить из строя противника. Учили безобидные предметы превращать в смертоносное оружие. Мы должны были уметь стрелять без промаха из любого оружия, из любого положения. Днем и ночью. С завязанными глазами. По шороху. По запаху. По интуиции.

Полтора года из меня делали самую современную машину для убийства. Этакое супермена с мгновенными рефлексами и беспрекословными подчинением любому приказу командира. Затем отправили в далекую жаркую страну учить маленьких желтокожих людей с раскосыми глазами своему умению убивать.

Домой я вернулся через год с ненавистью в душе и ночны-

ми кошмарами, в которых мне снилась кровь и убитые мной маленькие желтокожие люди. Еще два года потребовались мне, чтобы буквально по капле выдавить из себя поселившегося во мне зверя. В нашей экспедиции и топоотделе парни до сих пор не знают о моем армейском прошлом. Считают спокойным, физически сильным человеком, не способным обидеть даже мухи.

Три года назад я едва не сорвался. Только чудом мне удалось удержаться на последней грани и не убить. Светлана и сейчас временами выглядит словно юная девочка. А тогда, летом, в легком платье раздуваемом ветром, словно помолодела лет на восемь и напоминала мне хрупкого подростка с удивительно чистым взглядом.

Встретили нас на старом деревянном мосту через овраг, недалеко от двухэтажного деревянного здания милиции. Я шел о чем-то задумавшись и не успел оглянуться, как двое слегка подвыпивших парней оторвали от меня жену и оттащили в сторону. Пятеро других, поигрывая бицепсами, потихоньку теснили меня в другую сторону.

– Ты это, мужик... Топай отсюда подальше! – объявил мне один из парней. – Уходи, пока цел. А девочку мы себе оставим! – парень гнусно ухмыльнулся. – Она нам понравилась!

Он не успел договорить, как я был уже рядом со Светланой. Двое подвыпивших наглецов валялись возле наших ног. Остальные не сразу поняли, что с ними случилось. Я успокаивающе положил руку на плечо жены и уже повернулся

уходить, когда заметил в руках оставшейся на ногах пятерки ножи.

И тогда во мне что-то сломалось. Оказалось – я ничего не забыл из армейской науки и «зверь» вновь показал когти.

Светлана всхлипывала и обеими руками держалась за меня. Подбежавший от милиции наряд бряцал наручниками. Сержант подбирал валяющиеся вокруг ножи и поглядывал на меня в откровенным интересом.

Едва мы со Светланой успели отойти от милиции шагов на сто, как меня начало трясти. Я вдруг отчетливо понял, насколько тонкой оказалась многолетняя броня, сковывающая моего «зверя». Чудом смог удержаться от убийства – понял я с ужасом.

– Ох, Юра! Никогда не думала, что ты дерешься так страшно! – подлила масла в огонь Светлана.

Она взглянула мне в глаза, заметила мое состояние и замолкла. Потом стала утешать так, как это умеет делать только любящая женщина.

Ночью, когда все засыпали, я сидел на своей постели в позе для размышлений, рекомендуемой автором книги. Полное расслабление, затем сосредоточенность и концентрация внимания на выбранной теме.

Что есть человек? Каково его место в мире? Чем человек отличается от животных? И, наконец, почему именно человеку природа дала магический дар?

У нас те же пять чувств, что и у животных. Зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. Человек не является чемпионом животного царства по всем показателям. Гриф видит лучше человека, сова – слышит, собака – различает запахи. Большинство животных бегают быстрее и сильнее физически. Хищники вооружены лучше (я имею в виду когти и клыки), лучше приспособлены к перемене погоды (имею в виду шерсть). Животные идут по жизни руководствуясь почти безошибочным жизненным компасом (имеется в виду приобретенный за миллионы лет врожденный инстинкт поведения), плюс личный жизненный опыт.

Человек не венец божественного творения и не царь природы. Этими громкими титулами он наградил себя сам. Согбенные, редковолосые существа, бродившие многие сотни тысяч лет назад по африканским саваннам – не были удачными творениями земной биосферы.

Разве может быть совершенным существо, появившееся на свет с расшатанными и почти полностью утраченными инстинктами? Оно должно было исчезнуть с лица Земли, проиграть более совершенным современникам животного мира, лучше приспособленным к существованию. Стать тупиковой, вымирающей ветвью обезьян. Но... Оно выжило!

Как? Наши антропологи до сих пор ищут ответ на этот вопрос. Некоторые утверждают, что выживанию «хомо сапиенс» способствовало совершенное общественное устройство, труд и пробудившийся разум. Но так ли это? Строгая

иерархия в птичьих и животных стаях мне кажется более совершенной, чем общественные отношения в государственных устройствах древнего мира и средневековья.

А пчелы и муравьи, живущие такими сообществами многие миллионы лет? Неужели пчелиное общественное устройство хуже, чем у людей? Пчела и муравей трудятся на благо своего племени больше, чем человек. Среди них нет индивидуалистов и бунтарей. Нет тунеядцев и грабителей и нет политиков, ввергающих свои народы в пучину войн ради политических амбиций.

Зверь никогда не убьет зря существо другого вида и уж, тем более, своего сородича. Не даст инстинкт. А животное под названием «хомо сапиенс»? Для кого приготовил он смертоносное оружие наших дней? Ядерные, химические, бактериологические, метеорологические средства массового уничтожения?

Хорош разум, который направляет свою энергию на собственное уничтожение и уничтожение всей биосферы! Разве можно гордиться безумием? Миллионы людей трудятся на Земле и в ее недрах, чтобы изготовить оружие. Напрасно растрачивают людские и материальные ресурсы.

Думаю, что ни разум, ни труд, ни иерархия обезьяньего стада не могли сами по себе спасти от уничтожения первых гоминид, лишенных путеводной звезды инстинкта. В условиях жесткой конкуренции первые гоминиды были вынуждены развивать хитрость, коварство, изобрести своего

рода «протез», заменяющий утраченные инстинкты. Научились копировать поведение наиболее приспособленных видов. Гоминиды развивали воображение и память, чтобы в своих мыслях проигрывать определенные жизненные ситуации и запоминать.

Воображение, память, аналитическое мышление – вот три кита, на которых наши предки смогли построить здание человеческой цивилизации. Вы все еще сомневаетесь?

Хорошо. Я продолжу. Но сначала спрошу: какое существо на свете способно идти в театр или на сеанс кинематографа и, сидя в переполненном зале, искренне переживать все то, что происходит на сцене? Кто еще на Земле может, лежа на диване, запоем читать толстые романы и плакать над страданиями придуманных автором героев?

Ах! Оказывается это мы с вами называем культурой? С детства прививаем отпрыскам, так называемое, эстетическое восприятие? Честность, доброту, порядочность – мораль невозможно воспитать без мира искусства?

Теперь вы, надеюсь, признаете, что мы с раннего детства приучаем детей жить в нереальном, придуманном мире искусства. Сами черпаем информацию для того, чтобы знать, как нужно поступать в той или иной жизненной ситуации. Или, говоря другими словами, мы, человечество, воспринимаем окружающий реальный мир не непосредственно через свои чувства, а с помощью изобретенной нашими предками информационной иллюзии.

В старые времена информация передавалась с помощью сказок, преданий, мифов и былин. Потом, с изобретением письменности – передавалась в виде летописей, трактатов, книг.

Знания и информация о нем, передающаяся через тысячелетия – вот четвертый кит, на котором стоит наша цивилизация.

ВЫВОД: Вид «хомо сапиенс» уже в течение миллионов лет тренирует свой разум для восприятия иллюзий. В нашем сознании давно переплелись в неразрывную ткань иллюзии и реальность. В биосфере Земли только люди способны воспринимать и передавать другим создаваемые иллюзии. В том числе и магические.

На низших ступенях восприятия, галлюцинация и иллюзия – явления одного порядка. Галлюцинации создает больной человеческий мозг, растративший свою психоэнергию. Обман самого себя опасно искажающий действительность – вот что такое галлюцинация.

Вспомните общеизвестный синдром похмелья, когда здоровый и умный мужик вдруг начинает гнать «вольты» или, как говорят в народе – «допился до чертиков». Галлюцинация – это ложная информация. Звуковая либо зрительная. Иллюзия для себя.

Под истинной иллюзией подразумевается явление, которое могут наблюдать все, но чего нет в действительности. Это тоже обман. Мираж, например, – это зрительная иллю-

зия, которая возникает в атмосфере планеты при определенных условиях.

Второй пример – это кинематограф. Детище технической мысли человека. В дореволюционные времена его на Руси называли иллюзионом. Иллюзион – удачный технический синтез для восприятия двумя человеческими чувствами – зрением и слухом. В настоящее время наиболее совершенной зрительной иллюзией является лазерная голография. Это вершина технического прогресса. К сожалению, голография может передавать только вид неподвижных объектов. Она, своего рода объемная фотографическая карточка, вырванное из потока времени мгновение.

Теперь перейдем к информации об иллюзиях, что дала мне книга Велеса. Автор утверждает, что владеющие даром люди уже давно научились создавать не только простейшие зрительно-слуховые иллюзии, но и гораздо более сложные. Я имею в виду иллюзии, которые так же реальны для создававшего ее человека, как для остальных людей.

Иллюзии, которые можно не только видеть и слышать, но и осязать. Иллюзии для трех чувств, четырех и, наконец, самые совершенные иллюзии пятикратного синтеза. Такие совершенные иллюзии автор книги назвал «Симулякрами».

Симулякр – вершина магического создания иллюзий. Книга различала два вида симулякров. Просто симулякры – иллюзии обычного материального мира и «Монстры» – искусственные порождения фантастических живых существ.

Книга утверждала, что в древности волшебники обладали силой, способной создать симулякты, которые могли десятилетиями противостоять разрушительному напору времени. Представляете себе, что это может быть?

Сказочной красоты замки, в которых можно жить, города, которые невозможно отличить от настоящих и невозможно разрушить с помощью обычного человеческого оружия. Корабли, которые могут служить людям сотни лет не разрушаясь.

Может быть именно симулякры прошлого были источниками старинных преданий и легенд? Рассказы о замках и городах, исчезавших без всякого следа. Предания о волшебных островах, на которых время течет совсем не так, как в нашем реальном мире. Остров волшебницы Кирки. Авалон. Неуловимый Бризейл. Легендарный град Китеж. Летучий голландец. И, наконец, до сих пор не найденная страна в Гималаях – Шамбала, в которой живут герои, мудрецы и волшебники.

Подготовив к следующему вечеру талисманы и запомнив заклинания, необходимые для создания симулякра, я решил упростить задачу. Создать симулякр простой охотничьей избушки. Спустившись в овраг, нашел ровное место, разместил по сторонам квадрата талисманы. Потом закрыл глаза и вызвал образ избушки, сложенной из толстых бревен, рубленных топором. Крыша избушки крыта дерном. Из него торчит ржавая жестяная труба, над которой вьется легкий

дымок. Внутри избушки из колотых плах пол, железная печурка, в которой весело играет пламя. На нарах накрытые брезентом пихтовые ветки. Пахнет смолой. Тепло. На столе горит лампа-пятилинейка, рядом закопченный жестяной чайник и кружка с горячим чаем...

Когда избушка стала объемной и четкой, я послал волевой импульс и открыл глаза. Избушка стояла передо мной именно такая, какую нарисовало мое воображение. Рука сама протянулась вперед и коснулась досчатой двери. Пальцы ощутили шероховатость старых досок. Потом они толкнули дверь и она отворилась внутрь с легким скрипом.

Внутри избушки все было точно так, как я вообразил. Тепло, запах пихтового лапника, на столе кружка с горячим чаем. Я снял шапку, положил на темную столешницу, взял в руки кружку, над которой вился легкий парок. Сделал пару глотков. Горячий чай прокатился по пищеводу и исчез. Я поставил кружку на стол и повернулся к железной печурке, открыл жестяную дверцу. Язычки пламени лизали березовые поленья с легким гулом и устремлялись к трубе. Я успел поднять с пола полено и сунуть его в пламя, когда услышал легкий шлепок.

Шапка, которую я положил на стол, провалилась и упала вниз. Сам стол начал таять, становиться прозрачным. Стены избушки подернулись рябью и тоже начали исчезать. Секунд через тридцать я стоял на снегу в глубине оврага. Моя шапка валялась в двух шагах. Больше ничего не осталось.

Глубоко вздохнув, я поднял шапку и пошел к своему ЦУ-Бу. Шесть минут по моим часам простояла избушка, пока не разрядились талисманы. По сравнению с чудесами, описанными в книге, мои успехи выглядели потугами жалкого ремесленника. Вряд ли я смогу в обозримом будущем создать что-либо подобное.

С попыткой создать «Монстра» дело совсем не сдвинулось. Легенды о сказочных великанах и каменных статуях, оживающих от магического приказа волшебника, не подстегнули мое воображение. Я не знал, как можно создать магический аналог компьютера с гибкой программой движений для тех микро-монстров, которых я пытался создать. Они оставались застывшими статуями. Возможно, я шел не тем путем, но некому было подсказать мне, как поступать правильно.

Однажды я сотворил свою копию, закрепил ее талисманом, потом выделил двойника и предложил попробовать управлять неподвижной статуей. На этот раз двойник послушался без возражений и... у него ничего не получилось. Раздраженный двойник вылез из иллюзорной копии и разразился серией проклятий.

– Ничего не получается, Юрка! Нет мозга, нет сознания. Нечем управлять. Если, конечно, не приспособить веревочки и не дергать его, как куклу!

Может быть мне просто не хватало уверенности? Книга утверждала, что в общении с людьми, волшебство – это ис-

кусство внушения, доведенное до совершенства. Сам волшебник тоже обязан верить в то, что он создает, иначе не сможет добиться успеха.

Внушение – это первооснова. Все остальное вторично и только помогает колдуну снизить затраты нервной энергии, облегчить донесение иллюзии до сознания другого человека. Немного химии, немного физики. Много психологии и знания человеческой природы, много актерского мастерства и абсолютная уверенность в самом себе.

Истинным мастером является тот колдун, который обладает способностью объединить все виды иллюзий в одно целое и создает «нечто», которое он ощущает всеми органами чувств.

Сможет ли он сам в таком случае отличить это «нечто» от реальности? Животное, растение, человека, химеру или какое-то страшное чудовище? Как человек может не поверить в существование этого «нечто», если он видит его, слышит, осязает и чувствует исходящий от него запах?

Я с испугом подумал: Не является ли сам БОГ актом коллективного творчества верующих? Совершенная иллюзия, созданная волей многих миллионов человеческих душ. Иллюзия, реальная больше, чем сама реальность и одновременно разная для каждого человеческого сознания. Каждый представляет себе бога по-разному, таким, как он его понимает. Бог образованного человека отличается от бога темного крестьянина. Бог американца отличается от бога китайца,

но он все равно бог нашего иллюзорного мира...

Черт! Я чувствовал разочарование и какой-то изъясн в своих рассуждениях. Продолжая рассуждать таким образом, можно додуматься, что наши потомки будут жить в созданном ими полностью иллюзорном мире!

Наши предки тысячелетия назад не задумывались о сущности волшебного дара. Они просто научились эмпирически использовать эту удивительную особенность своего мозга и сознания. Современная земная наука еще никогда не занималась изучением паранормальных способностей человека. Мы до сих пор не можем объяснить, что такое гипноз, телепатия, телекинез. Не понимаем на каких природных энергетических особенностях материального мира покоятся эти способности.

Некоторые ученые объясняют такое положение отсутствием сверхчувствительных приборов, способных уловить и количественно оценить энергию нашего мозга. Под такими приборами большинство подразумевает сверхчувствительные вольтметры и амперметры. Другие заявляют, что электрический потенциал человеческого мозга очень мал и, соответственно, мала мощность электромагнитного излучения мозга.

Я не ставлю под сомнение выводы сотен добросовестных специалистов. Но уверены ли они, что дело только в электромагнитном излучении нашего мозга? То ли они измеря-

ли, что нужно? Разве свет клином сошелся на электромагнитном поле? Уверены ли мы с том, что наша наука знает все виды полевого взаимодействия материи?

Появившийся в последние годы термин «биополе» слишком расплывчат и не лучше прежнего термина, данного этому полю нашими предками – жизненная энергия. Представьте себе, что Вселенную, кроме гравитационных и электромагнитных полей, пронизывает мощное «поле жизни» и тогда все станет на свои места.

Возможно, в отдаленном будущем человечество сможет сознательно управлять этим полем. И кто знает, какие перспективы откроет власть над полем жизни? Победа над межзвездными расстояниями и временем?

У меня нет ответа на этот вопрос. Знаю одно – гипноз, телепатия, телекинез, предсказания будущего – только разрозненные остатки древней науки, созданной гениальными эмпириками далекого прошлого. Науки, преследуемой во все времена и всеми народами и окончательно добитой в Европе веками средневекового мракобесия.

Я могу понять, но не оправдываю разрушительную работу моих и ваших предков. Магия, как любое человеческое знание, может с равным успехом служить как добру, так и злу. Волшебство – это сила и оружие. В руках талантливого, но беспринципного человека, колдовство стократно или даже в большей степени усиливает его воздействие.

Люди всегда знали, что творить зло легче, чем добро. Чув-

ство страха, унаследованное от обезьяноподобных предков, диктовало четко: непонятное явление в большинстве случаев смертельно опасно. Нужно бежать, прятаться или уничтожить. Теперь представьте себе средневекового обывателя, стоящего перед дилеммой: отправить на костер подозрительную личность или дрожать от страха, когда эта личность живет рядом?

Последние костры, на которых сжигали колдунов и ведьм, горели в начале восемнадцатого века с «подачи» нашего великого Петра Первого. Было сожжено около тридцати тысяч человек в странах Европы и в России. Вдумайтесь в эти цифры, сограждане!

Жизнь человека, его поведение исторически складывалось из двух крайностей. Эгоизм закоренелого индивидуалиста и вынужденное проживание в стае, где легче избежать опасности, – вот два основных противоречия нашей жизни.

Стремясь ограничить эгоизм, наши пращуры подсмотрели в природе и довели до крайности сложную иерархию стадо-племенных отношений. Настолько действенную, что даже в горниле цивилизации не смогли придумать лучшего, чем общественная пирамида.

На вершине пирамиды – монарх. Ниже – бароны и князья. Потом – духовенство и дворяне. Еще ниже – купцы, ремесленники, наемное войско. И лишь в основании пирамиды – простой люд. Крестьяне и рабы. В пострабовладельческом государстве возникла не менее консервативная сельская об-

щина, старающаяся лишить человека малейших признаков самостоятельности.

Вы можете возразить, что в государствах – полисах древней Греции – существовал другой государственный строй, который принято называть демократией. Но разве может настоящая демократия быть построенной на рабстве?

Нет, уважаемые! Древние демократии можно считать первыми, причем очень робкими попытками как-то изменить социальный статус гражданина. К настоящей демократии мы еще только приближаемся теоретически в наши дни. Я не собираюсь принижать достижения человечества в области социально-экономического прогресса. Я просто хочу сказать, что в нас много намешано такого, присущего нашим самым отдаленным предкам.

Жажда богатства, эгоизм, желание во что бы то ни стало навязать ближнему собственное мнение и жажда власти. Последнее качество я считаю самым страшным пороком среди людей. Не мною сказано: любая власть развращает человека. Абсолютная власть – развращает абсолютно! Не нужно далеко ходить за примерами. Достаточно вспомнить нашу историю.

Теперь вновь вернемся к проблеме колдовства. Колдун прежде всего человек и ничто человеческое ему не чуждо. Знание магических приемов дает колдуну власть над людьми и их душами. Опасную власть. Как клинок с обоюдоострым лезвием, искусство волшебства опасно для обеих сторон: для

колдуна и для окружающих.

Чтобы понять, достаточно представить себе, что кто-то, находящийся рядом, может в любой момент подавить вашу волю, лишить самостоятельности в поступках. Вас могут заставить видеть то, чего нет на самом деле, слышать то, что никогда произнесено не было. Теперь вы поняли, что значит жить рядом с колдуном?

Из истории хорошо известно, как относились обыватели к колдунам и колдуньям. К ним шли со своими нуждами и болезнями. Их уважали, но больше боялись и ненавидели. В случаях неожиданных и таинственных происшествий с человеком или домашними животными, во времена моровых поветрий, кого обвиняли прежде всего в злом умысле?

Колдунов и колдовства равно опасались все. И простые люди и знать. Опасались, но, побуждаемые страстями, шли к ним на поклон. А потом горели на кострах люди, обладающие редкостной природной комбинацией генов.

Людские предания очень редко повествуют о белых колдунах и волшебниках, пользующихся даром для добрых дел. Нам должно быть понятно, что колдуны старались обезопасить себя от людской злобы и подозрений. Жили уединенно, почти не показываясь на люди. Там, в своих укрытиях, наиболее талантливые из них терпеливо совершенствовали свое искусство.

Почему один человек может стать колдуном, а другой нет? Раньше люди объясняли это наличием или отсутствием при-

родного дара. Теперь объясняют с помощью комбинаций генов в организме человека. Пусть так. Меняются времена, изменяются термины. Не в словах суть. Примем за истину, что редкостная комбинация генов превращает человеческий мозг в мощный приемо-передатчик особого поля, модулированного человеческой мыслью. Сила мысленного воздействия зависит, как в любой человеческой деятельности, прежде всего от природной одаренности человека, и уже потом от обучения и целеустремленности. Старинная классификация волшебства достаточно объективно отражает степень одаренности человека, его склонность к какому либо виду магии.

Вот классификация, приведенная в книге Велеса:

ЗНАХАРИ – это, пожалуй, низшая ступень одаренности и мастерства. Минимальные способности к внушению, подкрепленные знанием трав и составленных на основе трав целебных отваров и мазей. Простейшие заговоры, присушки, безобидные чары. Знахари жили практически в каждой деревне. Передавали свое искусство в семейном кругу. От отца к сыну, от матери к дочери. Реже – передача знаний через поколение. От бабушки к внучке. Совсем редко – постороннему человеку.

ГАДАТЕЛИ и **ВОРОЖЕИ** – тоже низшая ступень одаренности. Зачатки дара предвидения. Предсказывают судьбу, опасные моменты в жизни человека. В российских глубинках гадалки не профессионалы, а любители. Используют

для своего ремесла внутренности животных, фасоль, кофейные зерна, гадательные шары, игральные карты, магические зеркала. Хорошие физиономисты и психологи. Среди гадалей, в отличие от знахарей, велик процент самозванцев и шарлатанов, не имеющих моральных ограничений.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ – вторая ступень дара предвидения. Встречается значительно реже. Обычно слышат звучащий в сознании бесплотный голос. Могут узнать прошлое и настоящее обращаясь к ним человека. Могут предвидеть некоторые варианты ожидающего человека будущего.

ЯСНОВИДЯЩИЕ и **ПРОВИДЦЫ** – высшая ступень дара предвидения. Видят прошлое и настоящее любого человека. Могут предсказать будущее как отдельной личности, так и большого количества людей. Будущее города, страны.

КОЛДУНЫ – вторая ступень одаренности. Встречается на порядок реже, чем знахари и гадалы. Способность передавать на близком расстоянии слуховые и зрительные иллюзии. Обладают способностью к гипнозу (по-старорусски – мороку). Могут предвидеть ближайшее будущее. На близком расстоянии могут подчинять животных. Знание магии передается по родственным связям. Колдуны редко пытаются совершенствовать мастерство. Используют в практике запахи некоторых веществ и дым для облегчения своих усилий. Отличаются бездумной верой в заученные магические формулы, зачастую не понимая смысла. Прирожденные психологи и психотерапевты. Колдун, обративший свое искусство во

зло, приносит вред окружающим.

ВЕДЬМЫ – то же самое, что и колдуны. Способны левитировать с помощью колдовской метлы. Могут превращаться в домашних животных (свинью, кошку). Иногда превращаются в неодушевленный предмет. Например, в колесо от телеги, катающееся само собой по ночным деревенским улицам, пугая обывателей. Ведьмам людская молва приписывает порчу скота, всяческие козни, дружбу с нечистой силой и так далее.

ВЕДУНЫ и **ВОЛХВЫ** – третья ступень одаренности. Встречаются на порядок реже, чем колдуны. Знание магии с религиозным уклоном. Могут делать все, что делают колдуны. Способность к телепатии (мысленная речь). Знают способы мыслесвязи на дальние расстояния. Сведущи в астрологии, алхимии. Переработали для своих нужд Каббалу. Как религиозные деятели используют свой дар для укрепления веры в своего бога. Производят отбор учеников среди детей двух-трехлетнего возраста, обладающих ярко выраженными способностями. Держат свои секреты в глубокой тайне от непосвященных. Пользуются даром осторожно, с учетом всех мыслимых последствий. Институты ведунов и волхвов в Европе и России разгромлены христианством и его последователями. Общины ведунов сохранились в некоторых районах Азии, Африки, Латинской Америки.

ДОКИ (Разрушители) – странная категория людей, обладающих магическим даром. Сами не способны совершать

магические действия, но умеют разрушать и уничтожать магические построения почти любой силы. Помогают обращающимся к ним людям избавиться от наложенных колдунами и ведьмами заклинаний и чар.

ВОЛШЕБНИКИ (Чародеи) – четвертая и, пожалуй, самая высокая ступень магического дара, помноженная на долгие годы обучения и самосовершенствования. Отличительный знак волшебника – магический жезл или волшебная палочка (мощный аккумулятор психоэнергии, заряжающийся от холма эльфов). Силой своей мысли способен подчинить не только человека, но и любое другое существо. Может левитировать и переносить себя с помощью телепортации в любую точку планеты. Видит прошлое и настоящее. Может предсказывать и изменять будущее любого человека. Способен производить синтез всех пяти видов иллюзий и создавать образы, неотличимые от реальности. Причем, образы сложные и большой пространственной протяженности. Владеет мыслеречью в глобальном масштабе. Обычно выдержанный и спокойный человек, старающийся учесть все последствия магического воздействия. Часто ему приходится исправлять зло, причиненное людям менее квалифицированным и шепетильным собратом.

МАГ – высшая ступень магического искусства. Человек с такими способностями рождается чрезвычайно редко. Возможно, один раз в несколько тысячелетий. Автор книги утверждает, что рождение такого ребенка сопровождается

каким-либо значительным планетарным или космическим явлением. Сила мысли новорожденного младенца настолько велика, что его чувствуют все волшебники и ведуны нашей планеты. Воспитание ребенка требует особой осторожности и усилий многих выдающихся мудрецов. Те знают, что ребенок с такими способностями не должен попасть в дурные руки. Это может грозить катастрофой для жизни многих поколений на всей нашей планете...

Глава 10

Честно говоря, я не могу представить себе, что такое настоящий маг, о котором говорит книга. Каким могуществом он обладает. Судя по описанию, его магическая мощь сравнима с могуществом, приписываемой человечеством богу.

Мысль, которая может показаться странной фантастикой для атеиста и чистейшей воды святотатством для верующего. Что будет, если всерьез предположить, что магами нашей далекой истории были два человека, два интеллекта. Две выдающиеся личности, отличающиеся одна от другой, как огонь отличается от воды, как черное отличается от белого, как жизнь отличается от смерти...

Я имею в виду БОГА и САТАНУ!..

Но тогда, судя по библейским текстам, получается, что бог Иегова проиграл схватку Сатане Меркатригу в борьбе за власть над нашей планетой и ушел в заоблачные дали, чтобы оттуда наблюдать за течением земных дел, совершающихся под эгидой победившего соперника и, естественно, подмечать все допущенные сатаной промахи. Критиковать и терпеливо ждать своего часа, чтобы вернуться...

Я изменил позу и, расправив конечности, вновь улегся на свои нары. Додумался! – усмехнулся я. – Начал сравнивать бога и сатану, как двух земных политиков во время предвыборной кампании! Чего доброго начнешь верить не только в

господа бога, каким его описывает библия, но и в предсказанный ею Армагеддон и конец света после великой битвы между богом и его соперником. В гибель миллиардов ни в чем не повинных людей, пожираемых чудовищами и остальные ужасы.

По отношению к мировому разуму не применишь половицу, которая утверждает: Когда князья между собой дерутся – у холопов чубы трещат!.. Лучше не думать о глобальных проблемах. На душе будет спокойнее.

И я стал мысленно разбираться с проблемой существования оборотней или волколаков. Сказки об оборотнях, вампирах и вурдалаках кочуют по фольклору народов всего мира. Причем с такими подробностями, что ужас охватывает.

За несколько сотен лет в средневековой Европе погибло много тысяч людей, считающимися оборотнями. Их вешали, убивали, сжигали на кострах едва ли не чаще, чем предполагаемых колдунов и ведьм. Изучая магическое искусство меньше, чем полгода, я пришел к заключению, что люди, погибшие как оборотни, ничего общего с магией и колдовством не имели. Это были обыкновенные, очень несчастные люди, страдающие тяжелыми наследственными заболеваниями.

Представьте себе колдуна, умеющего покидать свое тело и внедрять свое сознание в тело зверя, чтобы заставить его выполнить свои черные замыслы. В любом случае, между телом и сознанием в теле зверя должна образоваться ниточ-

ка мыслесвязи, тонкий энергетический канал, по которому колдун практически мгновенно может вернуть свое сознание обратно. В любой момент он может покинуть тело зверя-носителя, оставляя его на расправу разъяренным преследователям.

То же самое может происходить при создании колдуном своей полевой копии. Вывод: колдун в любом случае остается в безопасности. Страдает только зверь.

Но предания говорят о том, что железное оружие не берет оборотня. Его можно поразить только серебряным оружием или пулей. Значит зверь не был обычным. Звериной была только его внешность. Если я прав, то некоторые колдуны могли преуспеть там, где я потерпел поражение и создавать монстров с гибкой целевой программой. Затем они посылали монстра куда им было нужно.

Каким образом серебро действовало на совершенную иллюзию разрушительно, мне было неясно. Стоит проверить, когда я буду в Дудинке и использую для опыта серебряную ложку Светланы. Но сначала мне предстоит научиться создавать монстров.

Страшно не умение создавать нежить в образе волка или другого живого существа, а сама цель, для каких нужд это делается. Не сразу я понял то постоянство, с каким в легендах говорилось о похищении оборотнями младенцев, пока не понял простой истины. Подавляющее большинство рецептов приготовления магических зелий содержит в качестве необ-

ходимых ингредиентов кровь невинного младенца и части его тела!

Я был достаточно опытен, чтобы сообразить, что такие рецепты – фальшивые подделки для глупцов. Эти рецепты имели страшные последствия для последователей магического искусства. Работа христианского духовенства, стремящегося любыми способами избавиться от конкурентов, уничтожить язычество, а заодно уничтожить знание магии.

Твои жрецы, господи, превзошли всех в коварстве и жестокости. Все было брошено на борьбу. Страхи, суеверия, мерзкие магические рецепты, монстры, запугивание обывателей и костры, унесшие за тысячи лет множество человеческих жизней. Во имя господи! Во имя справедливости! Во имя светлого будущего! Аминь!

Церковные деятели целое тысячелетие трудились в поте лица, выпалывая плевелы язычества и магии. Обеднили генофонд людской популяции в Европе. Костры инквизиции горели десятки лет, сжигая вместе с носителями магического дара тысячи несчастных, которым было место в клинике для душевнобольных.

Мне иногда становится любопытно: неужели некоторые из них действительно владели секретом левитации? Если это так, то похоже, что святые отцы за последние века под корень уничтожили носителей этого редчайшего гена, дающего возможность представителям рода человеческого парить над

планетой без применения технических средств и крыльев.

Рабочий день близился к концу. Сумрак полярной ночи постепенно сгущался и уже перевалил ту грань, когда можно было брать отсчеты без особого напряжения. Все труднее мне приходилось отыскивать в перекрестии зрительной трубы теодолита остающиеся позади меня марки теодолитного хода. Все больше тратить на это времени.

Оба промерщика, Федоров и Игнатов, наконец-то скрылись за последним в этот день, поросшим кустарником холмом, чтобы спуститься в обширную болотистую низину. Протянуть по низине тонкую ниточку выставленных в одну линию вешек и пикетов до маленького озера, обозначенного на моей карте, и остановиться на ночлег. На озере мы рассчитывали затарить фляги и водяной бак колотым льдом.

Вместе с рабочими за снежным гребнем постепенно скрылся квадратный тамбур нашего ЦУБа, который тащил Москалев на своем болотоходе.

Я взял промежуточные отсчеты на борт оврага и вниз, отмечая в журнале перегибы местности, необходимые при составлении вертикального разреза, отнаблюдал переднюю марку и, сняв теодолит с точки, двинулся вперед.

Встречный юго-западный ветер гнал небольшую поземку и она тихо шуршала и, почти неразличимыми в сумерках белесыми космами, падала в тракторную колею. Поземка постепенно заполняла снежными крупинками тракторную ко-

лею, двумя глубокими бороздами тянущуюся за скрывшимся ЦУБом.

На ходу я снял с правой руки перчатку и привычными движениями ощупал голой рукой свое лицо, убедиться, что нигде нет на коже жестких пятен начинающегося обморожения. Кожа лица за два десятка лет полностью утратила способность отзываться болью на начало обморожения и потому мне пришлось изобретать свой метод предупреждения.

Лыжи с сухим шорохом двигались по продавленному тракторными гусеницами насту. Вот и марка теодолитного хода, поставленная Сан Санычем на вершине снежного гребня. С него открывался вид на клубящуюся сгущающимися сумерками плоскость долины. Придется Федорову на последнюю марку вешать лампочку с батарейками, иначе я не смогу отнаблюдать. Становится слишком темно.

Взгляд вперед по профилю заставил меня почувствовать неладное. ЦУБ застыл неподвижно метрах в трехстах впереди, не доехав до озера по крайней мере еще столько же. Не было слышно работающего под нагрузкой тракторного двигателя.

В плотных сумерках я с трудом различил две человеческие фигуры, которые тащили ко входу в тамбур третью, держа под руки. Черт! Что там произошло? Поспешно опустив теодолит рядом с маркой и пошире расставив металлические ноги, я бегом бросился к ЦУБу. Сбросив с ног лыжи и гремя своими «кеньками» по ступенькам приставленной ко входу

лестницы, я быстро вошел в жилую бочку.

– Что случилось? – спросил я Георгия, глядевшего на меня круглыми глазами.

– С-славка ногу порубил! – проглотив комок в горле ответил тот.

– Сильно?

– Порядочно. Кровь так и хлещет. Он вчера, как на грех, два часа свой топорик бруском драил.

– Валенок сняли?

– Пришлось сначала разрезать. Потом сняли.

Я отодвинул Дидиликэ в сторону, прошел в средний отсек ЦУБа, где приглушенными голосами разговаривали Федоров с Москалевым и изредка постанывал Игнатов. Москалев заканчивал бинтовать полосами разорванной простыни Славкину ногу, а Сан Саныч поддерживал ногу на весу.

– Где ты ее порубил? – спросил я Сашку.

– Прямо на взъеме. – морщась ответил тот. – Хотел срубить куст, который торчал прямо по створу, и зацепил лезвием за ветку. Она спружинила, я рванул и вот... – он глазами указал на ногу.

Я отстранил в сторону Федорова и тракториста, закончившего бинтовать ногу. Толстый слой белой ткани подозрительно быстро пропитывался кровью.

– Пошевели пальцами! – приказал я. – Только немного.

Игнатов посмотрел на меня и пальцы левой ноги послушно шевельнулись. Я облегченно вздохнул. Сухожилия были

целы. В крайнем случае они не были до конца перерублены. Но крови много. Видно задеты несколько крупных сосудов, да и повязка наложена плохо.

Вспомнилось содержимое нашей отрядной аптечки и мне захотелось материться. Что можно сказать, когда в ней даже бинтов не было! Рану нужно перебинтовать по новой, затем садиться за рацию, если не поздно. Сегодня суббота, последний сеанс связи в два часа. Я мельком взглянул на часы. Поздно. Связь минут сорок как закончилась. Посмотрел на бледное лицо Славки и решился.

– Вот что, мужики! Оденьтесь и погуляйте пятнадцать минут по улице!

Мужики удивленно переглянулись между собой, но повелительные интонации, которым меня научила книга, не оставили выбора. Сан Саныч первым пошел к выходу. За ним потянулись остальные.

Можно было оставить парней в ЦУБе, но я не хотел, чтобы они отвлекали меня во время сеанса исцеления. Помнил я и о странном свечении, охватившем меня во время сеанса исцеления с матерью.

Повинуясь мысленному приказу, Игнатов закрыл глаза и уснул. Я устроился возле него поудобнее, расслабился, мысленно прочитал формулу сосредоточения и концентрации психоэнергии. Пальцы медленно стали наливать светом, с кончиков потекло зеленовато-голубое пламя психополя и окутало светящейся пеленой ступню Славки с глубокой ре-

заной раной. Под пальцами медленно сближались края раны и утихла бьющая толчками темная кровь.

Отдалились и исчезли вогнутые стены ЦУБа. Я чувствовал, как изнутри страдающей плоти поврежденные клетки шлют в уснувший мозг Игнатова сигналы боли. Я снова находился в сотне, а может быть, тысяче мест. Каким-то образом сращивал между собой поврежденные мышечные волокна и соединительную ткань. Соединял в единое целое перерубленные лезвием сосуды и капилляры. Чутко реагировал на идущие к мозгу сигналы боли и старался делать так, чтобы эти сигналы изменились на здоровые.

Очнувшись, я первым делом взял в руки остатки простыни и вытер покрытую свернувшейся кровью ступню. На белой коже не осталось даже царапины. Она была гладкой и здоровой, как будто ее не касалось лезвие топора. Славка продолжал спать. Лицо парня было совершенно спокойным.

– Как он? – спросил вернувшийся с улицы Федоров.

– В полном порядке, Сан Саныч. – улыбнулся я. – Спит, как младенец. Пусть себе спит. Проснется завтра и опять начнет махать возле бочки руками и ногами.

– Значит санрейс вызывать не будем? – недоверчиво спросил Федоров.

–

Не будем. – подтвердил я. – Незачем. Сам посмотри, Фома Неверующий!..

Утром Славка проснулся полностью здоровым, только очень голодным. Сначала он несколько минут молча и очень внимательно разглядывал свою ногу, непонятно каким образом выздоровевшую. При этом он косился на меня с некоторым удивлением и опаской. Потом пробормотал:

– Спасибо, Анатолич!

И, поспешно одевшись, выскочил на улицу, не забыв по пути стащить с кухонного стола пару пирожков. В заветерье за ЦУБом он действительно принялся проделывать упражнения на растяжку, проверяя добротность моего вмешательства.

После несколько затянувшегося, по понятным причинам, завтрака, мы опять двинулись вперед по болотине. Парни пошли с ЦУБом, а я вернулся к оставленному на холме теодолиту.

Вечером, когда все уснули, я уселся на своей постели в позе для размышлений и вызвал на помощь двойника. Две долгих ночи мы осмысливали наши впечатления от исцеления ноги Игнатова. Мозговым штурмом решить проблему быстрой регенерации живых тканей, которая у нас получилась.

Почему наше вмешательство помогло организму Славки залечить рану без рубца и шрама? Что за всем кроется? – задавали мы себе вопросы. Двойник первым вспомнил о прочитанной когда-то статье в журнале «Наука и жизнь», которая называлась «Эффект Кирлиан».

Супруги Кирлиан первыми у нас в России зафиксирова-

ли странное свечение, возникающее при облучении живого листа растения ультрафиолетом. Облучение происходило в полной темноте и, неожиданно для исследователей, облучаемый лист вдруг засветился в видимом диапазоне. Хорошо различались контуры листа, черенок, четко выделялась каждая жилочка.

Таким образом исследователи, сами не зная того, обнаружили ауру и астральное тело растения. Кирлиан не остановился на обнаружении ауры и продолжили исследования дальше. Исследователи вырезали у живого листа порядочный кусок, но под облучением световая корона не изменила своих очертаний. Это выглядело таким образом, как будто лист не знал, что у него теперь нет куса тела и продолжал светиться целым. Сами исследователи не дали объяснения обнаруженному феномену.

Мы с двойником предположили одно: астральное тело листа, после удаления его материальной части, продолжало оставаться целым и неповрежденным. Это подтверждали приведенные в журнале выразительные фотоснимки. Видимо обычными, механическими способами воздействия астральное тело невозможно разрушить. Осталось перенести этот вывод на астральные тела живых существ.

– После несчастного случая, когда человек теряет конечность и становится калекой, астральное тело должно оставаться целым! – резюмировал двойник. – О чем это говорит, Юрка?

– Только о том, что фантомные боли и зуд в отсутствующей конечности – это сигналы, которые посылает в мозг астральное тело.

– А еще о чем?

– Еще? – я задумался. – Возможно, астральное тело наряду со своими основными функциями продолжает выполнять роль строительного чертежа, по которым наше подсознание пытается восстановить разрушенные клетки и органы.

– Умница, оригинал! – похвалил меня двойник. – Только почему у покалеченных не отрастают вновь утраченные конечности? Почему при заживлении ран возникают безобразные рубцы и шрамы? Спрашивается – на каком этапе происходит сбой программы регенерации, которую запускает подсознание? Почему процесс регенерации перестает следовать указаниям астрального чертежа? В чем причина? Почему при твоём, оригинал, вмешательстве, такого не произошло?

– Нужно подумать. – сказал я. – Ящерицы в случае опасности отбрасывают хвост, который своими судорожными движениями отвлекает хищника от хозяйки и та успевает скрыться. Потом хвост вновь отрастает. Аксолотли в опытах могут отращивать новую конечность взамен утраченной. Подожди-ка! При повторном отсекании конечности экспериментаторами конечность восстанавливалась медленнее... Боль!

Итак. Я нашел причину, предположив, что в сбое процесса регенерации виноваты непрерывно идущие по нервным

волокнам болевые сигналы. Они могут исказить программу. Забивают помехами идущие навстречу командные импульсы подсознания.

Вторую причину и, пожалуй, более существенную высказал двойник. Она заключалась в слабом энергетическом обеспечении программы регенерации.

Подавляющее большинство людей практически совершенно не умеют распоряжаться своими ресурсами психоэнергии и, главное, когда нужно все резервы энергии целенаправленно посылать к восстанавливаемому органу, она не доходит. В случае с Игнатовым, я предоставил свою энергию его телу и тем самым помог запустить на полную катушку программу восстановления тканей, заживления раны. Раз энергии было в достатке, не возникло никаких рубцов в тканях и не образовался шрам.

Вывод из наших ночных бдений был ошеломляющим – конечности высших животных, как бы давно они не были утрачены, можно восстановить!

– Елки-палки! – в восторге заорал я и кинулся на кухню, чтобы вознаградить себя за проведенный анализ большой кружкой чая, совсем забыв о том, что все мои парни давно спят.

Естественно, мужики после моего вопля проснулись и зажгли свет. Все разом приподнялись на постелях и стали смотреть на меня. Вы понимаете, как они на меня смотрели!

– Юрий Анатольич! Вы, случайно, не того?

Наглец Славка осмелился выразительно покрутить у виска указательным пальцем.

– Я тебе покажу «того»! – возмутился я и посмотрел на часы. – А, черт! Действительно... Ладно, извините меня, мужики. Просто хорошая мысль пришла в голову.

– Я давно подозревал, что в топоотряде собрались одни чокнутые! – пробормотал в ответ на мою тираду Федоров и, убедившись, что ничего не случилось, опять улегся в постель.

Я выключил свет и тоже улегся. Но я был слишком возбужден, чтобы сразу уснуть. Тогда я стал просто вспоминать и думать.

Осенью возле нашего дома я заметил парнишку лет семи-восьми. Меня заставили запомнить его маленькие костыли, с которыми он выходил во двор. Мальчик тоскующим взглядом провожал бегающих вокруг него сверстников. Когда я попытался выяснить у Светланы, что случилось с парнишкой, она махнула рукой.

Оказалось, еще в начале лета шустрый парнишка поскользнулся на мокром асфальте подъема возле детского садика «Умка» и попал ногой под проезжающий мимо грузовик. Водитель ничего не смог сделать. Да и не видел он мальчишку, на ногу которого наехало правое заднее колесо. Ступню раздавило в лепешку.

– Хирург отнял ступню полностью. – сказала Светлана. – А какой-то кооператив обещал заказать протез... Не знаю

только, когда он свое обещание выполнит.

Потом я вспомнил о своем двоюродном брате Леониде, живущем в Красноярске. Красивый тридцатилетний парень был до сих пор неженат, хотя мог составить счастье любой молодой женщине. Леонид не пил, не курил. И руки у парня были золотые. Последнее время он работал автомехаником в кооперативе и зарабатывал бешеные деньги. На мои настойчивые вопросы – когда он, наконец, женится, Леонид махал рукой.

– Кто пойдет за калеку?

Леонид был инвалидом со дня рождения. Родился с недоразвитыми ступнями. Они у него были странно вывернуты. Он ходил на них на работу, водил мотоцикл и машину, хотя уставал больше, чем здоровый человек. Ни ботинки, ни сапоги, которые Леонид шил себе сам, не могли скрыть уродства. Сознывая свою физическую неполноценность, Ленка был удивительно робок в обращении с женщинами. Вот тебе, Ведунов, уже два кандидата на заметку! – мысленно подвел я итог.

Больные полиомиелитом, жертвы несчастных случаев, вернувшиеся инвалидами из Афганистана. Сотни, вернее, тысячи калек нашей многомиллионной России. Если получится – работы хватит тысячам колдунов и экстрасенсов. Раз человек сам не в состоянии направить свою энергию на восстановление утраченного органа – мой прямой долг помочь в этом. К тому же в Дудинке к моим услугам море энергии,

которую можно черпать из холма эльфов.

– Остается на практике убедиться в правильности нашей теории и можно начинать творить добро! – засмеялся моим мыслям двойник.

Я был с ним полностью согласен. Дело было за малым. За самой практикой, вернее, ее полным отсутствием. Не попросишь Славку, чтобы он оказал тебе услугу и отрубил на досуге собственную ногу. Или хотя бы палец.

– Может, тебе самому стоит проделать операцию? – предложил неунывающий двойник.

– Отрубить Славке ногу?

– Не Славке, а себе! Хотя бы палец.

– Придумал тоже! – протянул я. – Вдруг ничего не получится.

– Будем искать решение проблемы по-другому.

Прошло долгих три дня, пока я решился стать мазохистом и на собственном теле проверить правильность наших выводов. Послав к чертям чему-то радующегося двойника, я выкрал у Сан Саныча топорик и ранним утром направился к нашим саням с ГСМ. Положив мизинец левой руки на бревно поперечины саней, я с сомнением оглядел лезвие, протертое одеколоном, и нашарил в кармане марлевый бинт.

– Что же ты, оригинал, медлишь? – издевался двойник. – Давай, замахивайся!

– Слушай, Юрка! Замолкни от греха! – обозлился я. – Видишь, человек слегка трусит? Не мешай!

– А вспомни темные ночки в одной южной стране, – продолжал издеваться двойник. – Там ты более опасные штучки со своим кинжальчиком проделывал. Правда, с другими людьми, но все же...

– Замолкни! – вслух заорал я во всю глотку. – Иначе я не знаю, что с тобой сделаю! Заброшу на Луну с твоим ехидством вместе! И там оставлю!

– Да ладно тебе, оригинал! – сбавил тон двойник. – Все равно боль будет общей. Не тяни kota за хвост, Ведунов.

Боль была терпимой. Острое лезвие аккуратно отделило два сустава от моего мизинца и глубоко вошло в дерево. Я оставил топорик торчащим в бревне, а сам поднял кверху сочащийся кровью обрубок. Двойник раньше меня начал читать заговор руды-крови и она послушно перестала течь. Сам я волевым усилием приглушил боль и забинтовал обрубок пальца. Сквозь марлю призрачным сиянием торчало его астральное тело. Потом я наклонился и поднял с бревна отрубленный мизинец. Несколько секунд смотрел на него в глубокой задумчивости.

– Может быть, его сейчас попытаться прирастить на место?

– Нет, Юрка! – запротестовал двойник. – Тогда опыт не будет чистым! В крайнем случае заморозь палец и спрячь. Не получится с регенерацией, тогда придется...

– Ладно! – неохотно согласился я. – Согласен.

Когда парни утром проснулись, я объяснил забинтован-

ную культю пальца какой-то ерундой, которая всех удовлетворила.

Три дня круглосуточно, днем и ночью, я проводил сеансы целенаправленного воздействия на обрубок пальца, обновляя энергетическое воздействие на «точку роста», подстегивая регенерационный процесс. На четвертый день я не выдержал и не без тревоги снял с пальца намотанный бинт.

Палец оказался на месте и выглядел так, как будто его вообще не отрубали. Вот только кожа на нем была удивительно белой и нежной, как у новорожденного. Собственно так оно и было на самом деле.

Глава 11

Баранов выполнил свое обещание. Двадцать пятого декабря, после того, как мы оторвались от сейсмоотряда на сотню километров, он вывез нас всех вертолетом в Дудинку.

Перед вылетом мы приняли меры предосторожности. Остановились среди холмов в лесу, в стороне от пробитой просеки сейсмопрофиля, на берегу маленького озера. Давно прошли те времена, когда оборудование и балки можно было без опаски оставлять на открытом месте в тундре. Теперь приходилось учитывать возможность любой пакости. Много появилось в тайге и тундре пришлого люда, не сдерживаемого моральными соображениями.

Утром двадцать пятого я в последний раз включил радиостанцию, убедился в том, что вертолет вылетел в нашем направлении и дал парням знак заканчивать подготовку к вылету. Москалев побежал к болотоходу – глушить дизель и сливать воду.

Мы слили воду из водяного бака в ЦУБе, опорожнили фляги с питьевой водой, проверили посуду, чтобы нигде не оставить воду. Сложили и вынесли наружу рюкзаки и чемоданы. Приготовили упакованные в мешки лук и картошку, которые нельзя было оставлять в бочке из-за мороза.

Когда раздался далекий вертолетный гул, мы были готовы к отлету. Стояли на льду озерка, приготовив ракетницу. Сан

Саныч замыкал двери тамбура и оживленно переговаривался с Москалевым о том, как они славно выпьют, добравшись до цивилизации.

Я слушал и отворачивался, стараясь, чтобы они не заметили моей улыбки. Был полностью уверен в том, что выпить они не смогут. По окутывающей тела ауре было видно, что мужики полностью освободились от многолетней пагубной привычки.

В Дудинку мы прилетели рано, около трех часов дня. Светлана и ребяташки были дома. Заболел Володя и жена сидела дома по справке. Довольно редкая в последние годы случайность. Встретили меня восторженным писком, поцелуями и объятиями. Вечером я поправил здоровье сына. Вылечил от простуды и заметил, что делаю это намного увереннее, чем раньше.

Выросла уверенность в себе. Опыт, что дала мне книга, позволял лечить не только простуду. Я был счастлив. Меня ждали и любили дети. Скучала жена. Что еще нужно для полного счастья? Пятнадцать дней, которые я провел в Дудинке, пролетели, как один день...

В первый вечер после прилета в Дудинку, прибежала пьяненькая соседка с кровоподтеком на лице и оформляющимся фингалом под глазом. Она жила с мужем и маленькой болонкой рядом с нами на площадке в однокомнатной квартире. Муж и жена выглядели много старше своих тридцати пяти лет. Не из лучших представителей человеческой породы,

неухоженные и с неумеренной тягой к спиртному. Я до сих пор не знал, как и где они работали, зато хорошо знал, как супруги проводят свободное время.

Что такое панельные дома, вы, наверное, давно знаете. Слышимость между квартирами замечательная. У соседей все время толклись какие-то подозрительные личности, собирались пьяные компании. Галдеж, пьянка, злобный лай и поскуливание неухоженной собаки, которую часто забывали выгуливать и кормить.

Временами у супругов с собутыльниками возникали скандалы и тогда Валентина бежала к нам и, если я был дома, просила выгнать разбушевавшихся мужиков. Приходилось, преодолевая отвращение, входить в грязную квартиру и выпроваживать из нее сопротивляющихся пьяниц.

– Юрий Анатольевич! – запричитала она, обливаясь пьяными слезами. – Пришел какой-то гад. Сначала выпил, а потом стал драться. Ударил Витю, а потом меня. Помогите!

– Помогите ты ей, Юра. – морщась попросила Светлана.

– В последний раз, Валентина, помогаю. – предупредил я. – Бросили бы лучше пить, черт бы вас обоих побрал!

– Бросим, Анатольич! Вот ей-богу – бросим!

Как бы не так! – думал я, направляясь к двери. – Бросите... Нужно самому принять меры. Надежней будет. Интересно, подействует ли внушение на пьяницу, или нет?

Я вошел в соседнюю квартиру с устойчивым запахом псины и застарелого перегара. За столом сидел обросший и чем-

то смутно знакомый парень. Валентинин супруг лежал на обшарпанном диване и спал тяжелым пьяным сном. На столе стояли открытые консервные банки и недопитая бутылка водки.

– Вот этот ударил меня! – заорала вошедшая за мною Валентина.

Парень отмахнулся от нее, как от мухи.

– Тебе чего, мужик? – неприязненно и слегка замедленно спросил он. – Тебя сюда никто не приглашал. Так что топай отсюда, пока цел.

Я шагнул вперед. Голос парня мне показался смутно знакомым, но я не мог вспомнить, где нам пришлось встретиться.

– Встать! – негромко, но с теми модуляциями беспрекословного подчинения, которым научила книга, приказал я. Книга утверждала, что если я правильно использую нужную тональность, подчиниться любой человек. И парень подчинился. Он встал и протянул руки по швам. Служил в армии – понял я. – Значит, на пьяных тоже действует...

Да это же один из тех подонков, что три года назад встретили нас со Светланой на мосту возле милиции! – внезапно понял я. И почувствовал, как меня вновь, как и тогда, захлестнула волна ненависти. Ноги сами двинулись вперед. Лицо парня стало меняться. Наглое, угрожающее выражение уступило место растерянности, неуверенности в себе. Потом глаза наполнились ужасом и парень попятился.

– Ты... Вы... Не надо! А-а-а!..

Парень отстранялся от меня, пятился, как от чего-то очень страшного, полез под стол. Когда я обошел стол, он резко вынырнул из-под него на четвереньках и бросился к входной двери. Потом стал изо всех сил ломиться в нее, совершенно забыв, что дверь открывается внутрь квартиры.

– А ну, стой! – рявкнул я.

Парень послушно замер, вжавшись в угол рядом с дверью. Он трясся и старался не смотреть в мою сторону. За спиной визжала Валентина. Я посмотрел на соседку и увидел в ее глазах плещущийся ужас.

– Ой, не надо!... Ой, больше не буду!

– Что не надо? – недоумеваю спросил я, стараясь вернуть самообладание.

– Смотреть так не надо!..

Я пожал плечами и повернулся к висящему на стене зеркалу. Из зеркала на меня смотрело чудище со светящимся лицом и сияющими красным глазами. Светились кисти рук. Со скрюченных пальцев стекали искры, напоминая собой светящиеся когти.

Зрелище было не для слабонервных. Даже на меня произвело впечатление. Опять мой дар сыграл со мной свою очередную шутку! Усилием воли мне пришлось взять себя в руки и свечение постепенно исчезло. Хорошо, что это случилось не дома! – облегченно вздохнул я. – Нужно постоянно помнить о такой возможности. Держать себя в руках.

– Через пять минут вы забудете все, что видели! – повернулся я к Валентине, потом к парню, жавшемуся возле двери. – А теперь с тобой разберемся! – послал я в сознание парня мысленную форму магического приказа. – Уходи и забудь дорогу в этот дом и квартиру! Ты больше никогда не сможешь появиться здесь!

Когда парень убрался и за ним захлопнулась дверь, я взялся за обоих супругов. Разбудил Виктора и, не обращая внимания на его воркотню, усадил на диван рядом с Валентиной. Произнес формулу заговора от зеленого змия, подкрепленную мысленным воздействием и очищением организмов от шлаков и алкоголя. Через пару минут они были тихими и трезвыми, как стеклышки.

Заговор я подкрепил, зарядив диванную спинку хорошей порцией психоэнергии, превратив ее в талисман. Пусть теперь попробуют, голубчики, выпить! Не только они, но и всякий другой, кто зайдет в квартиру!

Вечером перед сном я, как бы невзначай, поинтересовался у Светланы, где живет парнишка, что осенью ходил на костылях.

– Родители выехали на материк и увезли сына с собой. – она удивленно глянула на меня. – Не понимаю, почему ты о нем вспомнил?

– Да так... – я неопределенно махнул рукой и вздохнул.

На следующий день с утра я поехал в экспедицию и сдал

в спецчасть свой портфель с картами, отдал в камералку разрезы по профилям и схемы. На улице и в камералках с интересом приглядывался к аурам проходящих мимо людей, стараясь по едва заметным признакам и особенностям свечения определить притаившиеся внутри тела болезни. С неприятным удивлением постепенно убедился, что подавляющее большинство взрослых мужчин и женщин больно массой болезней на разных стадиях развития, по разному протекающих.

Главное, я, непонятно каким образом, знал, как нужно лечить эти болезни. Я не имею в виду обычное лечение с помощью медикаментов и физиологических процедур, воздействующих на наши материальные тела и оставляющих в покое астральное тело и разум.

Я уже понимал, что лечить следует сразу три компонента того, что неразрывно связано между собой и составляет единое живое существо. Я чувствовал, что в гомеопатическом лечении могу стать настоящим целителем, своего рода Дундинской знаменитостью. Пользуясь энергетической подпиткой от холма эльфов, я мог бы лечить людей в самые неблагоприятные для магического дара дни солнечных вспышек и магнитных бурь.

Заодно мог пропагандировать здоровый образ жизни и занятия рациональной йогой. Лучше увлечение спортом и восточными единоборствами, чем тот образ жизни, который ведут большинство моих современников. Первые опыты по

успешному лечению алкоголизма дали мне заряд необходимой уверенности.

Мечты забрасывали меня в далекое будущее. Я понимал, что для осуществления придется трудиться. Первое, что нужно делать – это решительно изменить образ жизни. Бросить работу в тундре и специальность геодезиста. Жаль, но зато я смогу больше времени уделять семье и детям.

Господи, как много мне предстояло изменить! Побывать в Бурятии (лучше конечно бы в Тибете или Монголии), попытаться обучиться у лам искусству восточной терапии (заодно искусству астральных путешествий и умению сохранить обычные зрение и слух).

Хорошо бы закончить курсы экстрасенсов (если такие существуют). Выяснить, что представляют собой Российский союз белых колдунов и чем он занимается. Если повезет – познакомиться или хотя бы понаблюдать за работой Джуну Давиташвили и Юрия Тарасова. Стараться собирать везде крупинцы знаний. А может быть удастся найти опытного наставника?

Планы изменения жизни возникали постоянно и все новые. Постепенно я пришел к выводу, что мои бессистемные попытки наскоком овладеть вершинами магического искусства не принесут ничего, кроме вреда. Начинать нужно с первых разделов книги. Я составил подробный план постепенного совершенствования возможностей дара. Я не знал, сколько времени займет этот путь. Может быть пять, семь,

возможно десять лет. Чувствовал, что это будет достаточно долго. Ведь автор книги утверждал, что возможность собственного совершенства в магическом искусстве – безгранична.

Я поделился своими планами со Светланой о том, что весной собираюсь уволиться из экспедиции и изменить специальность, но она мне не поверила.

– Это уже было, Ведунов. Я знаю тебя лучше, чем ты сам. Ты не сможешь жить без своей тундры и топографии.

– На этот раз я говорю серьезно, Света. – уверял я. – Есть причины... – я вовремя спохватился и замолчал.

– Какие? – сразу же среагировала жена.

Пришлось выкручиваться и что-то мямлить. Временами тошно становилось от того, что нельзя называть жене настоящую причину перемены моих жизненных планов. Первые дни я думать не мог сходить к холму эльфов, чтобы зарядить от энергетической короны самодельный магический жезл.

Ребятишки приклеились ко мне банными листиками. Особенно усердствовала дочка. Светлана, улыбаясь, рассказала, что Юля спала с моей фотокарточкой под подушкой и постоянно надоедала с вопросами, когда папа прилетит.

Ребятишки, пока меня не было, увлеклись игрой в домино и шашки. Стоило мне прилететь, как они тут же перестали надоедать с шашками маме и переключились на меня. Вовка пока плохо соображал в играх, больше баловался. Дочка только-только научилась делать ходы, зато обязательно хоте-

ла выиграть. Она пищала и заставляла меня брать обратно ходы и отдавать срубленные шашки обратно.

– Хлюзда! – ворчал я. – Обманщица! Не буду с тобой больше играть!

– Ну, папочка, миленький! Ну, пожалуйста, сходи по другому! – настаивала дочка.

После недолгих препирательств я был вынужден сдаваться на милость победительницы.

Первым в субботу занял Вовка.

– Папа! Ты обещал вчера, что сегодня будем ставить с тобой елочку!

– Свои обещания нужно выполнять, папочка! – пропела дочь.

– Ладно. – я махнул рукой. – Попробую выполнить свое обещание, хотя вы его силой вытянули. Несите табурет.

Ребятишки с визгом побежали в кухню за табуреткой. Я достал с антресолей чемодан с елочными игрушками и аккуратно уложенной на самом дне искусственной елкой, занес чемодан в детскую комнату.

Там чемодан был открыт и ребятишки сразу сунули оба носа в чемодан, мешая вытаскивать игрушки. Они суетились, попискивали, старались принять самое деятельное участие в сборке елки. Вставлен в деревянную крестовину металлический стержень с резьбой и закреплен гайкой.

Юля и Володя наперебой подавали мне пластмассовые

втулки с гнездами для веток. Я надевал втулки на стержень, вставлял в гнезда искусственные веточки. Когда елка была собрана, я осторожно укрепил на вершине золотую звездочку с подсветкой. Вешать остальные игрушки я предоставил детям.

Вовка сразу ухитрился уронить на пол и разбить самую красивую, по словам дочери, игрушку. Юля принялась возмущаться и критиковать, отбирать у сына игрушки. Ребятишки едва не подрались. Пришлось мирить.

Помирившись, они дружно принялись украшать елку игрушками. Повесив на елку две гирлянды с разноцветными лампочками, я пошел на кухню и предложил Светлане самой докончить убранство елки серебряными нитями дождя, уложить снег из ваты, поставить под елку Снегурочку и Деда Мороза. Жена вытерла руки и пошла в детскую, а я вышел на площадку покурить.

Когда я вернулся в квартиру, ко мне навстречу чуть ли не со слезами бросилась дочь.

– Папочка! – закричала она. – Скажи, пожалуйста, маме, что я не врушка! Что мы с Вовой ее не обманываем!

– О чем разговор, цыпленок?

– О том, папа, что когда ты летом лечил бабушку, то сам светился весь, как елочка! – вступил в разговор сын.

– Честное слово, мама! У папы лицо сияло и руки тоже. А из пальцев летело зеленое пламя и окутывало бабушку с головы до ног. Было очень красиво и немного страшно, ма-

мочка.

Вот и случилось. Вся конспирация полетела ко всем чертям! – подумал я и почувствовал облегчение. Хватит прятать голову в песок. Пусть Светлана смирится с тем, что муж у нее не совсем обычный человек. Но, конечно, не стоит ей говорить о способности читать мысли. Пусть хоть на этот счет останется спокойной.

– О чем говорят дети, Ведунов? – жена подняла на меня настороженные глаза. – Недавно мать на переговорах по телефону намекала о чем-то таком. Екатерина Ивановна тоже... Теперь вот дети говорят... Чего молчишь?

– Папочка! Скажи маме, что мы говорим правду!

– Ладно, доча. Это действительно правда, Света. Подробности потом расскажу. Договорились?

Поздно вечером, когда дети уснули, я рассказал Светлане, что со мной приключилось после падения с лестницы. Жена слушала внимательно, но по ее виду я не понял, как она к моему рассказу относится.

– А с лечением как тебе удалось? – спросила она после продолжительного молчания.

– Если бы сам знал как! – усмехнулся я. – Просто в какой-то момент понял, что мать умирает и я не успею довезти ее до больницы. Ну и... Не знаю, как у меня получилось. Все вокруг исчезло. Мне стало казаться, что я вижу тело матери как бы изнутри. Сердце, легкие, сосуды, мозг... Видел, что там у нее не в порядке, и каким-то образом знал, как это

можно исправить. Что при этом я светился как новогодняя елка, узнал позже от ребятешек.

– Значит, ты действительно можешь лечить. – как бы утверждая произнесла Светлана. – Володю ты от простуды вылечил?

– Я, Света. Как только вошел, сразу увидел, что у Вовки температура и тут же сделал то, что нужно. Понимаешь, я теперь вижу свечение, которое окружает любого человека. Ауру. По ауре мне удается определять, что у человека не в порядке, чем болен. В тундре, когда мы ушли далеко от базы, я видел по ауре, что с каждым днем у Федорова и нашего тракториста Москалева нарастает желание выпить. Ну и принял меры. Избавил мужиков от тяги к спиртному. Думаю, надолго. Помнишь, как к нам прибежала Валентина с фонарем под глазом? С обоими проделал то же самое. Надоели постоянные пьянки и скандалы за стенкой.

– Значит, ты серьезно говорил, что весной собираешься бросить работу в тундре?

– Seriously. Устроюсь где-нибудь в городе и буду лечить людей. Хорошо бы самому закончить курсы экстрасенсов, если такие существуют... Знаешь, Света, у меня такие планы, что голова кругом идет.

Постепенно я увлекся и стал рассказывать Светлане о психоэнергии и ее проявлениях, о талисманах-психоаккумуляторах и направленном действии заговоров. О том, что нужно лечить не только физическое тело человека, как делает

современная медицина, а всю триаду: физическое тело, астральное тело и душу.

– Только тогда лечение будет успешным, Света. Понимаешь?

Жена молчала. Она не выглядела заинтересованной. Впечатление было такое, что мои планы ее не обрадовали. Я замолк.

– Везет мне! – пробормотала она. – Мало того, что вышла замуж за бродягу-топографа, так он, вдобавок, оказался экстрасенсом. Слушай, Ведунов. А мысли ты чужие читать можешь?

Вот оно! – сразу понял я. – То самое, о чем предупреждала Екатерина Ивановна! Надеюсь мое лицо не выдало охватившего душу смятения.

– Не знаю, Света. После кошмара первых дней не пробовал.

– Но ты сам сказал, что все началось с чужих мыслей! – настаивала она.

– Ты не представляешь, что это такое! – сказал я, подбирая слова. – Представь себе – ты сунула свой палец в солонку. А на пальце у тебя нет кожи. Что ты почувствуешь? Одну боль. Так и я. Сотни, а может быть тысячи голосов и все жужжат под твоей черепной коробкой. Чужие мысли, которые невозможно отличить от своих. Невозможно сосредоточиться, нельзя думать, невозможно уснуть... Я рад, что это само ушло, Света. Не хочу испытывать тот кошмар снова.

– Чтение чужих мыслей возможно? – продолжала настаивать Светлана.

– Думаю, что возможно. Только кому это нужно?

– Скажем, ты смог бы, при желании, прочесть мои мысли?

– Зачем? – я начал злиться. – Не пробовал и пробовать не собираюсь. Я тебе рассказываю о своих планах, а ты спрашиваешь о ерунде. Пусть чтением мыслей телепаты занимаются. Давай закончим разговор!

С того дня я стал замечать, что Светлана начала читать какие-то тоненькие брошюрки, которые приносила от Дубинцовых. Когда Светланы не было дома, я заглянул в одну из них. На обложке выделялось название: «Легко ли быть оборотнем?». Я положил брошюрку на место. Неужели и меня Светлана считает чем-то вроде монстра?

К энергетическому холму я смог выбраться только тридцатого числа. Постоял возле занесенной снегом могилы Мамеда, потом тихонько побрел по насту к знакомым зарослям кустарника. Пурги не смогли победить своей яростью волшебную, насыщенную энергией землю вершины холма эльфов. Она была голой и горячей на вид. От нее ощутимо веяло теплом.

Огромные сугробы, наметенные частыми в этом году пургами, окружали вершину высоким, пятиметровой высоты, кольцом. Я спустился вниз к узкому кругу живой травы. Немного постоял, окунул пальцы в живительное пламя ко-

роны, затем зарядил от нее самодельный, изготовленный из ясеневое брусочка и мамонтового клыка, жезл.

Жезл сразу засиял волшебным голубоватым светом.

С трудом пробравшись обратно сквозь переплетение веток, я пошел назад и по твердому насту вышел к берегу знакомого озерка. Там я достал купленный накануне школьный глобус с нанесенными на него с мыслимой точностью Дудинку и Уяр, соединенные между собой тонкой карандашной линией.

По ночам в своем ЦУБе мы с двойником выполнили несколько опытов по его перемещению в пространстве на небольшие расстояния и были удовлетворены полученными результатами. Убедились, что энергия переноса не зависит от расстояния. Мы сделали перенос на три, пять, а в последнем случае на сто пятьдесят километров по километровым картам. Я не чувствовал разницы в силе, при выполнении кинетического толчка во время переноса. Возвращение назад не требовало энергетического усилия, так как двойник возвращался по уже существующему энергетическому каналу.

Совсем недавно я дал себе обещание начать совершенствование дара с начальных разделов книги, но мне захотелось увидеть мать. Я почему-то решил, что ей приятнее будет не междугородний разговор, а мысленное приветствие двойника.

Все получилось, как нужно. Двойник оказался прямо над улицами Уяра, быстро сориентировался и нашел рядом с пя-

тиэтажкой ворону. Дальнейшее было делом техники. Ворона подлетела к кухонному окну квартиры и двойник передал картинку, на которой мать в глубокой задумчивости сидела за кухонным столом. Я почувствовал, как защемило сердце – настолько она выглядела постаревшей и одинокой.

– Здравствуй, мама! – послал двойник мыслефразу направленным лучом в сознание матери. – Поздравляю тебя с наступающим Новым Годом!

Он растерянно замолчал и я услышал передаваемые двойником мысли матери.

– Кто это? – заметались ее мысли. – Дожила! Уже голоса начали чудиться. Схожу с ума?

– Выключайся! – заорал я. – Уходи из сознания, Юрка! Заставь забыть!

Едва двойник успел произнести мысленную формулу, как я выдернул его назад и мы слились в одно целое. Домой я бежал, не разбирая дороги. Клял себя на чем свет стоит. Додумался, идиот, до новшества! Напугал мать. А если бы мать запаниковала еще хуже, чем та мадам Живаго на сеансе?

Утром тридцать первого числа я поднялся на ноги в три часа ночи и, тепло одевшись, вновь пошел к холму эльфов. Неудача с Уяром обескуражила меня, но теперь я, кажется, придумал действительно стоящее дело. Решил создать в детской комнате симулякр настоящей елки и украсить ее не менее сказочными игрушками. Чтобы не экономить психо-

энергию, я придумал новую формулу магического заклинания для закачки энергии в магический жезл.

Проблемы освещения дороги для меня больше не существовало. Незадолго до вылета в Дудинку, я нашел формулу преобразования психоэнергии в электромагнитное излучение. Выбравшись за линию последних домов, я достал жезл и произнес заклинание. Яркий белый шарик возник на конце жезла и залил светом все вокруг.

Плохо было то, что этот свет слепил мне глаза, пока я не сообразил с помощью заговора сформировать из него бьющий вперед конус света. Поражало странное несоответствие мизерного количества затраченной психоэнергии и огромного выхода светового излучения после магического преобразования.

Мысленно я пожалел, что у нас нет приборов, которые бы могли дать количественную оценку этому преобразованию, чтобы узнать, во сколько раз плотнее упакована психоэнергия в жезле по сравнению с электромагнитной энергией.

Возвращался назад я очень осторожно. Ощущение было такое, что энергия переполняла мое тело. Кажется, на этот раз, вооруженный новой формулой подпитки, я пожадничал. И теперь психоэнергия грозила «вылиться» через край. Представьте себе канистру, под пробку залитую бензином.

С трудом я донес свое тело до подъезда и понял, что в дом мне сейчас заходить нельзя. Начну «искриться», светиться или не знаю, что будет! Тогда я решил не заходя в дом раз-

рядиться. Сотворить чудо на детской площадке возле детсада Белоснежка.

Впервые в жизни у меня получилось сразу и без изъянов. Великолепное, сказочное, сверкающее чудо. Когда работа была закончена, я сам с трудом мог отвести глаза от сверкающей, переливающейся таинственными огнями пышной новогодней елки.

Я украсил елку всем, что только могло выдумать мое воображение. Движущимися и мерцающими игрушками, смешно переливающимися белыми медведями, несущими в лапах планетные шары с астрономическими символами. Я создал маленьких мохнатых мамонтов, трубящих в рога. Веселых мартышек, неутомимо прыгающих с ветки на ветку, таскающих друг друга за длинные хвосты и временами устраивающих настоящие висячие мосты в переплетении сияющих гирлянд.

Окутавший елку сверкающий дождь переливался северным сиянием. На нижних ветках висели самовозобновляющиеся через каждый час конфеты в ярких обертках и пряники такого вкуса и запаха, какие только мог вспомнить. У подножия елки важно прогуливался игрушечный Дед Мороз и наделял желающих роскошными подарками. Стройная куколка с пышными косами – Снегурочка – расцветала приветливой улыбкой и звонким голосом читала детские стихи о зиме, о снеге и новогоднем празднике.

Верхушку елки я украсил сказочным чудо-теремком, пе-

реливающимися всеми цветами радуги. В стрельчатые окна чудо-терема выглядывали сказочные принцы и принцессы. Они разыгрывали между собой простенькие сценки. Кроме того, в радиусе двадцати метров я, на всякий случай, устроил тихую погоду с редко падающими снежинками и морозом не больше десяти градусов.

Закончив работу, я убрал порядком истощившийся магический жезл в карман. Но спохватившись, опять достал его из кармана. Поднял с дороги обломок деревянной доски и превратил его в аккумулятор, способный подпитывать энергией сказочный симулякр. Кусок я запрятал у подножия елки глубоко в снегу.

Я едва смог дожждаться утра. В семь часов поднял с постели ничего не понимающую и потому сопротивляющуюся Светлану. Заставил ее подняться и повел к выходу из подъезда. Она сообразила сразу и кинулась будить ребятишек. Было много писка и восторгов. Дети бегали вокруг елки, лакомились тающими во рту сладостями, катались на санках и кувыркались в пушистом снегу, нападавшем за ночь.

Вовка совсем осмелел и пригласил Деда Мороза к себе в гости, на что Дед Мороз, повинаясь мысленному приказу, подарил ему игрушку. Елка простояла на детской площадке восемь дней. На два дня больше, чем я рассчитывал. Только в ночь на девятый день она бесшумно растаяла в воздухе.

Разговоров о елке хватило надолго, даже после ее исчезновения. Детвора соседних домов все дни играла возле елки

и лакомилась сказочными сладостями. Дети не задавались вопросом – откуда что взялось. Иное дело взрослые.

Соседи, включая мою супругу, потратили огромное количество нервной энергии, пытаясь выяснить: какая городская организация устроила детям сказку под нашими окнами. Розыски доморощенных детективов были напрасными. Я благоразумно молчал. Молчал даже тогда, когда моя супруга метала в меня свои подозрительные взгляды.

Вечером восьмого числа Светлана вернулась с работы в приподнятом настроении. Услышав в детской комнате возню ребятишек, которых я забрал из детского сада, она одобрительно кивнула и весело сообщила:

– Собирайся, Ведунов. Мы идем в гости к Галке с Василием.

– Какой Галке? – недовольно спросил я.

Мне не хотелось менять свои планы и отпраиваться в гости. Не хотелось пить, вежливо улыбаться хозяевам, закусывать нашими Дудинскими деликатесами. Хвалить полужнакомую хозяйку за вкусно приготовленное блюдо. Светлана чутко уловила мое недовольство и тут же перешла в наступление.

– Чем таинственно исчезать по ночам из дому и мямлить что-то невразумительное в оправдание, лучше ходить в гости всей семьей, Юрка! Тогда не придется объяснять жене ночные отлучки. Не завелась ли у тебя, Ведунов, сердечная зазноба?

Я был ошарашен, потому что ночные отлучки к холму эльфов считал своей тайной. Был уверен, что супруга ничего не подозревает. О том, что Светлана может мои ночные исчезновения толковать по другому, я как-то не подумал.

– Не думаешь ли ты, что я начал бегать по бабам? – заорал я.

Теперь мне стало понятно холодное отношение Светланы в последние дни.

– А что? – спросила жена с невинным выражением лица. – Может быть это правда, Юрка?

– Ну ты даешь, Светка! – я покрутил головой. – Нет у меня любовниц и не будет.

– Можешь успокоиться. Знаю я, что никого у тебя нет. Мы, женщины, это всегда чувствуем без всяких экстрасенсорных штучек. Интуиция, Ведунов! Кстати, идем мы туда из-за тебя. Приглашены для участия в спиритическом сеансе. Рассчитываем на твою помощь, раз ты у нас экстрасенс, Юрка!

– Да я ничего не знаю о спиритических сеансах!

– И не нужно. Горенская с подружками техническое обеспечение сеанса берет на себя. Выпивки не будет. Только чай.

– К Горенской? – переспросил я. – С чего это вдруг Галка решила заняться магией?

Действительно, почему бы не сходить? – подумал я. Произойди такое полгода назад, я отказался бы от спиритического сеанса без колебаний. Обвинил Светку в мракобесии. Но

теперь, после приобретенного опыта, меня не могло не заинтересовать все, что хотя бы косвенно было связано с колдовством.

Может быть, во время этого сеанса я узнаю что-либо новенькое или окончательно удостоверюсь, что спиритизм – игра нашего подсознания, а не общение с миром духов.

– А с детьми что будем делать? Насколько я понимаю, такие сеансы проводят после полуночи.

– Детей берем с собой. Галина сказала, что у нее достаточно места устроить всех желающих спать.

– Хорошо, Света. Идем. – согласился я.

– Будем считать, что переговоры, проходившие в теплой и дружественной обстановке, прошли успешно. – Светлана повернулась к детской. – Юля, Вова! Собирайтесь в гости к Васе Горенскому! Будем там ночевать. Одевайтесь!

Из детской комнаты с писком выскочили ребяташки и принялись искать валенки, которые я поставил сушить на батарею.

Галина Горенская была одной из самых близких подружек моей супруги. Была еще Нина Кирющенко, по мужу Ходырева, но она два года назад уехала вместе с мужем жить в Лесосибирск, бывшее Маклаково. Теперь подружки обменивались письмами.

Галине не повезло с замужеством. Она вышла замуж на год раньше Светланы и, казалось, за хорошего парня. Но очень скоро ее супруг начал пить, исчезать из дому и вскоре

окончательно испарился. Произошло это сразу после рождения сына.

Ни подавать на алименты, ни искать беглеца Галина не стала. Растила сына одна. Это была статная, рыжеволосая молодая женщина со спокойными глазами и вздернутым носиком. Приятная улыбка, ровный, спокойный характер, непоколебимое добродушие.

В гости друг к другу они со Светланой ходили редко. Обе работали в чертежно-оформительском отделе нашей экспедиции и там было достаточно времени для общения. Глядя на подругу жены, я не мог понять, куда смотрят наши экспедиционные холостяки. Где глаза и хваленая мужская интуиция, если они до сих пор проходят мимо?

Сама Галина, как мне кажется, после исчезновения супруга не делала попыток изменить положение. Все силы души она отдала воспитанию своего Васьки. Васька ко мне относился с недоверием. Несколько лет назад Галине пришлось на две недели лечь в больницу. Василию пришлось на это время поселиться у нас. Естественно, он связал свое переселение в нашу квартиру с дядей, который забрал его к себе и с тех пор старался держаться от меня как можно дальше...

Сеанс спиритизма начался сразу после полуночи. В трехкомнатной квартире Галины собрались шесть взрослых и такое же количество детишек. Мы с трудом уложили спать шумную ораву в половине двенадцатого, расстелив в Васькиной комнате на полу одеяла.

После этого в большой комнате был приготовлен круглый стол. На столе расстелена льняная скатерть и уложена александрийка с аккуратно нанесенными по кругу буквами алфавита. В центр буквенного круга поставлено фарфоровое блюдо с нанесенной карандашом стрелкой. На стол женщины поставили пять свечей, по одной на каждого участника спиритического сеанса. Свечи зажгли. Потом был потушен свет и плотными шторами закрыты окна комнаты.

Я отказался сесть за стол. Хотелось понаблюдать за тем, как женщины будут действовать и позиция стороннего наблюдателя подходила мне лучше. Светлана поворчала для порядка, но потом, за приготовлениями к магическому действию и хлопотами, оставила меня в покое. Я устроился в стороне на стареньком диване и оттуда смотрел на четырех женщин и одного мужчину, положивших указательные пальцы рук на краешек блюда.

Кроме Горенской и моей супруги за стол уселись две знакомые мне молодые женщины: медсестра из нашего экспедиционного медпункта Иванова Татьяна и еще одна подружка Горенской – Любаша, которая несколько лет назад работала секретарем в экспедиции. Обе, как и Галина, были матерями-одиночками.

Когда мы вошли в квартиру и поздоровались, я сразу обратил внимание на незнакомого мне мужчину лет тридцати пяти, высокого и худощавого, державшегося с подчеркнутой независимостью. Чувствовалось – он уже не в первый раз в

этой квартире и хорошо знает обеих подруг Горенской.

– Кто это? – тихонько спросил я Светлану.

– Тише! – прошептала она. – Я его сама вижу в первый раз и знаю по рассказам Галки. Зовут Андреем. Может Галке повезет и он станет отчимом Василию.

Несколько минут после того, как познакомились и пожали друг другу руки, я внимательно наблюдал за Андреем, а потом шепотом поделился с женой наблюдениями. Сказал, что она ошибается насчет будущего отчима.

– Скорее он приухлестнет за Татьяной, чем за Галкой, Света.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

– Просто вижу.

И действительно, видел. Видел, как усиливаются зеленые сполохи в его ауре, когда он украдкой посматривал на более яркую, чем Галина, Иванову. Василий тоже его не интересовал.

Коллеблющийся свет от пяти языков пламени, установленных на столе свечей, бросал причудливые, перекрещивающиеся тени на стены от пяти силуэтов сидящих за столом людей. Все были слегка возбуждены и переговаривались почему-то быстрым свистящим шепотом.

Ауры светились беспокойным светом, мерцали и перетекали по протянутым к блюдам пальцам. Там они смешивались и заполняли блюдце, поднимаясь над ним опаловым ку-

полом биополя. Я наблюдал.

Прикрыв глаза и сосредоточившись, я окуклился, загордившись от помех щитом из мысленных металлических лент. В поле зрения психолокатора, который я задействовал на малую мощность, обстановка комнаты и ее стены стали полупрозрачными. Огоньки горящих свечей выглядели теперь крохотными черными кляксами, от которых шли во все стороны тонкие черные нити. Стали видны трубы и батареи водяного отопления в мареве инфракрасного излучения и сложное переплетение находящейся под напряжением электропроводки.

Свечение аур сидящих за столом людей резко усилилось и приобрело четкие очертания астральных тел, невидимых обычным зрением. С профессиональным интересом целителя я отмечал видимые дефекты в астральных телах Горенской и ее подруг, темное пятно подавленного желания напиться в свечении незнакомого мне Андрея.

Занятый наблюдениями, я пропустил начало вызывания духа и вернулся к наблюдениям Любаши, выполняющей роль медиума и за движениями ожившего и побежавшего по буквенному кругу блюда. Женщины дружным хором читали буквы и складывали из них слова ответов.

Первый вызванный дух оказался робким и неразговорчивым. Он отвечал междометиями «да» и «нет» на большинство задаваемых вопросов и постоянно просил отпустить его, пока женщины не сжалились. Зато второй, наоборот,

был слишком разговорчивым.

Он сразу сообщил, что его зовут Федей, что он не человек, а чертенок и запросто может обмануть. Кроме того, он постоянно крыл матом, как Дудинский портовой грузчик. Женщины, поначалу относившиеся к совершаемому ими ритуалу с опаской, скоро развеселились и встречали тихим визгом особенно заковыристые ругательства расшалившегося чертенка. При этом они оглядывались на меня с виноватым видом. Я видел смущенное лицо Светланы, но решил не вмешиваться. Она не такое слышала, пока работала в порту.

Все это время я прощупывал психолокатором любые мыслимые диапазоны, переходил на оптическое зрение и не мог обнаружить следов потустороннего мира и его представителя. Мое сверхчувственное восприятие пасовало перед таинством спиритического действа. А фарфоровое блюдечко по-прежнему бежало по кругу и женщины комментировали ответы Феде вслух.

С чувством легкого разочарования мне пришлось признать, что свидетельства ученых оказались правдой и блюдце действительно движется подталкиваемое усилиями людей, сидящих за столом, а не вызванным духом. Объединившиеся над блюдцем ауры соединили подсознания пятерки в одно целое и теперь каждый вносил свою лепту в ответы наглеца Феде.

Улыбнувшись, я тоже принял участие в фарсе и задал чертенку вопрос, ответ на который знал только сам. Чертенок

с честью вышел из испытания. Он отказался отвечать, мотивируя отказ тем обстоятельством, что вопрос невнятен и задан человеком, находящимся вне магического круга.

К моему удивлению, женщины накинулись на меня с упреками за некорректность и мне пришлось отступить. Устроившись поудобнее на диване, я отключил слух и даже ухитрился задремать в сидячем положении.

Глава 12

Очнуться пришлось от четкого ощущения надвигающейся опасности. Шел четвертый час ночи. Великолепная пятерка все так же видела за столом и усталыми голосами терзала дух великого Наполеона. Свечи почти догорели и кто-то из женщин предложил устроить перерыв.

В этот момент сквозь внешнюю стену комнаты к нам стала протискиваться огромная мерцающая капля около полуметра в диаметре, как будто находящаяся в состоянии невесомости. С видимым усилием одолев бетонную стену, гигантская капля остановилась на несколько секунд, зависла над полом на высоте около метра. Потом она приобрела шаровидную форму и медленно поднялась к потолку, стараясь держаться дальше от жгутов электропроводки.

Капля постоянно подрагивала, как желе. По светящейся поверхности бежали светящиеся красным волны. Внутри были смутно видны переливающиеся жгуты и нити более темного цвета. В оптическом диапазоне капля была невидимой.

Все время, пока капля находилась в комнате, я пытался исследовать светящийся шар, казавшийся живым, короткими импульсами психолокатора. Менял частоту зова, который оставался без ответа. Полупрозрачный шар вздрагивал от моих импульсов, беспокойная рябь бежала по поверхно-

сти. Капля упорно продолжала свой дрейф к центру комнаты, пока не зависла неподвижно под потолком, над центром стола со спиритами, рядом с пятарожковой люстрой, хотя явно избегала прикосновения к проводке.

Текли секунды, а я не мог понять, что это за сущность и чего от нее можно ожидать. Психолокатор показывал мне сложное движение полей внутри капли. Ее энергия была явно не электромагнитной, но была жестче человеческого психополя или полей других живых существ. Может быть это разумное образование? – думал я. – Только пришла она к нам из другого мира. Но почему она в таком случае не отвечает на мой зов?

Внезапно капля начала менять форму, вытягиваться вниз. В нижней части появилась воронка. Она увеличилась, пока не стала занимать весь нижний край, напоминая огромный, жадно раскрывшийся рот. Я, оцепенев, смотрел, как из воронки потянулись вниз пять тонких, извивающихся как змеи, энергетических щупалец.

Одно из щупалец коснулось головы сидящей слева от меня Галины и присосалось к ее затылку. Аура молодой женщины потускнела. Я видел, как энергия потекла вверх по щупальцу. Остальные светящиеся змейки продолжали шарить в пространстве, пока не нашли свои жертвы. Энергия потекла сразу по пяти каналам и капля стала увеличиваться в размерах. На ее зыбкой поверхности стали появляться и исчезать четкие барельефы лиц сидящих за столом людей. Я уловил

волны исходящего от капли удовольствия и ахнул:

– Энергетический вампир!

Именно о таком вампире упоминала книга! Дальше я не рассуждал. Мои сложенные вместе ладони сформировали тонкий и плоский клинок энергетического поля, который метнулся вперед и, как мечом, отсек от поникших голов людей энергетические щупальца монстра.

Чудище пронзительно вскрикнуло. Отрубленные щупальца хлестнули по пространству комнаты, как пять разъяренных кобр. Они искали меня. Одно щупальце наткнулось на мой защитный кокон и отпрянуло. Тут же на помощь к нему устремились остальные.

Я усилил защиту и мысленно прочитал короткую формулу заклинания. Сформировав энергетическую сеть, я накинул ее на зависшую под потолком каплю и почувствовал сопротивление. Монстр сопротивлялся, начал перестраивать внутреннюю структуру, рвал сеть. Его было трудно держать. Через несколько секунд я почувствовал, что нужно поддерживать сеть порциями своей энергии. Капля стала питаться энергией сети.

– Оборотень, мать твою! – прошипел я, так как положение становилось опасным.

– Думай, Ведунов, что делать! Думай быстро! – приказал я себе. – С каждой секундой монстр становится сильнее и скоро ты его не сможешь удержать. Он питается твоей энергией.

Внезапно я вспомнил: Нож!.. Тот самый нож с деревян-

ной ручкой, которым я подрезал нижние торцы толстых свечей, прежде чем ставить на стол перед сеансом. Он должен лежать на тумбочке рядом с диваном.

Я метнулся к тумбочке, почти не надеясь на чудо. Нож действительно оказался на тумбочке рядом с настольной лампой. Удерживая истончившуюся сеть левой рукой, правой я разбил лампочку и зажал нож. Мгновенно убрав энергетическую ловушку, я воткнул нож в мерцающий красным бок монстра и левой рукой соединил лезвие и вольфрамовую нить настольной лампы.

Нож вошел в прозрачное тело и прилип к внутренней структуре огромной капли. Монстр дернулся, мгновенно убрав щупальца и взвыл. Его поверхность пошла яркими световыми волнами, сморщилась. Тело монстра стало стремительно сокращаться в размерах. Человеческие лица на его теле исказились, стали гримасничать, пока совсем не исчезли.

Накопленная монстром энергия перетекала через нож в электросеть как в прорву. Вместе с уменьшением размеров тон воя повышался и скоро превратился в пронзительный визг, рвущий барабанные перепонки.

Деревянная рукоять ножа быстро нагрелась до такой температуры, что я с трудом удерживал ее пальцами. Держал до тех пор, пока не понял, что страшный вампир исчез и визг прекратился. Только тогда я выронил лампу и нож. На полу лезвие ножа на глазах покрылось толстым слоем снежной

изморози.

Покончив с монстром, я подошел к столу. Четверо потеряли сознание и только Светлана смотрела на меня расширившимися от пережитого ужаса глазами. Ее контакт со щупальцем монстра был самым непродолжительным. Все видела и все запомнила – понял я.

На столе, пока я сражался с монстром, начался маленький пожар. Свечной огарок упал на скатерть и язычки пламени медленно подбирались к шевелюре навалившегося на стол Андрея. Погасив руками пламя, я пошел в коридор, где висела наша одежда и достал из кармана пуховика магический жезл.

По очереди я подходил к потерявшим сознание людям и касался затылков концом жезла, восстанавливая энергетический баланс организма. Последней я занялся молча следившей за моими действиями Светланой. Через пару минут женщины и Андрей очнулись.

– Что-то случилось, Юра? – спросила меня Галина. – Неужели мы все разом заснули за столом? Смотри-ка! Пожар наделали!

Светлана открыла рот, чтобы ответить, но я сделал предостерегающий жест и она промолчала. Пусть остальные останутся в неведении.

– Тоже мне, великие медиумы! – нарочито грубо сказал я. – Хорошо, что я вовремя проснулся и ликвидировал пожар. Зажгите свет!.. А ты сходи посмотри в детской. Как там

ребятишки? – обратился я к Светлане, смотревшей на меня с ужасом.

В пятом часу утра четверо участников спиритического сеанса уже спали сном абсолютного неведения. Не спали только мы со Светланой. Сидели молча за кухонным столом. Как всегда после пережитой опасности меня начало потряхивать и, чтобы успокоиться, я с наслаждением затянулся сигаретой. Светлана осуждающе посмотрела на меня, но ничего не сказала.

– Посмотри в чайнике. – попросил я жену. – Может есть кипяток и заварка?

Светлана поднялась с табурета, но пошла почему-то к кухонной двери и закрыла ее, потом заглянула в заварник.

– Заварка есть. А кипяток остыл.

– Налей. – попросил я.

Жена налила в фарфоровую кружку заварку и добавила кипяченой воды. Я несколько раз затянулся сигаретой и взял в руки кружку.

– Скажи, Юра, что это было?

– Энергетический вампир. – вяло ответил я. – Нежить по-русски.

– Он мог сделать плохое? Убить?

Мне не хотелось отвечать, но я точно знал, что теперь от жены так просто не отделаться.

– Я видела, как ты задремал на диване. Потом что-то произошло. Сверху на голову Галки опустилась тонкая светяща-

яся нить. Она была живая. Галя закрыла глаза и опустила на стол голову. Мне кажется, что я видела другие нити, потом все передо мной стало меркнуть. Когда я очнулась, увидела, что ты, как рассказывали дети, вдруг засветился ярко. Из твоих пальцев било голубое пламя и окутывало большой красный шар. Потом ты протянул к шару руку и он закричал. Очень страшно кричал, Юра. Потом он исчез, а ты перестал светиться. Мне очень страшно, Ведунов...

Несколько минут Светлана молча смотрела, как я прихлебываю из кружки остывший чай.

– Скажи: что ты потом делал, когда касался палочкой Галину и остальных? – спросила она настойчиво. – Когда ты прикоснулся ко мне, я почувствовала, словно в меня влились новые силы.

– Ты сама ответила на вопрос. Этой палочкой я восстановил запасы энергии, которые высосал из вас монстр.

– Он убил бы нас?

– Не знаю, Света. Действительно не знаю. Может и убил бы. Скорее всего через несколько часов вы все проснулись бы слабыми и больными не зная отчего. Я уверен, что после сегодняшней ночи вы не смогли бы долго прожить.

– Почему он напал на нас?

– Вы соединили в блюде не только пальцы. Вы соединили свои психополя. В пять раз увеличили мощность общего психоизлучения. Стали для монстра лакомым кусочком, который стоило проглотить!

К шести часам утра я поднял недовольных и сонных ребяташек, помог одеться и мы отправились домой по темным и безлюдным Дудинским улицам. Стояла редкая для января погода. Было тепло и, главное, тихо. Сверху на дорогу падал редкий снежок, покрывая улицы мягким пушистым ковром.

Похныкивающие ребяташки окончательно проснулись и, взявшись за руки, бодро побежали вперед. Мы со Светланой шли следом.

– Ты заметила, что Галина и остальные быстро потеряли сознание и потому ничего не помнят?

Жена молча наклонила голову в знак согласия.

– Пусть так и остается, Света. Никому не рассказывай. В такое обычному человеку трудно поверить.

– Я знаю, Юра. Еще смеяться будут. – Светлана посмотрела на меня со странным выражением. – Я тебе очень благодарна за спасение. Только я предпочитаю, чтобы ты оставался просто нормальным человеком.

– Считаешь, я стал хуже?

– Нет, но...

И Светлана, отвернувшись от меня, замолчала. Молча шли мы за детьми до нашего подъезда.

Одиннадцатого января топоотряд в полном составе собрался утром в экспедиционном «авиавокзале». Сначала подошли Игнатьев с Дидиликой, потом, минут через пять, в двери «вокзала» ввалились с рюкзаками Федоров с Моска-

левым.

Наш повар и даже, к моему удивлению, Славка, выглядели слегка помятыми, а от Славки тянуло запахом перегара. Зато вид Сан Саныча и Москалева разительно отличался от того, с каким они обычно улетали в тундру.

Стараясь не привлекать внимания, я незаметно поглядел на левые руки мужиков и с удовлетворением отметил, что часы и оба браслета на месте. Чистенькие, со свежими лицами, мужики казались помолодевшими. Ауры обоих мягко светились, как у всякого здорового человека. Мужики поздоровались с нами и Москалев тут же хищно зашевелил ноздрями, с преувеличенным вниманием принюхиваясь к смутившемуся Славке.

– Хоть понюхаю! – пробормотал он и повернулся к Федорову. – Слушай, Сан Саныч. Как ты нынче новый год справил?

– Ты, Василий, издеваешься или как?

– Почему издеваюсь? – удивился Москалев.

– А потому, что я впервые в жизни пил все это время только чай да газировку.

– Оно и видно, что газировку! – не поверил Москалев.

Федоров подозрительно посмотрел на него.

– Ты, Василий, не смейся! Понимаешь, как только мы прилетели, я пошел к Илье Елисееву. Илья Николаевич, конечно, сразу сгношил бутылочку. Соорудил закуску и налил. Гм!..

– И дальше что? – нетерпеливо спросил Москалев.

– Дальше чертовщина получилась! – Сан Саныч недоуменно покрутил головой. – Взял я, понимаешь, стакан в руку, а она, подлая, не поднимается ко рту! И самое удивительное – водку пить мне не хочется. Совсем не хочется, хоть плачь! Руку менял и со стола зубами опрокинуть в рот пробовал – ничего не получилось! Илья Николаевич поначалу смотрел на меня, как на помешанного, а потом крик поднял.

И Федоров замолчал.

– Так и не выпил? – сочувственно спросил Москалев.

– Не выпил. И ночевать мне пришлось в общагу топать.

– Это почему так, Сан Саныч?

– Выгнал меня Елисеев. Сказал: за издевательство и неуважение. – и в свою очередь поинтересовался у Москалева. – А ты как праздновал?

Наступила очередь вздыхать Москалеву, потому что у него произошло то же самое. Я не выдержал и фыркнул. Оба собеседника разом повернулись ко мне.

– Твоя работа, Анатольевич? – спросили они почти разом и с подозрением поглядели на меня.

– Моя. – не стал отпираться я.

– Что же ты, Ведунов, наделал!? – возмутился Федоров. – Ну ладно, от пьянки отбил. Хотя бы по одной стопке в день нам оставил!

– Нам теперь ни в какой компании нельзя появиться! – поддержал его Москалев. – Сидишь, как белая ворона, среди

нормальных людей.

– У тебя что? Со здоровьем хуже стало? – спросил я. – Или твоя жена недовольна, Вася?

– Жена довольна. Вот только я не очень.

– Середины, парни, тут нет и быть не может. Либо вы пьете на полную катушку, либо нет. Так что лучше оставаться трезвенниками.

Пока шел этот разговор, Игнатов и Дидиликэ в нем участия не принимали, но ехидно перемигивались и хихикали.

– А вы чего ухмыляетесь? – напустился я на них. – Хотите, чтобы я и с вами такую штуку проделал? Слышите, Баранов кричит? Так что пошли грузить в будку продукты.

Снова работа, снова жизнь в полном отрыве от цивилизации. Снова нас с остальным человеческим миром соединяла только тонкая ниточка радиосвязи. Я с нетерпением ждал окончания полевого сезона. Ждал весны, сам удивляясь собственному настроению.

Постоянно преследовало странное ощущение, что вернувшись после Нового года в тундру, я совершил огромную ошибку. Временами я с трудом удерживался от дикого желания бросить все к чертям и просить себе замену. Хотя точно знал, что в экспедиции никого нет и вряд ли в ближайшее время появится для меня замена.

Что удерживало меня? Воспитанная отцом и матерью порядочность? Ответственность перед работниками своей сей-

смопартии, потому что в топоотделе в последние годы не осталось ни одного свободного геодезиста?

Думаю, что было и первое, и второе, и третье. Интуиция подсказывала, что нужно срочно лететь, а разум находил множество зацепок в пользу другого решения. Что может случиться за три, три с половиной месяца? – убеждал я себя. – Не спеши, Ведунов. Закончи полевой сезон. Постарайся быстрее завершить камеральные работы и только тогда уйдешь достойно, как полагается уважающему себя человеку.

Стараясь уплотнить медленно тянувшиеся дни, я нагружал себя на полную катушку. Максимально использовал свободное время и выполнял свой план занятий по магии. Пытался по новому осмыслить приведенные в книге магические формулы.

В последние дни перед вылетом я сообразил, что холм эльфов для меня не безобидная штука, как кажется. Меня стало тянуть к нему, чтобы вновь испытать незабываемое чувство радости и нечеловеческого могущества, которое я испытал впервые осенью. Получалось что-то вроде наркотического привыкания. Однажды вечером я решил тщательно разобраться в своих ощущениях.

Выяснилось, что энергетической подпиткой от холма эльфов можно пользоваться с осторожностью и только в самых необходимых случаях. Иначе я мог незаметно для себя превратиться в наркомана. Энергетического вампира, которо-

му постоянно требуется подзарядка чужим психополем. Хорошо, если рядом всегда будет возможность подзарядиться у энергетического холма. А не будет его рядом? Смогу ли удержаться от искушения и не воспользоваться психоэнергией проходящего мимо человека?

Организм должен сам уметь восстанавливать запасы энергии, иначе неизбежно наступит дезинтеграция. А с нею падение моральное, как личности. Лучше будет заряжать от энергетической короны свой магический жезл, а самому воздерживаться.

В начале февраля дар вновь стал преподносить неожиданные сюрпризы, которые я назвал «видениями». Они возникали неожиданно. Шел я по профилю, сидел за столом или лежал на своей постели, как вдруг наваливалась странная тишина и все вокруг исчезало, как по мановению волшебной палочки.

Я попадал в эпицентр беззвучной и беспросветной тьмы. Начинал слышать, как толчками продвигается кровь по артериям и венам, как работают легкие, сердце, печень и почки. Потом раздавался гулкий удар гонга, который сотрясал все вокруг меня и темнота начинала редеть. Далеко на пределе видимости возникала крошечная светящаяся точка. Она стремительно приближалась и увеличивалась в размерах, постепенно превращаясь в светлый, затянутый клубящимся туманом овал. Туман начинал редеть, появлялись смутные контуры изображения, которое быстро становилось настоль-

ко четким, что возникал эффект присутствия.

Передо мной возникала оскаленная морда огромного льва с поднятой для удара лапой, вооруженной острыми когтями. С клыков зверя прямо в лицо летела слюна, обдавало злобное дыхание. Желтые глаза хищника гипнотизировали. Утробный хриплый рев, вырывающийся из могучей груди, заставлял цепенеть от ужаса.

Но это я цепенел и боялся. Тот, другой человек, глазами которого я видел царственного хищника, вдруг сделал легкое, почти неуловимое движение, пропускал огромного зверя мимо, легко вонзал в желтый бок черное лезвие старинного меча.

И все. Видение исчезало мгновенно, как будто его не было. Оно занимало по времени несколько десятков секунд, но почти всегда оставляло меня мокрым от пота, с бешено колотящимся сердцем.

Сначала я подумал, что мой разум начал постепенно сдавать под напором проснувшегося дара. Задавленный в молодые годы «зверь» жестокости вновь стал поднимать голову, возвращая кошмары. Шли дни и постепенно в коротких, изматывающих психику картинках, я начал различать определенную систему. Постепенно пришло понимание: это внезапно проснувшаяся во мне генетическая память далекого предка из эпохи бронзового века.

Скоро я понял, что видения, как правило, передавали минуты наивысшего эмоционального напряжения таинственно-

го предка, которые передавались моему сознанию. Сцены поединков с хищниками чередовались с поединками воинскими. Люди в них были одеты в кожаные или медные доспехи, вооружены бронзовыми мечами, палицами и старинными луками.

Во всех видениях я оказывался в теле обладателя старинного двуручного меча с витой роговой рукоятью и массивным обоюдоострым черным клинком. На все происходящее в видениях я глядел его глазами, а иногда слышал его ушами.

Рядом с моим незнакомцем возникали длинноногие красивые скакуны, на которых сидели как влитые лохматые дикие всадники. Они иногда кричали что-то на непонятном языке и размахивали оружием. Во всех видениях я постоянно видел неподвижное, зависшее на одном месте, не по земному огромное, красное Солнце. На него можно было смотреть не боясь ослепления. Постепенно я стал привыкать к видениям и уже не трясся от страха, как это было в первые дни.

Иногда я пытался предугадывать действия своего предка в определенных обстоятельствах и убеждался, что в большинстве случаев угадываю правильно. Я успокоился. Меня устраивала гипотеза о проснувшейся генетической памяти предков, если бы не одно маленькое обстоятельство: некоторые детали видений ставили меня в тупик.

О странно огромном Солнце я уже упоминал. В другом видении я с удивлением узнал мелькнувшую в руках косма-

того всадника вещь, напоминающую современный восьмикратный бинокль. Бинокль, подобный тому, что постоянно висел на груди Сан Саныча.

Вещь мелькнула и исчезла в кожаной сумке лохматого воина. Ушло и видение, оставив меня в растерянности: откуда современный бинокль мог попасть в бронзовый век?

В другом видении я видел себя сидящим в седле несущегося во весь опор могучего белого аргамака. Я был не один. Рядом со мной неслись вперед лохматые степные всадники. Когда предок оглянулся назад, я увидел, что следом летят несколько сот конников.

Пронзительно ревели боевые рога, визжали летящие рядом лохматые степные наездники. Ветер бил в разгоряченные скачкой лица. Тысячи копыт выбивали бешеную дробь. Покрытая густой травой земля стремительно убегала под мелькающие копыта скакунов.

Мы шли лавой. Навстречу, быстро приближаясь и увеличиваясь в размерах, шла на махах другая лава. Впереди на огромном черном жеребце летел всадник в черных доспехах, с таким же черным, как у меня, клинком в правой руке.

С визгом и гудением, вспарывая воздух, взлетела над нашей лавой густая стая стрел, выпущенных их коротких луков. Навстречу уже неслись вражеские стрелы. Я прикрылся от стрел круглым щитом, направляя своего аргамака прямо на вражеского предводителя.

Мы сошлись в быстротечной конной схватке. Копья с гро-

моподобным лязгом ударили в подставленные щиты, захрипели, становясь на дыбы, кони. Замелькали вокруг бронзовые клинки сходящихся грудь в грудь всадников.

Я уклонился в левую сторону, отбил краем щита направленное в аргмака короткое метательное копьё и потому только ослабил удар вражеского богатыря, нацеленный в мою голову. Ошеломляющий удар обрушился на шлем, болью отозвался в теле. Шлем выдержал...

Мы разминулись. Я в ярости пустил вслед удаляющемуся противнику серию отборных матов. Вернее будет сказать, что я молчал, а мой предок крыл матом противника, поминая какого-то Родомана, его мать и всех родственников до седьмого колена. Причем делал это на чистейшем русском языке!

Откуда далекий предок мог знать современный русский язык? У меня не было ответа. Может быть это сбой в программе генетической памяти и внедрение в нее современных фрагментов?..

Распорядок дня нарушился только в первые дни после начала видений. Затем все постепенно вернулось к норме, а видения стали посещать не чаще одного раза в день.

Работа на профиле. Вычисления. Магические опыты. Ночные размышления. Я, не торопясь, проштудировал купленную мной в коммерческом магазине толстенную «Историю возникновения и развития мировых религий» Баррета с богатым фактическим материалом.

По ночам у меня было достаточно времени, чтобы тщательно обдумывать историю. После прочтения солидного фолианта я смог понять, какого духовного богатства лишили большевики наш народ, отбросив как мракобесие и суеверие философский опыт многих тысячелетий человеческой истории и эмпирическое знание предков.

Оказывается, современные религии явились следующим этапом познания, сменившим чувственное восприятие мира язычеством и зоотеризмом. Я же, к своему удивлению, после прочтения книги укрепился в мнении, что религию каждый человек должен творить в себе сам, пользуясь для этого опытом предшествующих поколений и беря из религий самое лучшее.

Наиболее близким моему теперешнему «Я» был индуизм с его понятием кармы и постоянной ответственностью каждого перед потомками, выражающейся в перевоплощении душ. И не нравилась идея неизменности каст.

Я решил создать для себя такую религию, в которую сам смог бы поверить на все сто процентов. Для этого нужно было доказать самому себе реальность существования человеческих душ, продолжающих существовать после физической смерти.

Представим себе разумное существо, материальным телом которого является сама наша планета, а душой – некое бурлящее вокруг нас живое море психополя с его таинственными приливами и отливами жизнедеятельности, бурями,

ураганами и смерчами мыслей.

Теперь представим себе, что в момент зачатия ребенка, который мы, люди, считаем актом любви двоих, незримо присутствует некто третий и вносит свою лепту, наделяя оплодотворенную яйцеклетку душой – маленькой капсулой индивидуального сознания. Крохотный смерчик отделяется от огромного бурлящего смерча земного разума и начинает собственное существование в физическом теле развивающегося в материнской утробе плода.

Он живет, развивается, чтобы вернуться через десятки лет обратно в лоно выделившего смерчик планетарного разума, обогащенным опытом прожитой в человеческом теле жизни. Пройдет определенное время и смерчик вновь почувствует потребность покинуть лоно планетарной души, вновь оплодотворить своей живительной силой новое зачатие земной жизни и вновь повторить этот цикл. В теле пахаря, рабочего, рыбака, инженера, ученого или политика. Обогащаться жизненным опытом, отдавая планетарному разуму новую информацию.

– Согласен ли ты, Ведунов, принять такого бога? – спросил я и ответил: – Согласен!

Принятие собственной теории божественного разума упиралось в идею существования человеческой души. Я пока не имел понятия, как можно проверить опытным путем ее существование. Бросить свой зов в окружающее пространство с помощью холма эльфов? Или раскрыть свое сознание, как

это было в Уяре?

Сможет ли человек общаться с богом через общее, пронизывающее биосферу информационное поле? Почему я до сих пор ничего не слышу и не чувствую? Почему об этом не говорит подробно автор Книги? Может быть контакт на духовном уровне осуществляется только тогда, когда тебе есть что сказать?

Прав автор Книги. Прав! Путь к общению должен обнаружить я сам. Весь вопрос в том, как это сделать? Я не знал как. Пока не знал.

С тех пор, как я впервые увидел книгу Велеса на кухонном столе у Екатерины Ивановны, меня все время занимал вопрос: каким образом тысячу лет назад безымянный волшебник смог добиться ее невидимости для людей обычных и почему ее видят такие, как я? Екатерина Ивановна не знала ответа. Затем я нашел в книге короткий раздел под названием «Психология невидимости».

Приемом становиться невидимыми владели многие колдуны старой Европы и Руси. По-русски этот прием назывался «умением отвода глаз». В настоящее время умением отводить глаза владеют индийские факиры.

Суть приема в том, что колдун в совершенстве овладевает искусством мысленного блока. Создавая защитный полевой кокон, который не пропускает наружу проявления психической деятельности, колдун одновременно заставляет глаза

окружающих уходить в сторону, мигать. Если он умеет внушать окружающим, что он не стоит на месте, а продолжает совершать какие-либо действия, разыгрывая перед людьми простенькие сценки, то только объектив фотоаппарата может зафиксировать истинное положение дел.

Значит волшебник заключил книгу Велеса в энергетическую капсулу, наделив ее программой отвода глаз. Саму книгу превратил в емкий талисман – аккумулятор психоэнергии.

Формула магического психоблока было достаточно простой для заучивания и выполнения. Сложность была в другом. Индийскому факиру во время представления нужно было одновременно выполнять сразу две задачи: сохранять свой психоблок, прикрывать психоблоком своего помощника и внушать зрителям, что они с помощником выполняют какие-то сложные действия, разыгрывают пикантные сценки.

Пришлось тренироваться несколько дней, пока я решил-ся отвести глаза своим парням. Поставив мысленный блок, я воспользовался моментом, когда Федоров оставил открытой входную дверь, и тихонько проскользнул в ЦУБ. По пути я похитил с кухонного стола пару горячих пирожков с капустой прямо на глазах у Дидиликэ, но он этого не заметил.

Было любопытно слушать комментарии Сан Саныча по поводу моей непонятной задержки на профиле, в то время, как я спокойно лежал на своей постели и читал книгу.

Глава 13

В этом полевом сезоне я наконец-то стал забывать, что такое обморожение лица и озноб. Занятия приемами рукопашного боя, подкрепленные знанием магических формул распределения энергии мужского семени, собственные изыскания в этой области знания, сделали мое тело инструментом, чутко реагирующим на любые внешние воздействия. Организм стал реагировать на них мгновенно, причем на подсознательном уровне. Формулы помогли добиться почти идеальной терморегуляции организма.

Чтобы не быть голословным, расскажу только об одном опыте, который я проделал поздно ночью. Пурга началась во второй половине дня. Юго-западный ветер взбаламутил выпавший недавно снег, превратил его в мельчайшую снежную пыль и теперь стремительно гнал по тундре, сметая пыль в заветерья оврагов.

Босиком, в одних трусах, я выбрался из ЦУБа и, разрезая правым плечом стремительные снежные струи, направился назад по сейсмопрофилю, разбитому днем раньше. Я прошел по нему больше километра, потом не спеша повернул назад.

Конечно, такое зрелище не для слабонервных. Представьте себе, что мог думать современный обыватель, если бы увидел, как прямо на него из беснующихся снежных вихрей выходит обнаженная фигура, светящаяся призрачным зелено-

ватым светом, окутанная облаком пара из тающего и испаряющегося на коже снега. От свечения я не смог избавиться, как ни старался. Свечение было побочным эффектом формулы преобразования психоэнергии в тепло.

Проверка в экстремальных условиях закончилась, когда я вернулся в ЦУБ. Тело на уровне рефлексов само отреагировало на огромную потерю тепла и компенсировало потерю за счет энергии семени, не допустив опасного для здоровья переохлаждения.

Насколько мы, люди, в массе своей невежественны и не знаем энергетических возможностей своего организма! Ежегодно в наших северных краях десятки человек замерзают при обстоятельствах, где любой йог не схватил бы обыкновенного насморка. Человек погибает потому, что не знает формул преобразования психоэнергии в тепло.

На собственном опыте я убедился, что упаковка биоэнергии в живом организме превосходит по плотности все ухищрения технологий современной цивилизации. Наши батареи и аккумуляторы по количеству запасенной энергии не идут в сравнение с тем, что запасено природой в нашем теле.

Другое дело, что эти запасы так и не бывают востребованы до конца жизни. Абсолютное большинство людей, живущих на Земле, напоминают скрягу, сидящего на мешке с золотом, умирающего от голода и не желающим расстаться хотя бы с одной монетой для покупки еды.

Теперь мне не нужно было носить зимой теплую одежду.

В темное время полярной ночи не было необходимости в капризной самодельной подсветке теодолита, которая отказывала в самый неподходящий момент.

Короткая формула магического заклинания и на кончике указательного пальца возникал крохотный светящийся шарик, в котором формировался невидимый конус преобразователя энергии в световое излучение. Из конуса начинал бить в нужном направлении луч света, который легко было регулировать по силе и яркости.

Однажды шутки ради я создал на кончике пальца небольшой шарик психополя, сформировал конус и ночную темноту прорезал мощный луч, сравнимый по яркости со светом мощного прожектора. Я послал луч в даль и расходящийся световой конус выхватил из темноты расстилающуюся передо мной болотистую равнину с резкими тенями застрогов постепенно переходящую в гряды лежащих на юго-западе невысоких холмов, поросших лиственным лесом, чернеющих зарослями кустарника.

Потом я сфокусировал бьющий из шарика луч в крохотную точку и направил вниз. Ослепительная световая звездочка коснулась снежного наста и он зашипел мгновенно испаряясь. Моя рука дрогнула и сияющая звездочка метнулась в сторону, затронув основание растущего рядом куста. Раздалось шипение, пахнуло дымком и несколько крупных веток упали на снег, срезанные как бритвой.

Я стряхнул опаловый шарик с пальца, слегка подтолкнул

и он поплыл параллельно снегу, слегка покачиваясь и вращаясь. Некоторое время я наблюдал, как он удаляется, потом повернулся уходить. Внезапно сзади меня блеснула яркая световая вспышка. Взметнулись вверх клубы снежной пыли и по ушам ударил тяжелый грохот взрыва. Ощущение было такое, как будто в сотне метров от меня разорвался снаряд средней мощности.

Когда я добежал до места взрыва, шарика психополя не было. В глубоком снежном насте курилась паром огромная воронка. Взрыв маленького, двухсантиметрового шарика разметал наст до земли. Представляете себе количество высвободившейся энергии? Только учтите, что в момент выстрела артиллерийское орудие развивает мощность порядка трехсот тысяч лошадиных сил!

Я мысленно почесал затылок и усмехнулся. Что прикажете делать человеку, который походя, сам того не желая, раскрыл секрет таинственной шаровой молнии?

Не думаю, что во мне заключено больше энергии, чем в любом другом. Но в отличие от других я умел, хотя бы частично, использовать эту энергию по своему желанию.

В тот день у меня впервые мелькнула мысль, что возможно мы, люди, идем вперед в своем развитии неверным путем. Завороженные успехами науки и техники на определенном отрезке времени, мы потеряли верное направление. Принялись создавать вокруг себя техносферу, отдаляясь от природы, загрязняя ее.

Я попытался заглянуть в будущее и мысленно представить себе обычного человека, в совершенстве владеющего искусством преобразования собственной психоэнергии в тепло, в механическое движение, в электромагнитное поле.

Понадобятся ли тогда людям коптящие и рычащие чудища, с каждым годом все больше заполняющие просторы Земли, снующие всюду и отравляющие воду, почву, атмосферу? Человек будущего сможет мгновенным волевым усилием перенести себя в любую точку, мановением руки создавать комфортабельные жилища и скульптурные шедевры, возникающие в воображении. Он сможет связаться с любым человеком без помощи радиосвязи, видеть сквозь толщу земных пород. Наверняка научится жить и созидать, не нарушая природного равновесия. В конце концов он, возможно, с помощью психоэнергии сможет достигнуть звезд, а не с помощью гипотетического фотонного звездолета...

Шло время, а я все стоял в темноте ночи над остывающей снежной воронкой. Шуршала невидимая поземка по жесткому насту. К ночи небо очистилось от облачности и на нем мягкими огоньками мерцали звезды. Северная часть небесного купола была подернута невзрачной колеблющейся дымкой. Так обычно выглядело на этой широте воспетое поэтами Северное сияние.

В километре от меня тускло светилось торцевое окно нашего передвижного жилища. Потом окно погасло. Сан Саныч закончил свои дела и лег спать. Можно было возвра-

щаться, но я медлил.

Может быть мысли, посетившие меня только что, были тем самыми ответами на извечный, самый простой и одновременно самый трудный для человека вопрос о смысле собственного существования. О смысле жизни вообще. Семья, дети, обязанности и, возможно, преобразование нашего несовершенного мира?

Иначе для чего Природа дала нам разум? Почему она время от времени создает людей, обладающих даром? Не для того, чтобы они, как в средневековье, горели на кострах инквизиции, подвергались гонениям, объявлялись шарлатанами?

Кажется я знал, что мне нужно делать и к чему стремиться. Учиться самому, совершенствовать способности и, главное, искать способы передачи этих способностей другим людям. Вот только хватит ли у меня сил и умения? Этого я тоже не знал.

Медленно текли дни, складывались в недели и месяцы. Полевой сезон во второй половине выдался трудным. Работа продвигалась вперед медленно, с натугой. Январь и февраль замучили сплошными пургами, которые не давали работать. И еще лес. Весь юго-запад участка работ представлял собой буераки, поросшие лесом и кустарником.

Мы били просеки, искали объезды. Тыкались, как слепые котятка, мордой в озера и овраги. Получалось, что за рабочий

день мы иногда не могли пройти больше трех-четырёх километров профиля при всем напряжении сил и умения.

Только в марте нам повезло. Мы пробили лес в направлении северо-запада и вышли в тундру. Скорость разбивки профилей сразу выросла в три раза. За день мы проходили теперь около десяти-двенадцати километров. При плохом рельефе и зарослям кустарника в поймах, это достижение.

Пурги, наконец, решили дать передышку и мы за несколько дней оторвались от сейсмоотряда до девяноста километров. Но тут подошла к концу солярка в нашей пятикубовке. В сейсмоотряде к концу марта на ходу осталось всего два трактора. Начальник отряда Валерий Павлович Поданев по рации деликатно дал мне понять, что не видит смысла гнать к нам на такое расстояние трактор и делиться соляркой. Я бы на его месте поступил точно так же.

Пришлось самим бросать работу и вместе с емкостью и ЦУБом выбираться на зимник и ловить экспедиционные Уралы с соляркой и углем. На это ушло семь дней хорошей погоды.

В начале апреля подстерегла другая беда. Задымил и закидал масло тракторный дизель. С каждым днем масла уходило все больше и больше. Я поставил диагноз, который заставил Москалева разразиться серией отборной ругани.

Пришлось глушить трактор и разбирать дизель. Диагноз подтвердился – прогорел поршень первого цилиндра. Представляете, что это значит – раскидать мотор и в полевых

условиях менять поршневую?

На это ушел почти весь апрель и сейсмоки опять приблизились к нам вплотную. Когда дизель заработал, я молил бога, чтобы у нас не было задержек до конца сезона. Главное, я физически ощущал, что у меня дома не все ладно.

Светлана и раньше не была любительницей писать письма. Она писала редко. Раз или два раза в месяц. Коротко описывала проделки ребятишек, передавала приветы. Так было в начале сезона. А в феврале как обрезало. Ни одного письма.

Я рвался домой, просил разрешения на вылет. Не пускали, мотивируя свой отказ производственными интересами, давили на сознательность. По моей просьбе наша экспедиционная радистка Людмила Сергеевна звонила в камералку к жене и передавала скупые слова приветов и немного сведений о детях.

Улетая я просил Светлану приходить на центральную радиостанцию для переговоров, но наша северная радиосвязь неустойчива и не с моей старенькой Ангарой было пытаться пробить помехи и связаться с Дудинкой напрямую. Прямая связь у меня получалась всего два-три раза в месяц и только не тогда, когда жена приходила в помещение радиостанции.

Тревога моя нарастала. Впервые за восемь лет нашей жизни со Светланой у меня мелькнула мысль: не нашла ли она себе другого? Я с трудом удерживался от искушения применить свое магическое умение на практике. Слишком свежо было воспоминание о неудачной попытке мысленной связи с

Уяром. До сих пор помню страх, охвативший мать, и ее отчетливую мысль о том, что она сходит с ума. Как Светлана относится к моим колдовским способностям, я догадывался.

Сезон мы закончили в середине мая. Поставили последний пикет на берегу речки Самоедской, сделали последнюю привязку к пункту триангуляции и всего за одни сутки, бросив на полпути свои грузовые сани с ГСМ, выскочили на базу с ЦУБом и встали на свое место на берегу Чопки...

Я вылетел в Дудинку двадцатого мая. Гремели лопасти, свистели двигатели, с каждым оборотом неся меня ближе к дому. Громко разговаривали парни, стараясь перекрыть вертолетный гул, улыбались. Мужики откровенно радовались приближающейся весне, солнцу, концу полевых мытарств и вылету в форпост северной цивилизации – Дудинку.

Я продолжал думать о молчании жены, о встрече с подросшими за сезон ребятишками. Хотелось поскорее увидеть улыбающиеся рожицы и смотреть, как они будут реагировать на подарки от знакомого зайчика.

Сели мы в гидропорту в начале пятого часа вечера. Я не стал дожидаться, когда останятся лопасти и начнется разгрузка сейсмокос в стоящую поодаль дежурную машину. Закинул рюкзак за плечо и пошел знакомой, не раз хоженной за двадцать лет дорогой по раскисшему снегу мимо контейнерного склада Дудинского порта и мерзлотников.

Вот и наша девятиэтажка, знакомый подъезд, дверь с

собственноручно прибитой табличкой. Я достал из кармана ключи, открыл дверь и вошел в квартиру. Дома никого не было. Слишком рано. Светлана на работе, ребятишки в садике. На полу в детской комнате царил кавардак. Юлькин медвежонок тарасил на меня блестящие пуговицы глаз с кровати сына.

Я прошел в большую комнату, открыл балконную дверь и бросил в кучу сваленных в углу вещей свой рюкзак с грязным бельем. Потом с остервенением содрал с себя полевую одежду и отправил ее туда же. Взял в шкафу пару чистого белья и пошел в ванную.

К приходу Светланы и ребятишек из садика я успел помыться, побриться и даже приготовить детям подарки от знакомого зайчика: несколько банок сгущенного молока и пару смешных рожиц, которых собственноручно вырезал из оленьего рога долгими зимними вечерами.

Когда двери дрогнули и в замке повернулся ключ, сердце у меня екнуло. Я придержал дверную ручку и спросил грозным голосом:

– Кто там? Если разбойники, то вам в квартиру вход запрещен!

– Папа! Папочка прилетел! – запищали за дверью дети. – Это мы, твои Вова и Юля! Твои цыплятки!

Я открыл дверь и они вихрем ворвались в тесное пространство коридора, с визгом полезли на руки.

– Папка!

– Папулечка мой! Почему тебя так долго не было? Мы с Вовой так по тебе соскучились!

– Пап... А ты нам привез подарки от знакомого зайчика?

Ребятишки смеялись, попискивали от восторга, лезли целоваться. Перебивая друг друга спешили сообщить свои огорчения и радости. Только Светлана стояла молча, не раздеваясь, и смотрела на нашу встречу и поднятую кутерьму странным взглядом. Моя тревога еще больше усилилась. Она не подошла, как бывало, не обняла и не подставила губы для поцелуя.

Пришлось делать вид, что я ничего не заметил. Заставил ребятишек раздеться и повел в детскую, чтобы совместными усилиями навести в комнате порядок.

До позднего вечера мне пришлось заниматься с детьми. Ремонтировать игрушки, читать сказки, укладывать спать, когда пришло время. Дети засыпали плохо, хитрили, норовя удрать из кроваток. То они проверяли, здесь ли папа, то просили пить и не хотели выпускать мои руки из маленьких пальчиков.

Светлана все это время вела себя тише воды, ниже травы. Тихо проходила из кухни в большую комнату и обратно. Гремела посудой. Потом уселась на кухне лепить пельмени, заказанные на завтра ребятишками.

Когда дети, наконец, уснули, я осторожно освободил свои пальцы из маленьких ладошек и вышел на кухню. По-прежнему делаю вид, что ничего не замечаю, я подошел к жене и

попытался обнять. Она мягко, но решительно отстранилась.

– Не надо, Юра.

– Почему не надо, Света? Что случилось?

– Случилось, Юра. Я встретила человека. Хорошего человека. Понимаешь?

– Нет, Света. – решительно сказал я. – Не понимаю и не хочу понимать! Я знаю только одно – четыре с половиной месяца меня не было дома. Когда вернулся – вижу свою жену, которая ведет себя странно.

– Хорошо. – сказала Светлана и глубоко вздохнула. – Я пошла стелить постель.

– Подожди, Света. – остановил я ее. – С постелью мы еще успеем. Сначала ты мне доскажешь то, о чем начала говорить.

И Светлана начала рассказывать. Я слушал ее молча. Ощущение безысходности и непоправимости случившегося охватывало меня все сильнее. Вялость, равнодушие, полное оцепенение души.

– Я могу, конечно, лечь с тобой в постель, Ведунов. – закончила она свое затянувшееся признание. – Я твоя жена и обязана выполнять супружеские обязанности. Но это будет так... Без души и без желания. Потому, как мне кажется, я полюбила другого. Нужна ли тебе теперь такая постель?

Мне нечего было ответить. В голове не было ни одной путней мысли. С трудом я стряхнул оцепенение, заставил мозг работать.

– Что будет с детьми? – наконец спросил я. – Ты хорошо подумала о детях?

Светлана ничего не ответила. Я заметил, как пальцы у нее задрожали, а лицо стало белым.

– С ним, с твоим Сергеем, для меня все ясно. – безжалостно продолжал я. – Он мужик. Самец. Тем более, холостяк. Командировочный. Они все гоняются за юбками, ловят простушек. Такой у некоторых вид спорта. Детей у него нет и он не знает, что такое дети и любовь к ним. Зато ты, Света, это хорошо знаешь. Не девочка, а мужняя жена. Мать двоих ребятишек. Прежде чем влюбиться, должна была подумать, что ты не одна.

– Я боролась с собой, Юра. – прошептала она и подняла на меня страдающие глаза. – Но это как наваждение. Я все время думаю о нем и ничего не могу с собой поделать.

– Значит, меня по боку, а детям станешь навязывать в отцы чужого дядю? Папа, мол, у нас плохой, а дяденька очень хороший. Любите, детки, дяденьку! О папе забудьте. Чем скорее забудете, тем вам лучше будет... Так? – добивал я жену. – Что они тебе скажут, когда подрастут? Ты подумала?

Светлана начала всхлипывать. Поднялась со стула, подошла ко мне и уткнулась носом в мое плечо. Ну вот! – подумал я. – Нашла утешителя!

– О детях ты не думала. А обо мне? – продолжал я. – Обо мне тоже не вспомнила? Что ты чувствовала, когда мы в прошлом году улетели в отпуск одни из-за твоего упрямства?

Хорошо тебе было? Теперь увеличь свои чувства стократно. Попробайся представить. Поняла теперь, на что меня обрекаешь? Ты сказала, что Сергей – умный человек. Да разве умный человек будет строить счастье на несчастье детишек?

Жена уже не всхлипывала. Она рыдала. Я смотрел на Светлану и вдруг почувствовал жалость. Впервые я видел жену в таком состоянии. И я совершил ошибку. Мне нужно было по-прежнему вести себя жестко. Тогда, возможно, все закончилось бы совершенно по иному.

Размяк от слез жены и упустил инициативу, чем она тут же воспользовалась. Я встал, налил из графина воды в стакан и заставил Светлану выпить.

– Так что мы решим, Света? – неожиданно мягко вырвалось у меня.

Она подняла на меня залитые слезами глаза, промокнула концом фартука слезы. Без очков глаза Светы казались совсем беззащитными.

– Я не знаю, Юра. – прошептала она. – Поеду в Смирно на лето с детьми. Проживу там лето и постараюсь взять себя в руки. Заявление на отпуск я уже написала. За два года с завтрашнего дня. Купила билеты на Москву и позвонила маме, что мы скоро приедем.

– Ты что? Собираешься туда без меня?

– Без тебя, Юра. Думаю, так будет лучше. – уже твердо сказала жена.

– На какое число билеты?

– На двадцать седьмое мая.

– Семь дней! – взорвался я. – Всего семь дней, чтобы я мог насмотреться на ребятишек! А если это в последний раз? Немного времени ты отпустила мне, подруга!

– Но мы обязательно вернемся сюда, Юра!

– Ты уверена?

– Конечно, уверена!

– Он... твой Сергей... Он здесь? – неожиданно вырвалось у меня.

– Что? – удивилась Светлана. – Во-первых, он не мой, а просто Сергей. Во-вторых, его здесь нет. Десять дней назад улетел к себе в Свердловск... Екатеринбург. И у нас с ним ничего не было, если ты именно об этом беспокоишься!

Слово «этом» Светлана выделила голосом. Я почувствовал, что начинаю делать что-то не то, но уже не мог остановиться.

– Все вы так говорите! – вырвалось у меня. – Наташка тоже клялась, что у нее никогда и ни с кем не было. А сама...

Вспомнив свою первую жену, я окончательно потерял голову и у меня слетели с губ слова, о которых мне потом не раз пришлось жалеть. Светлана после моих слов гордо выпрямилась и ее глаза опасно блеснули.

– Меня, Ведунов, с Натальей на одну доску не ставь! Я не из таких! По углам и подворотням обжиматься не буду. И в дом водить!.. Что было, я тебе сказала прямо в глаза. Только правду.

– Я тебя сразу предупреждаю. Письма твоего хахаля буду рвать в клочки! Не надейся на мою сознательность. А может быть он уже знает твой Смирновский адрес?

Меня заносило все больше и Светлана это хорошо чувствовала.

– Сюда от писать не будет, Ведунов. – с легким презрением ответила она. – И в Смирно не будет. Так что на этот счет можешь не беспокоиться! – жена помолчала минуту. – Закончим разговор, Ведунов. Ничего хорошего продолжение не принесет. Ну, так как? Стелить нашу постель?

– Стелить! – рявкнул я. – Стелить, если ты меня об этом спрашиваешь!

Ласкать замкнувшуюся в себе, безвольно податливую женщину – это, наверное, хуже, чем любезничать с манекеном. Я с трудом сдерживался, чтобы не заорать, не вклепить Светлане пощечину. В конце концов я не выдержал. Сгреб в кучу подушку и одеяло, перебрался на старенький диван. Укладываясь на диване, услышал сначала глубокий вздох облегчения, потом шепот:

– Спасибо, Юра!

– Нужно мне твое спасибо! – прорычал я.

А про себя с огорчением подумал, что насильника из меня, видимо, не получится. На следующую ночь мы со Светланой смогли переспать, но радости это не принесло нам обоим.

Все последующие дни Светлана сидела дома. Готовила еду, гладила, стирала, штопала мне и ребятишкам. Перести-рала, не глядя на мои протесты, полевую амуницию. Мне, после того, что случилось, сидеть дома было не вмоготу. Не мог я спокойно смотреть, как жена хлопочет и готовится к отлету.

Пользуясь установившейся хорошей погодой, я вместе с ребятишками удирал из дому и бродил с ними по городу. В первый день мы сходили в наш краеведческий музей. Там дети смотрели на чучела зверей и птиц, разглядывали национальную одежду аборигенов, муляжи наших северных рыб. Вовка попытался пролезть за стеклянную стенку, чтобы погладить приглянувшегося ему олененка, и был с позором выдворен служительницей музея.

В кафе «Лакомка» мы оккупировали крайний угловой столик и потребовали себе сразу по три порции мороженого. Потом мы дружно с дочкой принялись критиковать Вовку, когда он заказал себе шесть порций. После продолжительной дискуссии выяснилось, что половину мороженого сын собирался отнести маме.

Оказавшись на берегу Енисея, мы долго лазили по береговому откосу и искали зелененькую травку. Найти ее не удалось, к великому разочарованию обоих. Пользуясь безлюдьем, я показал ребятишкам фокус, который очень понравился. Мысленным приказом опустил к нашим ногам огромного красноклювого мартына и заставил чайку терпеливо

сносить прикосновения маленьких рук. Когда мы отпустили чайку, она быстро устремилась на другую сторону Енисея, ошалело трясая головой и поминутно оглядываясь.

Над нами высоко в небе тянулись к северу нетерпеливые косяки гусей и уток. Слышался сверху ликующий трубный крик. Масса невесть откуда прилетевших чаек реяла над потемневшим снегом ледяных просторов Енисея. Они кружились над портовыми сооружениями, над ледяным хаосом фарватера и кораблями, стоящими возле причалов, что-то высматривая и устраивали в воздухе безобразные сцены.

И природа, и птицы, и люди терпеливо ждали наступления поздней северной весны, которая приходит в Дудинку после вскрытия могучей реки. Вот только у меня на душе постоянно держалось ощущение надвигающейся стужи и беды, чего я всеми силами старался ребятишкам не показывать.

Впрочем, дочка по каким-то признакам догадывалась, какие мысли заставляют меня цепенеть. Иногда я ловил на себе удивленный взгляд. А однажды она спросила:

– Тебе плохо, папа?

– С чего ты взяла, цыпленок? – удивился я ее пронительности.

– Я вижу, папа! И понимаю, что тебе очень плохо. Ты чего-то боишься, папочка? Не хочешь, чтобы мы без тебя летели к бабушке и дедушке? – полуспрашивая, полуутверждая продолжала сообщать мне результаты своих наблюдений Юля.

– Знаешь, дочка, на работе у меня не все ладится. – вынужден был сказать я полуправду дочери. – Конечно, я бы хотел лететь с вами. Вот только начальство не отпускает. Говорит, сначала нужно обработать материалы. Все вычислить, сдать в фонды. А потом – пожалуйста, Ведунов! Можешь лететь.

Дочка, как взрослая, покачала головой и посмотрела на меня с сомнением. В оставшиеся до отлета дни я не раз укорял себя за глупость, которую сморозил при разговоре с женой в первый день после прилета. Пару раз я вновь пытался заговорить и уговорить Светлану отложить полет на некоторое время. Но шанс был упущен.

Светлана держалась настороженно и приводила мне в ответ те же доводы, что приводил я год назад. Дети должны побывать у бабушки с бабушкой, прожариться на южном солнышке. Все мои уговоры разбивались о глухую стену упрямства. Светлана «зациклилась» на Смирно, держалась со мной настороженно, словно чего-то опасалась.

Чего она опасается, я понял только тогда, когда во время нашего разговора, шедшего на повышенных тонах, она подняла ладонь и предупредила:

– Давай без этих... твоих колдовских штук, Ведунов!

– Хочешь сказать, что ты улетаешь в Смирно только потому, что боишься моих экстрасенсорных способностей? Боишься меня?

Светлана молча смотрела на меня несколько долгих томи-

тельных минут, потом ответила:

– Нет, Юра. Не этого. Вернее, не только этого...

Я действительно мог сломать волю жены в любой момент и плохо, что она это тоже понимала. Мог заставить ее забыть программиста, заставить вновь полюбить меня, сделать жену полностью покорной своей воле. Действительно мог! Но Светка не понимала другого. Ведь тогда она стала бы совсем другой женщиной. Не той Светланой, какую я знал, любил и язычка которой иногда побаивался.

– Не бойся. Я люблю тебя именно такой, какая ты есть. Не другую. Я никогда не позволю себе вмешаться в твоё «Я», как бы плохо мне не было. Клянусь!

Может я ошибался и она боялась не за себя, а за Сергея? Тут я действительно не мог дать никаких гарантий, на не стал спрашивать Светлану. Внешне я старался не показывать жене своей тревоги. Сделал определенные выводы из первого разговора.

Держался уверенно и с достоинством. Не в пример дочери, Светлана вряд ли догадывалась о буре страстей, бушующих во мне. Не могла предположить, что огромный мужик вдруг начнет лепетать, как неопытный юнец, лить слезы, валиться на колени и умолять жену не покидать его, беднячку!

У меня была своя мужская гордость. Светлана это знала хорошо и потому даже в мыслях не могла допустить, что я могу сломаться, запить или начать творить другие глупости.

Приходя на работу, я постарался осторожно навести справки об этом Сергее, не привлекая к себе внимания. Побывал в конторе и камералках, обнаружил едва заметные следы ауры. Поговорил с Курбатом и постепенно выяснил некоторые подробности.

В феврале месяце по вызову экспедиционного руководства в командировку в наш вычислительный центр прилетел из бывшего Свердловска некто Мурашкин Сергей Валентинович. Хороший инженер-электронщик и программист. Он пробыл у нас три месяца. Помогал отлаживать вычислительную технику, вводить новые программы.

Еще были у него какие-то дела с нашими геофизиками по обработке сейсмических материалов, которые требовали массу чертежных работ. И, конечно, чертила для него графику моя супруга, которая была, пожалуй, лучшим картографом экспедиции. За работой они познакомились.

Мурашкин, по словам Курбата, был мужчиной лет тридцати, небольшого роста, с умным интеллигентным лицом и, по-видимому, не блистал здоровьем. Как говорят в таких случаях – ни красоты, ни вида, ни мужества.

Узнав все это, я не смог понять одного: что особенное нашла в нем моя супруга? Что в нем было такое, чего не было у меня? И фамилия не серьезная – размышлял я. – Мурашкин, чуть не Букашкин... Черти бы побрали этого Сергея! Моя первая супруга тоже сбежала с каким-то Сергеем, пока я работал в тундре. При разрыве с Натальей мне было про-

ще. Счастье, что у нас не было детей!..

Не понимал я Мурашкина, хоть убей. На кой черт ему женщина с двумя детьми? Не может найти по себе девушку? Вон в камералках – хоть пруд пруди! Так нет! Подавай ему, видите ли, замужнюю бабу!.. Нужны ему мои ребятишки?! Знаю я мужиков – как они к чужим детям относятся. Своих заделать не может, что ли? Черт!.. Строить счастье на несчастье других людей, в этом нет ни особого ума, ни совести.

С душевным скрипом я мог понять Светлану, почему она могла влюбиться в программиста, но не его самого. Мы поженились, когда Светлане исполнилось двадцать два года. До сих пор хорошо помню, как она тогда выглядела. Представьте себе хрупкую, маленькую девочку-подростка. Как говорят в таком случае – два пуда с сапогами. Ростиком она была всего метр пятьдесят два сантиметра.

К слову, выходя за меня, Светлана сообщила мне свои физические данные: вес, окружность талии, груди, бедер, рост и так далее. Умолчу об остальных данных, но с ростом она наврала. Назвала метр пятьдесят пять и обманула на три сантиметра, часто потом пенял я в шутку.

Она уже тогда носила очки. Из-за стекол смотрели на окружающий мир такие открытые и незащитные, сияющие такой чистотой глаза, что увидев ее в первый раз, я мысленно ахнул. Не может быть у обычного человека таких глаз! Не может! И влюбился мгновенно по самую маковку.

Теперь представьте себе меня рядом с этой девочкой. Рост

– метр девяносто один. Стать и вес – соответственные. По сравнению со Светланой я выглядел гигантом. Было мне тогда тридцать шесть лет. Представляете себе пару – чистая девочка и рядом мужик. Битый, прошедший огни и воды разжени, от которого год назад сбежала молодая жена. В глазах Светланы я должен был выглядеть стариком.

После всего сказанного, вам должно быть понятно, что Светлана вышла за меня замуж, не испытывая ко мне особых чувств. Сначала я вообще удивлялся, почему эта чистая девочка приняла мои робкие знаки внимания. Не оттолкнула, когда я сделал ей наглое предложение стать женой, согласилась без колебаний.

После свадьбы я убедился, к огромному удивлению, что внешность не всегда соответствует внутреннему содержанию. Не имею в виду ничего плохого. Просто за внешностью беззащитной девочки скрывался острый ум и жесткий, упрямый характер. Светлана принадлежала к тому типу женщин, которые если пересолят, то все равно выхлебают до дна.

Первые годы от наших семейных столкновений искры сыпались. Ни я, ни она не желали уступать другому ни единой пяди. Потом появилась Юля и вопрос о первенстве отпал сам собой. Прекратились огнемётные баталии. Случалось нам повздорить и позже, но не было прежнего накала.

Все это я рассказываю потому, что хочу показать – семейная жизнь с женой не была для меня медом. Временами было трудно. Приходилось постоянно держать ухо востро. А

иногда испытывать чувствительные щелчки по мужскому самолюбию. Язычок у Светланы брил острее бритвы, а случая уязвить она никогда не пропускала.

Впрочем, я тоже был не подарок. Мог поддеть так, что глаза у жены за стеклами очков начинали гореть яростью. До сих пор я считал, что у нас сложилась настоящая семья, которую цементировали дети, превращая ее в монолит.

Теперь монолит дал трещину и эта трещина прошла через мое сердце. Этот Сергей... Может быть он тоже, как и я, обманулся беззащитным видом моей супруги? Тогда он скоро пожалеет о своей ошибке... Тьфу ты, господи! Какие дурацкие мысли приходят в голову!..

Глава 14

Дети в предчувствии скорой разлуки старались не отходить от меня ни на шаг. В детсад они уже не ходили и потому сопровождали меня после обеда на работу в топоотдел, где мешали всячески не только папе. Постоянно требовали к себе внимания.

Я бросал вычисления и вместе с детьми удирал по железнодорожной ветке на берег Енисея. Там, в заветерье, оба начинали просить показать очередной фокус. Немного поломавшись для приличия, я заставлял сбегаться к нашим ногам шныряющих вокруг леммингов, собирал куропаток. Строил с помощью окрепшего дара крошечные замки и заселял сказочными персонажами. Ребятишки пищали от восторга и ненасытно требовали:

– Папочка, еще!

– Сделай нам живого зайчика, папа!

Они очень расстраивались, когда проходило время и сказочная красота начинала таять, постепенно растворяясь в воздухе. Я был неумолим.

– Все, дети! Фокусы закончены и нам пора собираться домой к маме.

Мы возвращались в экспедиционный поселок к автобусной остановке, садились на единичку и добирались на ней под окна своей квартиры счастливые и проголодавшиеся, как

тигры. И вновь мне пришлось совершить проступок, о котором предупреждала Екатерина Ивановна. Чтобы дети не проболтались о моих фокусах, пришлось наложить на них малые чары.

В последние дни перед разлукой я старался доставить ребятишкам как можно больше радости и во всю пользовался своими способностями. Если Светланы не было дома, я тайком от детей пробирался в ванную комнату и выходил оттуда с блюдами самого изысканного лакомства, какое мог сообразить. Однажды мы все-таки попались.

Светлана вернулась из похода по магазинам раньше, чем я предполагал, и обнаружила нас в кухне рядом с вазой, полной винограда. С минуту она смотрела на огромную виноградную кисть с крупными сияющими янтарным светом, истекающими свежестью ягодами, которые ребятишки уплетали за обе щеки, и удивленно спросила:

– Где ты купил эту прелесть, Ведунов?

– Купил. – пришлось мне соврать. – У кооператоров, естественно.

– Представляют себе, какие деньги они с тебя содрали! – покачала головой жена. – А мне можно попробовать?

– Конечно, пробуй!

Светлана, как и дети, не догадывалась, что добротный сработанный симулякр невозможно отличить от натурального продукта. Запах, вкус, цвет, упругость и сочность – все соответствовало высшим стандартам волшебного искусства. Че-

ловек в процессе еды ощущал все, что положено. Даже тяжесть в желудке. С одной поправкой: от съеденного волшебного винограда его организм не получит ни белков, ни углеводов, ни микроэлементов, ни витаминов и всего прочего.

Такого продукта можно съесть сколько угодно и не насытиться. Совершенная иллюзия остается ею, под каким соусом ее не подавай. Зато она производила впечатление и дарила детям ощущение удовольствия.

В последние дни у нас с женой установилось что-то вроде вооруженного перемирия. Я старался не делать ошибок. Разговаривал спокойно. Светлана тоже не сторонилась меня. Даже спали мы с нею вместе. Но иногда я вдруг ловил на себе ее быстрый и испытующий взгляд.

Она глядела так, будто сравнивала меня с кем-то. Я догадывался с кем. Приходилось волевым усилием усмирять вспыхивающую неприязнь к жене и делать вид, что я ничего не заметил.

Я держал клятву, которую дал Екатерине Ивановне. Догадывался, что клятвой она наложила на меня заклятие, и иногда усмехался про себя наивности старой знахарки. Что значат для колдуна заклятия знахаря? Другое дело, что она была права и без клятвы. Светлана ни в коем случае не должна была знать о моей способности читать мысли. Мы были слишком близкими людьми. Я был уверен: как бы осторожно я не провел зондирование, Светлана сразу почувствует мое вмешательство. И тогда результат моей глупости будет ясен.

Не скрою – мелькала у меня в последние дни подленькая мыслишка, подогреваемая ревностью: спала она с программистом или нет? Усилие воли, короткий мысленный приказ и я могу все узнать от самой Светланы. Но что будет, если узнаю, что они спали вместе? Как поступлю? Смогу ли относиться к жене так же, как относился до сих пор? Смогу ли жить вместе? И что тогда станет с ребятишками?

Я боялся узнать правду. Не хотел знать, если она для меня слишком неприглядна. Продолжал мучиться подозрениями и одновременно надеялся на здравый смысл жены. Надеялся, что в Смирно жена придет в себя и сделает нужные для семьи выводы. Мне придется стиснуть зубы и ожидать ее возвращения из отпуска.

За два дня до отлета произошло событие, одновременно обрадовавшее и беспокоившее меня. Я обнаружил присутствие дара у своей дочери. В тот день юго-западный ветер притащил вперемешку дождь со снегом. На улице стояла промозглая холодрыга и нам пришлось сидеть дома. Светлана, как на грех, то и дело подходила к окнам и «выглядывала» погоду. Она делилась со мной опасениями, а я мрачнел все больше.

Ушел от нее в детскую комнату, а там нашел кавардак и, не выдержав, устроил ребятишкам небольшой скандал. Вовка сразу удрал на кухню к маме. Дочка сидела в игрушечном городке, смотрела на меня залитыми слезами глазами и

тихонько всхлипывала.

Когда остыл, то почувствовал огромный стыд за себя. Нашел на ком сорвать плохое настроение! Пришлось извиниться перед дочерью. Забывшись, я мысленно погладил ее по головке. Глупышечка ты моя! – думал я с нежностью. – Уле-тишь скоро к деду с бабой. Как я без тебя здесь жить буду? И вдруг почувствовал слабенький, но, несомненно, ответ.

– Я тоже буду скучать без тебя, папочка!

– Это ты сказала, Юля? – спросил я вслух.

– Нет, папа. Это я подумала. Ведь ты тоже не говорил, а думал обо мне. Правда?

Я поспешно прижал палец к губам.

– Тише, дочка. Не нужно, чтобы кто-то знал, что мы можем с тобой разговаривать мыслями. Особенно Вова и мама. Я очень тебя прошу. Никому не рассказывай. Обещаешь?

– Но почему, папа?

Говорить мне пришлось долго. Переводить для шестилетней девочки со взрослого языка в понятия, которые она могла усвоить. О свойствах дара. О том, как относятся к дару люди. Дочь обещала молчать, но я знал, чего стоят детские обещания. С согласия Юли я опять наложил на нее чары молчания.

Ребенок – есть ребенок. Дочка не могла удержаться и не поиграть новой, да еще такой интересной игрушкой. Она связывалась со мной из коридора, из ванной комнаты, потом из лифта с девятого этажа. Я сам был виноват в этом.

Оберегая дочку от нервного истощения, я наделил ее сознание «звездочкой внимания». Протянул между нами тонкую ниточку энергетического накала, чтобы дочь могла черпать мою энергию.

Но я опять не учел последствия. Теперь дочери не нужно было «прицеливаться» с помощью зрительной наводки и тратить собственную энергию. Расшалившаяся дочка добровольно вызвалась сходить по хлеб в универмаг. И связалась со мной из магазина.

Я не выдержал и сделал, наконец, строгое внушение, объяснив, что нельзя часто пользоваться неокрепшим даром, что с нею может случиться плохое.

– Какое плохое, папа?

– Будет сильно болеть твоя глупенькая головка. А дар мыслесвязи исчезнет.

– Хорошо, папа. – обещала дочь. – Я буду беречь дар. А можно мне будет говорить с тобой мыслями, когда мы будем у бабушки?

– Не знаю, Юля. Большое расстояние. Еще днем солнышко мешает.

– Тогда я буду звать тебя, когда солнышка не будет. – заявила дочь. – Вечером или ночью, когда все уснут.

– Ладно. – уступил я. – Но помни, о чем я тебя предупредил. Пробуй связываться не чаще раза в неделю. Договорились? И обязательно после захода солнца.

Я не обманывал дочь. Книга Велеса прямо предупреждала

об опасности перенапряжения в раннем возрасте. Дар может исчезнуть навсегда. Это в лучшем случае. А в худшем... Я даже думать о такой возможности боялся. Потому и поспешил со звездочкой внимания.

Книга Велеса лежала на балконе, надежно закрытая в самодельном сейфе. После возвращения в Дудинку у меня не было желания в нее заглядывать. Свои мечты я был вынужден отложить. В голове гвоздем сидела только одна мысль: как отвлечь от нашей семьи развод. Не мог я заниматься делом, требующим спокойного состояния души и концентрации внимания.

Всего пять дней я прожил относительно спокойно, после того, как посадил в самолет Светлану и ребятишек в Алыкельском аэропорту. И опять виновником тревоги оказался чертов Мурашкин.

Не учел программист, что наша северная почта ползает со скоростью улитки. Отправил свое письмо восемнадцатого мая, а пришло оно в Дудинку, когда Светланы уже пять дней не было дома. Принесла письмо в топоотдел ходившая за чем-то в контору Ольга.

– Вот, Юрий Анатольевич, Ирина при мне стала разбирать почту и нашла это письмо для вашей Светланы.

Ничего не подозревая, я протянул руку и взял письмо. Когда прочел обратный адрес, у меня похолодело в груди. Письмо было из Екатеринбурга, от Мурашкина. Очень хотелось

надеяться, что наблюдавшая за мной Ольга не смогла прочесть выражение моего лица.

– Наверное, от знакомых. – сказал я и небрежным жестом сунул конверт во внутренний карман пиджака. – Отправлю его Светлане сегодня же.

Я с трудом дождался конца рабочего дня. В половине шестого спрятал в портфель свои полевые журналы и ведомости и отнес портфель в экспедиционную спецчасть. Потом сел в подкатившую единичку и поехал к себе домой.

Пройдя в кухню, я прежде всего налил воды в электрический чайник, включил его в сеть, нашел пепельницу и закурил. Письмо, лежавшее в кармане пиджака, насквозь прожигало грудь. Мужу вредно для здоровья читать любовное послание, адресованное жене. Но, думаю, что ни один муж не удержался бы от искушения. Я не был исключением и колебался не долго.

Достав из кармана письмо, я прежде всего изучил конверт и адрес. На штампе Екатеринбурга стояла дата 18 мая 1992 года. Адрес был написан четко: Дудинка Красноярского края, Рабочая 42, чертежно-оформительский отдел, Ведуновой Светлане Николаевне. Ниже приписка: вручить лично в руки.

Обратный адрес был нечетким: Екатеринбург, почтовое отделение такое-то, почтовый ящик такой-то. И неразборчивая подпись, в которой можно было прочесть только заглавную «М». Конспиратор! – невесело усмехнулся я и реши-

тельно надорвал конверт.

Читать письмо было настоящей мукой. Я не старался его запомнить, но текст удивительным образом с первого раза впечатался в память. Я его помню даже сейчас, хотя прошло много времени и я не применял магических приемов для запоминания.

Пропущу многочисленные охи и ахи программиста, не буду цитировать его горячее желание держать Светлану за руки и смотреть, не отрываясь, в ее чудные глаза. Не хочу. Попытаюсь коротко рассказать деловое содержание любовного послания, возмутившее и напугавшее меня больше всего.

Мурашкин сообщал, что добрался домой благополучно и сразу поговорил со своими родителями. Объяснил создавшуюся ситуацию и они, хотя и не сразу, согласились. Теперь они готовятся к свадьбе. Пусть горячо любимая белая лебедушка ускорит свой развод, так как день свадьбы назначен на двадцатое июля.

Далее он писал, что в отделе у него запарка. Он замещает начальника отдела и потому связан по рукам и ногам. Освободиться сможет только к десятому-пятнадцатому июля. Возьмет отпуск и на машине приедет к ней в Смирно. Оттуда он заберет ее вместе с детьми и увезет к себе в Екатеринбург. Готовься, Лана, к отъезду и свадьбе. Не забывая, что она состоится двадцатого во дворце бракосочетаний города.

Я глядел на письмо с таким отвращением, как будто дер-

жал в руках ядовитую змею. Мысль о том, чтобы переправить письмо в Смирно, я отбросил сразу. Порвать, выбросить в мусорное ведро рука не поднялась. Если дело дошло до разговора о свадьбе, то положение было более серьезным, чем я думал.

– Ничего этого не было! – мысленно передразнил я Светлану. – А я почти поверил!

– Чего ты хотел, Ведунов? – спрашивал я сам себя. – Запретишь переписку? Идут письма в Смирно, будут и ответы в Екатеринбург. На твое письмо не будет ответа. Не напишет его Светлана и, возможно, не напишет никогда.

Я почувствовал раздражение и неприязнь к самому себе. Почему я в последние годы стал уступать Светлане? Почему позволял брать верх в спорах? Неужели потому, что ее характер оказался сильнее моего? Рушилось все, распалась семья, я же не сумел настоять на своем, когда она сообщила о своем решении лететь в Смирно. Почему не удержал? Не порвал в клочки авиабилеты, не поставил перед свершившимся фактом?

– Тряпка ты, Ведунов! – резюмировал я. – Еще размазня! Не заметил, как попал под женский каблучок! Хлебай теперь полными горстями. Так тебе и надо!

Темные водовороты ревности били в берега души, лишая способности здраво мыслить. Весь вечер и почти вся ночь ушли на построение сладостных планов мести наглецу из Свердловска. В письме обо мне не было упомянуто ни еди-

ным словом, как будто меня не было. Конечно, какое дело Мурашкину до незнакомого ему полевика-топографа? Пусть и дальше бродит по тундре. Не подойдет. Он не принимал меня в расчет. Я тоже не хочу сдаваться.

А что? Могу бросить свои вычисления к чертям, махну в Свердловск. Найду почтовое отделение и по следам ауры доберусь до квартиры. Можно проще – в справочном бюро узнать адрес программиста. Дальше – дело техники.

Найду огромного псину, подключусь к сознанию, подкараулю программиста на улице и спущу собаку. Можно овладеть сознанием самого Мурашкина и заставить его сигануть с моста. Броситься под колеса автомашины.

Наверное, ни один человек в мире за последнее столетие не был в большей безопасности, чем я, при нарушении уголовного кодекса. Можно придумать множество способов расправиться с человеком, осмелившемся перебежать колдуну дорогу.

Впрочем, что это я о смерти программиста мечтаю? Нужно не убивать. Заставить его совершить кражу, грабеж. Можно просто набить морду и заставить забыть, что на свете существует женщина по фамилии Ведунова.

В глубине души мне самому не нравились придуманные способы расправы с Мурашкиным. А последний мог иметь опасные для меня последствия. Все упиралось в Светлану. Вдруг она вздумает искать программиста и обнаружит, что он потерял память? Неужели она не догадается, чьих рук это

дело?

Ревность сделала убогим воображение и в конце концов я сдался. Решил: не смогу придумать более путного, начну действовать по последнему варианту.

За ночь я выпил четыре чайника крепчайшего чая, выкурил три пачки сигарет. Голова гудела от мысленного водоворота. В левой стороне груди стала нарастать пульсирующая боль, чего не было с тех пор, как от меня сбежала Наталья.

В домашней аптечке ни валидола, ни корвалола не нашлось. Самолечение с помощью дара тоже не получилось. Я не смог заставить себя сосредоточиться.

Собираясь утром на работу и увидел в нем опавшего с лица пожилого человека с глазами больной и тоскующей собаки. Я понял сразу, что с такой физиономией и глазами мне в топоотделе лучше не показываться.

Перед обедом я набрел на мысль, которая сразу заставила меня развить бурную деятельность. Мурашкин писал в письме, что приедет в Смирно к пятнадцатому июля. У меня было достаточно времени, чтобы опередить программиста. Нужно закончить вычисления как можно быстрее и лететь на Украину в начале июля.

Объяснить свое появление жене тем, что соскучился по детям. Пусть попробует от меня избавиться! Теща и тесть будут на моей стороне. О детях и говорить нечего.

Наметив конкретный план действий, я почувствовал себя лучше. Быстро привел себя в порядок и помчался в экспе-

дицию. Прежде всего нужно было побеспокоиться об авиабилете. Он был нужен на начало июля, а в городской аэрофлотовской кассе билеты продавались за сорок пять дней до вылета.

Официальный путь приобретения билета отпадал сразу. У меня оставался единственный выход, который я так не любил: блат. Влетев в кабине Хазана, нашего экспедиционного диспетчера по авиаперевозкам, я сразу приступил к делу.

– Илья! Ты мне друг или не друг?

Маленький, кругленький Хазан посмотрел на меня с опаской, так как такое начало обычно не предвещало ничего хорошего. Илья боялся, что я опять втяну его в какую-нибудь авантюру, как это уже случалось.

– Друг-то друг, Ведунов. – нерешительно отозвался он. – Только моя мама мне всегда твердила, чтобы я от таких друзей держался как можно дальше.

– На этот раз никаких авантур, Илюша! – поклялся я. – Только просьба! Помоги достать билет на Львов через Москву на начало июля.

Хазан неожиданно взвыл.

– Ничего себе просьбочка! Третье число сегодня! Соображаешь? – он вдруг замолчал. – Погоди. Как ты сказал? Июня или июля?

– Конечно, июля! – отозвался я.

– И тебе что? Действительно надо? – продолжал сомневаться Илья.

– Позарез! – подчеркнул я свою просьбу выразительным жестом.

– Ага! – Хазан успокоился и стал что-то прикидывать, уставившись в потолок.

Я терпеливо ждал.

– Ладно. Позвони вечером. К вечеру я все выясню. Готовь деньги, Юрка.

Уладив дело с билетом, я побежал в спецчасть.

– Здравствуйте, Маргарита Дмитриевна! Можно взять портфель?

– Так ведь скоро обеденный перерыв, Юрий. – удивилась заведующая спецчастью.

– Буду вычислять в обед, Маргарита Дмитриевна.

– Бери. – она пожала плечами.

С обеда я начал вкалывать, как проклятый. Работал так, как никогда не приходилось. Шел на нарушение режима секретности и сдавал вечером Маргарите Дмитриевне полупустой портфель. Тайком уносил к себе домой ведомости и сидел над ними ночами.

Парни в топоотделе поглядывали с удивлением. Они не могли взять в толк, почему я спешу, как при пожаре. Обработать и вычислить шестьсот километров теодолитных ходов за месяц – непростая задача даже для опытного геодезиста.

Высоты я уравнил и вычислил высотную ведомость в рекордно короткий срок – за три дня. На уравнивание и вычисление координат пунктов геофизических наблюдений мне

понадобилось двенадцать дней. Тоже рекорд. Еще два дня я потратил на каталог координат и высот и день ушел на счету его с Ольгой.

Дооформление полевых журналов, схема работ, акты технического контроля и окончательной приемки потребовали еще три дня. За два дня я ухитрился нанести на дикты свои сейсмопрофили в нужных масштабах. Двадцать пятого числа я торжественно положил на стол старшего геодезиста экспедиции папки с готовыми материалами для последней проверки и он тут же подмахнул мое заявление на отпуск.

Авиабилет Хазан достал на третье июля. Таким образом, у меня осталось несколько свободных дней. Но первый день без работы и привычного напряжения оказался подобен пытке. Вновь навалилось ощущение безысходности и надвигающейся беды.

Будь у меня билет на сегодняшнее число – не задумываясь побежал в аэропорт пешком. Напрасно я успокаивал себя тем, что уже четвертого числа к обеду я буду в Смирно, а программист появится только через две недели. Все было напрасно.

За месяц я отошал. Спал не больше двух-трех часов в сутки. Боялся спать, потому что мои сны больше походили на бред. Держался я все эти дни на чае и сигаретах. Не сделал ни одной попытки достать из сейфа книгу Велеса. Не сходил к холму эльфов. Даже на могилу к Мамеду не смог заставить себя сходить. Единственным солнечным просветом для ме-

ня были три сеанса мыслесвязи с дочкой.

Каждый раз, возвращаясь вечером в пустую квартиру, я задергивал двойные плотные шторы на кухонном окне, чтобы ослабить солнечные помехи, включал электрический чайник, ложил рядом сигареты, ведомости и принимался за вычисления. После двенадцати часов я откладывал ведомости в сторону и терпеливо ждал.

В первый раз мыслесвязь получилась ночью пятого июня. Сначала я почувствовал легкое прикосновение к своему сознанию, словно маленькие пальчики стали ласково теребить меня за волосы и немножко ярче загорелась в глубине сознания зеленая звездочка. Чувство нежности заполнило душу. Дочка... Юленька!.. Не забыла!

Я сосредоточился, протянул в сторону зеленого огонька луч мысленной связи с энергетической подпиткой, чтобы дочка не тратила свои маленькие запасы энергии.

– Это ты, папа? – донесся до меня бесплотный голосок. – Папочка, здравствуй! Я соскучилась о тебе!

– Здравствуй, Юленька! Здравствуй, цыпленочек! – я постарался, чтобы моя мыслеречь не оглушила и не напугала дочку. – Я тоже скучаю. По тебе, по Володе и по маме. Как вы живете, маленькие мои?

– Хорошо, папа. Вова помогает дедушке пасти корову, а мы с мамой помогаем бабушке. Я научилась готовить борщ.

Дочкин голосок звенел в моей голове, как маленький колокольчик. Я слушал его и уходила из души боль. Исчезала

тревога. Все заполняла нежность.

– Сейчас Вова спит. Баба с дедушкой – тоже. Я дождалась темноты и стала звать тебя, как ты меня учил, папа. Ты прилетишь к нам? – щебетала дочь. – Я никому не рассказываю, что мы можем разговаривать мыслями. Даже Вове не говорю. А почему мама так не может с тобой разговаривать?

– У нее нет дара, цыпленочек. У Вовы тоже.

– А у меня есть дар?

– Конечно. Ведь мы разговариваем с тобой.

– А другие люди, умеющие говорить мыслями, есть, папа?

– Есть, Юленька. Только таких людей на Земле очень мало.

– Сколько мало?

– Не знаю, дочка.

– Три, пять, десять, двадцать? – продолжала спрашивать Юля.

– Не знаю. Я с ними не разговаривал. Только с тобой.

Так мы болтали с полчаса. Потом я почувствовал, что дочь начинает уставать, и с сожалением пожелал ей спокойной ночи.

– Подожди, папа. Не уходи. – попросила дочь. – Я хотела тебе что-то сказать и забыла. Вспомнила! Приезжай к нам, папочка! Мы все тебя ждем!

* * *

Камнем лежало на душе мурашкинское письмо. Я все думал, что с ним делать. Отправить в Смирно не хватало духа.

В романах я читал, как благородные джентльмены отступали в сторону и предоставляли свободу действий сопернику. Я не понимал, как удавалась такая игра в благородство. Если так поступают интеллигенты – грош им цена.

Ревность – наиболее тяжелое, изматывающее душу чувство. Никогда не поверю, что нормальная семья может распасться легко и без эксцессов. Прежде всего ревность рождает недоверие к любимому человеку. Она послужила запальным фитилем для многих трагедий за тысячелетия человеческой истории. Ревность может сломать человека, испепелить душу, превратить порядочного гражданина в преступника. В кого она превратит меня, если я потеряю семью? Постоянно гадаю – переспала или нет моя супруга с программистом?

Я знал упрямый характер жены. Понимал, что теперь она взвешивает на своих весах меня и Мурашкина. Кого она предпочтет? Может быть в Смирно она образумится? Я жил надеждой, ходил на работу и считал остающиеся у меня до отлета дни...

Ура!.. Двадцать шестого числа у меня дома был настоящий праздник! Из Смирно пришло письмо. От Светланы. В письме жена не обмолвилась о себе ни единым словом, зато сообщила массу подробностей о ребятишках и прислала немудрящие рисунки детей для папы. Для меня этого было больше чем достаточно, чтобы чувствовать себя на седьмом небе.

После сдачи материалов в спецчасть, я постарался больше

на работе не показываться. Шила в мешке не утаишь. После отлета семьи в отпуск я все чаще стал замечать на себе внимательные взгляды экспедиционных женщин. Часто слышал за спиной задыхающийся шепоток. Пару раз мне пришлось резко оборвать наиболее смелых, стремившихся сообщить обжигающую языки новость.

В топоотделе я старался держаться как обычно. Все было бы хорошо, если бы не наша единственная в топоотделе женщина. Старший техник-вычислитель Сверчкова Ольга Тимофеевна. Это была высокая миловидная девица под метр восемьдесят ростом и сногшибательным апломбом.

Ольга появилась в топоотделе три года назад. Попала по распределению из Саратовского топографического техникума. К молодому специалисту прикрепили приказом по экспедиции опытного наставника, то есть меня.

Хватил я горюшка с самоуверенной девицей, пока научил ее вычислять как положено, а не так, как ей хотелось. Иногда от наших столкновений пыль летела во все стороны. Слез и крика тоже было достаточно.

В марте прошлого года она сменила свою девичью фамилию Голенок на фамилию Сверчкова. Вышла замуж за хорошего и спокойного парня, молодого оператора-геофизика нашей сейсморпартии. Мы со Светланой были на свадьбе. Помню, что произнес тост, претендующий на остроумие. Что-то вроде: Даешь больше голенастых сверчат!

Так вот. После получения злополучного письма, Ольга

стала изводить меня намеками. Я терпел, но намеки день ото дня становились прозрачнее. Мое терпение кончилось. Когда Ольга с жесткой усмешкой не знающей сомнений молодости, заявила мне напрямик, что мне лучше всего завести любовницу, я решил проучить нахалку.

– Ну что ты, Оленька! Где в наше время найдешь хорошую любовницу? Кто в нашей конторе на это согласится? Ты, например, пойдешь?

Глаза Ольги широко распахнулись.

– Н-н-нет! – заикаясь ответила она.

– Вот видишь? – я развел руками.

После этого разговора Ольга больше не задевала меня. Старалась держаться от меня дальше. Чему я был рад.

Глава 15

Подвел меня расчет времени! Нужно было меньше полагаться на доводы разума и прислушаться к собственной интуиции, которая предупреждала о приближении беды. Беда пришла, а я оказался не готов. Ринулся в авантюру, не продумав собственные действия. Пренебрег предупреждением книги Велеса о вреде эмоций для магических действий и едва не поплатился жизнью.

Двадцать восьмого числа, около трех часов утра, я вернулся домой с берега Енисея и не успел закрыть дверь, как почувствовал Юлин вызов. Я прошел на кухню и задернул шторы. Вызов был неурочным прошло всего два дня, как мы связывались. Я поспешно подключил свою энергию, чтобы дочка не напрягалась, и Юлин бесплотный голосок ворвался в мое сознание. Она была встревожена.

– Папа! К нам в гости пришел дяденька, которого я видела с мамой в Дудинке возле нашего садика! Он дал нам с Вовой конфет!

– Наверное, это наш знакомый из экспедиции. – попытался я успокоить дочку.

– Ты не понимаешь, папочка! Дяденька не из экспедиции. Он из этого ... бурга. Города, название которого я не запомнила. Они с мамой поцеловались и сидят теперь на крылечке. Разговаривают. А нас с Вовой мама стала сразу уклады-

вать спать, как только дядя приехал на машине.

– Его зовут Сергеем, дочь?

– Ага, папа. Сергеем!

– Бабушка с дедушкой дома? – продолжал спрашивать я.

– Дома. Они на маму и дяденьку сердятся. Не пустили его в дом. Дядя сказал маме, что заберет нас с собой. Он хочет увезти нас отсюда. Сделай что-нибудь па...

Тревожный голосок дочери оборвался на полуслове и сторожевой огонек в моем сознании притух. Кто-то вошел в комнату, внимание дочери раздвоилось и связь прервалась. Я знал, что теперь она примерно пять дней не сможет меня вызвать. Будет восстанавливать потраченную психоэнергию.

Я налил себе в кружку чай, да так и застыл. Надеяться на благоразумие Светланы не стоило. Чертов программист опередил меня на семь дней! Да что дни! Счет времени теперь идет на минуты. У меня осталась единственная возможность: использовать свой дар и раздвоение сознания.

Расстояние, на которое нужно было послать двойника, было слишком большое. Возрастала возможность энергетической помехи, которая могла разорвать тонкую ниточку мыслесвязи. Приходилось рисковать.

Послать двойника по лучу мыслесвязи с дочкой я не мог. Знал, что ее сознание может не выдержать нагрузки. Рисковать здоровьем дочери я не хотел. Оставался путь, который мы с двойником освоили при неудачной посылке в Уяр. Придется двойнику поначалу действовать вслепую. Искать себе

подходящие глаза и уши.

Оставив на столе кружку с чаем, я прошел в большую комнату и вытащил из антресолей школьный глобус. Словно предвидя, что может наступить такой день, я соединил на глобусе Дудинку и точку, нанесенную простым карандашом, обозначающую Смирно.

Я перенес глобус на кухню, поставил на стол и мысленно соединил карандашную точку с маленьким кружком Дудинки. Затем я сел на стул, откинулся на спинку и закрыл глаза. Полное расслабление, затем мысленное усилие, короткая формула магического приказа. И боль. Боль, сопровождающая раздвоение. Вместо одного сознания нас теперь стало двое. Одно мое «Я» осталось в теле, а второе зависло под потолком, окруженное призрачным серым туманом. Оба мои «Я» начали самостоятельную жизнь, соединенные тонкой ниточкой канала мыслесвязи.

– Привет! – усмехнулся двойник, сидевший за кухонным столом – Согласен, что у нас нет другого выхода?

– Думаю, да. – коротко отозвался я.

– Ты готов? – заторопился оригинал. – Нечего медлить.

Поехали!

Передо мной появилось четкое изображение двух точек на школьном глобусе, соединенных светящейся линией. За глобусом виднелись призрачные контуры мебели, находящейся в кухне, внешние стены с перекрещивающимися прутьями арматуры. На призрачном фоне оригинал выглядел

сгустком живого огня, принявшего форму человеческого тела. Его аура переливалась кровавыми сполохами страха и ярости.

Я обхватил кольцом призрачных рук светящуюся линию и меня сразу же понесло куда-то в сторону. Двойник в человеческом теле спешил и дал сильный толчок, но потом быстро исправил ошибку.

Расстояние, на которое он меня отправил, было огромным, но все кажется получилось нормально. Я почувствовал, что путешествие в сером тумане закончилось и я нахожусь в заданной точке, недалеко от поверхности земли.

Я включил свой психолокатор и стал прощупывать окружающее пространство, пытаясь обнаружить рядом присутствие живого существа. Хорошо бы нащупать кошку или ворону, думал я, постепенно увеличивая дальность поиска.

Кошки поблизости не было, хотя я сразу уловил присутствие рядом маленького сонного комочка.

– Птица! – подсказал двойник. – Маленькая сонная птичка. Берем?

– На безрыбье и рак – рыба! – отозвался я. – Попробую вместиться в птичку, если получится.

– Не забудь уплотниться! – предупредил двойник.
– Знаю.

Осторожно, стараясь не спугнуть сонное существо, я позвал и не получил ответа. Позвал еще раз, изменив тональность зова на более высокую. Получилось с третьего раза.

Пришел слабый ответ. Быстрая подстройка, мгновенное усилие воли. Полностью завладев крохотным птичьим сознанием, я немного повозился, стараясь устроиться удобнее. В куце сознания пичуги было мало места. Я уплотнился насколько мог и все равно пришлось худеть, отбрасывая лишнее.

К моему удивлению, глаза птицы хорошо видели в сгущающемся сумраке. Кто ты такая? – подумал я, разглядывая серенькое невзрачное оперение.

– Наверное, соловей. – подсказал двойник. – Ты его не гнезда снял?

– Сижу на ветке. Это самец и хорошо видит в сумерках. Нахожусь в поле. Начинаю искать село.

Я осторожно расправил крылья и, удерживаясь на ветке высокого тополя, завертел головой во все стороны. На севере от меня горело световое зарево. До него было километра два и я мысленно поздравил двойника с удачей.

– Да ладно! Ты, Юрка, лучше поспеши! – пробормотал он.

Я поднял соловья на крыло и он неохотно слетел с ветки, направляясь к редким уличным фонарям. Подо мной тянулась улица с покрытой асфальтом проезжей частью. Скрытые садовыми деревьями добротные кирпичные дома казались непривычно огромными.

Наконец, я узнал место, над которым летел. Летел над нужной мне улицей и был напротив сельского Дома Культуры, откуда было рукой подать до усадьбы тестя. Направил

соловья вдоль улицы к верхнему концу, где стоял в глубине двора знакомый до мелочей кирпичный дом. Перед калиткой к ограде сиротливо жался жигуленок. Новенькая девятка голубого цвета.

– Его! – сразу определил двойник. – Мурашкина! Везет нам на этих Серег!

– Не мешай! – попросил я его.

Соловей бесшумно спланировал на ветку старого орехового дерева, растущего рядом с крыльцом дома. Потом немного повозился на ветке, устраиваясь удобнее, и замер, опустив вниз голову.

С ветки я сразу увидел парочку, устроившуюся подо мной на бетонных ступеньках крыльца. Мужчина и женщина сидели рядышком, подстелив под себя коврик. Светлана была одета в короткое светлое платье, в котором всегда нравилась мне. На плечи она накинула красную шерстяную кофту. Мужчина, сидевший рядом с нею, держал на коленях шляпу, хотя был одет в джинсы и джинсовую курточку. Ауры Светланы и Мурашкина соприкасались.

– Так вот ты какой, Сергей Мурашкин! – думал я, внимательно разглядывая сидящего рядом с женой человека. – Не поленился приехать в Смирно, чтобы разрушить семью и сделать ребятишек сиротами.

Небольшого роста. Худощавый. Умные глаза. Приятные, хотя немного неправильные черты лица. Ничего яркого, запоминающегося. Совершенно заурядная внешность. Прой-

дешь мимо такого на улице и не обратишь внимания.

– Слушай, что она такого в нем нашла? Неужели мы хуже? – спросил меня двойник и я с удивлением услышал в его мысли огромное волнение.

Сам я не испытывал особой тревоги. Может быть потому, что двойник оставался в своем теле и человеческом мозге, в сотни раз крупнее соловьиного? Может быть в крохотном сознании серенькой пташки просто не могли уместиться бурные человеческие страсти?

Мужчина на крылечке наклонился к женщине и положил свою руку на ее обнаженное колено. Женщина мягким, но настойчивым движением убрала руку и одернула подол платьишка. Двойник от этой сцены заволновался еще больше и что-то забормотал, но я не прислушивался. У меня были свои проблемы.

Я знал, что у соловья хороший слух, но дело было в том, что его чувствительность была настроена на высокий звуковой диапазон. Голос жены я разбирал сносно, а голос мужчины, особенно в нижнем регистре, почти не воспринимался сознанием. Я разбирал только обрывки слов.

Пришлось сосредоточиться и перестроить слуховое восприятие птицы. Эмоции двойника мне мешали. Я с трудом закончил настройку и уже потом стал вникать в тонкости диалога, продолжающегося между мужчиной и женщиной.

– Что мы здесь сидим? – раздраженно спрашивал мужчина. – Как юные влюбленные, честное слово! Твои родители

даже в дом не пригласили. Юля конфеты потихоньку на улицу выбросила. Неужели ты до сих пор не объяснила ситуацию? – он помолчал, а затем предложил. – Пойдем, Лана, пройдемся по улице, чем вот так на бетоне сидеть. Или посидим в машине. Там сиденья мягкие.

– Пойми, Сережа, это деревня. – терпеливо и мягко попыталась переубедить его Светлана. – Стоит нам показаться на улице, завтра все соседи будут об этом знать. Судачить.

И внезапно сменила тон на решительный.

– Теперь насчет машины. Не девочка. Догадываюсь, почему про машину помянул. Я еще не решила, Сергей. Если решусь окончательно – у нас все будет, как нужно. И не только в машине.

Мурашкин задумчиво потер лоб.

– Родителей, Лана, я давно уговорил. Согласились. Сразу отправил тебе полный отчет в Дудинку. С датой, на какое число назначен день свадьбы и когда я могу к тебе приехать. Пойми. К свадьбе все готово. Все предупреждены: родители, знакомые.

И он опять настойчиво положил руку на колено Светланы, но она этого не заметила.

– Подожди, Сергей! – резко повернулась она к нему. – Ты сказал, что послал письмо. Куда ты его послал и когда?

– На контору в Дудинку. – улыбнулся Мурашкин. – Не домой же! Твоего домашнего адреса я до сих пор не знаю.

– Я не получала от тебя писем! – медленно произнесла

Светлана. – Когда ты его послал?

– Не помню точно. Кажется, числа шестнадцатого – семнадцатого. Сразу, как вернулся домой и убедил родителей.

– Понятно. – так же медленно сказала жена внезапно севшим голосом. – Значит, оно попало к мужу. Юрке. – Светлана внезапно согнулась и закрыла лицо руками. – Господи, позор-то какой! Наши конторские бабы наверняка не удержались и вскрыли письмо. Потом подсунули Юрке. Представляю, с каким злорадством они перебивают сейчас мои косточки!

– И черт с ними, если так получилось! – сказал Мурашкин. – Посудачат и перестанут. Все равно ты туда больше не вернешься. На развод подашь из Све... Тьфу ты! Из Екатеринбурга.

Светлана подняла голову и посмотрела на него со странным выражением лица, как будто видела впервые.

– Умный ты человек, Мурашкин. – тихо начала она. – Этим письмом крепко перекрыл мне дорогу назад. Все решил за меня. – повысила она голос. – Как будто я не человек, а чурка с глазами. Всей экспедиции и мужу сообщил о наших отношениях. Даже срок свадьбы придумал, как будто уже получил согласие.

– Успокойся, Лана! – попытался остановить ее Мурашкин.

– Успокоиться? Ты о детях моих подумал? – Светлана почти кричала и если бы не окно комнаты родителей, находя-

щеся рядом с крыльцом, я уверен, орала бы во всю глотку. – Каково теперь моему Юрке приходится: Ты тоже подумал? С какими теперь глазами мне возвращаться в Дудинку?

Жена продолжала возмущаться, но я вдруг почувствовал странную трещинку в ее голосе и понял: удар с письмом достиг цели. Программист действительно поставил ее в безвыходное положение.

Я знал болезненное самолюбие жены и сначала был уверен, как она поступит после сообщения о письме: турнет программиста в шею. И ошибся. Видно, Светлана действительно любила Мурашкина.

– Ну что ты, Лана! – растерянно уговаривал Мурашкин. – Действительно, черт знает, как это у меня получилось! Не подумал я, что письмо тебя не застанет.

В голосе программиста почудились фальшивые нотки, но я не мог утверждать этого с уверенностью. Держался он естественно. Обнял гневно глядевшую на него Светлану и это подействовало. Она успокоилась.

– Не надо, Сережа. – тихо сказала она. – Окно рядом. Вдруг мать смотрит... – жена растерянно посмотрела на Мурашкина и уже совсем неуверенно добавила: – Все-таки, Сережа, приглашение на свадьбу нужно отменить... Пока...

И замолкла окончательно. Я смотрел в оба глаза и не узнавал жену. Куда девалась ее категоричность суждений и упрямство? Внизу подо мной, на крылечке сидела другая, не знакомая мне женщина. Она говорила одно, а думала совсем

другое. И она простила программисту то, чего никогда не простила бы мне.

Внезапно меня осенило: Сознательно послал программист письмо в Дудинку. Не Светлане, мне он его послал! Знал хорошо, что не дойдет письмо за десять дней. Не прост программист! – подумал я с легким испугом. – Ох, не прост!

Получалось так, что он все рассчитал. Играл беспроигрышный вариант. Сообщи я в Смирно о письме, или не сообщи – все равно результат один: Светлана должна знать, что письмо отправлено и прочитано, кем нужно.

Мурашкин куда лучше меня знал женскую психологию. Впрочем, мужскую тоже. Мою реакцию на письмо тоже учел. Потому и приехал раньше на пятнадцать дней, чем писал. Не нужна ему была встреча со мной.

– Облапошит он Светлану! – внезапно закричал двойник. – Увезет в свой Екатеринбург!

– Она сама помогает ему в этом. – пробормотал я. – Смотри молча.

Я вдруг почувствовал страшную усталость и нарастающее равнодушие. Ничего не хотел чувствовать, просто регистрировал происходящие события. Смотрел, слушал и передавал картинку двойнику.

Разговор внизу все еще продолжался. Опытный мужчина добился того, чего хотел: Посеял в душе женщины смятение и теперь просто выжидал, когда плод созреет и сам упадет в руки. Он играл теперь неуверенность, но меня уже не мог

обмануть.

– В Дудинке ты думала по-другому! – с досадой нарушил он молчание.

– Верно. – безучастно откликнулась Светлана. – Говорила. Потому что думала только о нас с тобой, да о любви. Забыла, что я не одна. Пойми, Сережа. Непросто лишить детей родного отца, которого они любят.

Говорила она правильно. Вот только тон... Он был совсем не таким, как нужно.

– Хорошо, Лана. Можешь думать еще. – не стал давить на нее Мурашкин, пропуская мимо ушей упоминание обо мне и детях. – Я смогу задержаться здесь не больше десяти дней. Есть дела во Львове... Смешно! – вдруг пожаловался он. – Три дня не выпускал баранки из рук. Намотал на колеса не одну тысячу километров. Спешил, чтобы тебя увидеть... Выходит, приехал вот так просто посидеть на крылечке. Хотя бы чаем напоила, ей-богу!

Светлана по-прежнему отрешенно кивнула головой и встала, оправляя на себе платье. Мурашкин легко поднялся на ноги и пошел рядом, по-хозяйски обняв за талию. Она не отстранялась. Я смотрел, как они вместе поднялись по ступенькам, как за ними закрылась ведущая на веранду дверь.

Все это время двойник теребил меня вопросами, волновался и осыпал проклятиями меня, программиста и даже Светлану. Мне тоже не нравился Мурашкин, но не настолько, чтобы размахивать кулаками, которых у меня, кстати, не

было.

Там, где двойника охватывало бешенство, я чувствовал досаду и ничего больше. Я забеспокоился, когда Мурашкин и Светлана скрылись за дверью. С ветки ореха ничего не было видно. Пока двойник изощрялся в оскорблениях, я сменил наблюдательный пункт.

Соловей, повинувшись моей команде, взмахнул крылышками и перелетел в огород. Сел на ветку вишни, растущей против окон веранды, где, на мое счастье, не были задернуты шторы. Светланы на веранде не было. Пошла готовить чай – догадался я.

Мурашкин сидел на стуле рядом с холодильником. На том стуле, где когда-то любил устраиваться я. Его шляпа лежала на столе и он задумчиво постукивал по ней тонкими, нервными пальцами.

– Мне не нравится, как ты себя ведешь! – заявил вдруг двойник. – Совсем как сонный! Помни, что мы одно целое. Действуй, пока Светки нет на веранде! Иначе будет поздно!

Я медлил. Накал эмоций человека, сидящего за столом в далекой Дудинке, пугал меня своей испепеляющей яростью. Знал, что соловью не выдержать такой ярости больше минуты. Двойник этого не хотел понять.

Светлана вошла на веранду с двумя фарфоровыми кружками, над которыми поднимался легкий парок. Она поставила кружки на стол, пододвинула к Мурашкину сахарницу и вазу с печеньем. Сама села на старенький диванчик у про-

тивоположной стены.

Через стекло мне почти ничего не было слышно из разговора. Я видел, как она поднялась с дивана и под села к столу. С болезненным любопытством я смотрел на Светлану, на ласковую улыбку, обращенную к Мурашкину. На руку, взявшую вторую кружку с чаем. Странно, но мне почему-то начало казаться, что все происходящее – кошмарный сон. Я больше не отождествлял женщину за стеклом веранды с женой. Это была другая женщина, похожая на Светлану, но не она.

Двойник выходил из себя, но мне он тоже казался не настоящим. Похоже, мои эмоции в теле соловья уснули летаргическим сном. Внезапно могучий удар едва не сбросил меня с ветки. Я увидел рядом с собой лохматое чудище с горящими зеленым светом глазищами. Кривые ятаганы когтей огромной лапы тянулись к моему телу. Плотина равнодушия рухнула в один миг. Я ощутил такую волну ужаса, что буквально оцепенел.

– Да кошка это... Кошка! – раздраженно подсказал двойник. – Чего трясешься? Гони ее прочь!

Ощущая, как отчаянно колотится сердчишко птицы, я перевел дыхание и пуганул огромного хищника таким зарядом нервной энергии, что тот слетел в вишни на землю и мгновенно оказался на другой стороне огорода.

Спасибо кошке! От неожиданной эмоциональной встряски я словно проснулся. И проснувшись сознанием принял

в себя боль и тревогу двойника, ощутил ужас своей затянувшейся драмы.

Мужчина и женщина на веранде уже не пили чай. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу. Глаза одного смотрели в глаза другого. Губы медленно сближались. Я видел, как медленно уступает женщина настойчивым притязаниям мужчины. Как становится под его руками безвольно податливым ее тело.

– Допрыгался, идиот! Дождался! – злость на самого себя и Светлану, яростная ненависть к программисту охватили сознание.

Я успел увидеть, как рука мужчины потянулась к выключателю, и вдруг понял, как забурлила вокруг меня, не сдерживаемая больше никаким мысленным контролем, энергия. Ярчайшая вспышка, изменяющая вокруг меня само пространство, опаляющая волна жара, грохот и гул...

На веранде мигнул и погас электрический свет. Потом веранда на мгновение скрылась за завесой огненной сферы и вновь появилась в поле зрения. Внезапно я понял, что уже не сижу на ветке, а, пробив огненную пелену, лечу вперед, стремительно набирая скорость.

Как пуля, выпущенная из винтовки! Как ракета, идущая на перехват по лучу локатора! Я несся прямо на стекло, за которым застыли в объятиях двое. Что-то кричал двойник, но мне было не до него.

Потом был ошеломляющий удар, потрясший маленькое

тело. Вспыхнула в сознании раздирающая мышцы боль. Хрустальный звон разбитого стекла отозвался в потрясенном и гаснущем сознании дикой радостью: Я прорвался!

– Я прорвался! Слышите вы?.. Я прорвался и теперь буду вершить свой суд над вами обоими, как положено настоящему мужчине!

За несколько мгновений, которые оставались до темной пропасти беспмятства, я успел сделать почти все, что хотел: Успел выкрикнуть в лицо повернувшейся ко мне женщины оскорбление, успел еще раз взмахнуть слабеющими крыльями и нацелить разбитый клюв в широко раскрывшийся глаз глядевшего на меня Мурашкина. Я начал было мысленно произносить короткую формулу магического приказа, но, кажется, не успел...

Мне осталось досказать немного. До недавней поры я не знал, удалось мне или нет, находясь в теле маленькой птички, наказать беспмятством своего соперника. Во всем, что произошло, я был виноват сам. Долго медлил. Ждал, когда жена сама отправит прочь наглого программиста. Нужно было сразу отдать приказ его сознанию, не обращая внимания на присутствие Светланы. Потом было поздно.

Светлана до сих пор о том вечере не произнесла ни единого слова. Я тоже не касаюсь этой темы. Очнулся я в дудинском стационаре через несколько дней, с диагнозом сильнейшей депрессии и полного нервного истощения. В тот злопо-

лучный вечер я сжег свою психоэнергию за несколько коротких мгновений.

Я был слишком слаб, чтобы что-то предпринять, когда очнувшись, обнаружил рядом с больничной койкой осунувшееся лицо жены. Я смог отвернуться и лежал так до тех пор, пока она не ушла.

Приходили ребята из топоотдела. Однажды вечером в палату пробрался Сан Саныч и притащил гору фруктов. Мне было все равно. Исчезли эмоции. Вместе с ними не стало горя, не было радости и ушла тяга к жизни. В яростном и безрассудном броске, когда я сумел разбить стекло и влетел на веранду, мною была потеряна лучшая часть своего «Я». Теперь в душе осталась гулкая пустота и холодное равнодушие.

Светлана упорно продолжала приходить в палату каждый день. Я догадывался, чего ей это стоило. Но мне не нужна была ее жестокая игра в благородство. Тем более не нужна жалость. Она пыталась несколько раз что-то сказать, но я отворачивался и прятал голову под подушку. Ничего не хотел знать, не хотел слышать, не желал вспоминать. Не хотел видеть женщину, ставшую для меня чужим человеком.

Так продолжалось до тех пор, пока в палату не вошли, держась за руки, дети. Мальчик лет пяти и девочка с огромными, тревожно смотревшими на меня, глазами. Я смотрел на детей и вдруг почувствовал, как на глазах наворачиваются слезы и бегут по заросшим щетиной щекам. Это были слезы радости и первые признаки начинающегося выздоровления.

Несколько дней спустя дочь рассказала мне конец событий того позднего вечера и сообщила причину, почему они оказались в Дудинке. В доме вдруг послышался протяжный, похожий на раскат грома, грохот. Потом долгий мамин крик на веранде.

Дедушка с бабой бросились туда. Дяденьки на веранде не было. Сама веранда была залита ослепительным светом, исходящим от огромного, трехметрового диаметра, шара, почти полностью вобравшего в себя крону растущей напротив веранды вишни.

Мама стояла спиной к стене и с ужасом смотрела не на огненный шар, а на стол. Над столом в воздухе летали серенькие перышки. Между двумя кружками копошился взъерошенный, окровавленный комочек. Он пытался встать на сложенные ножки, взмахивал уцелевшим крылышком. Сам все тянул маленькую головку к стоящей у стены женщине и высвистывал... Именно высвистывал слабеющим голосом самые страшные оскорбления...

Тем же утром в Дудинке меня обнаружила соседка. Она заметила приоткрытую входную дверь и заглянула, влекомая извечным женским любопытством. А вечером того же дня запыхавшаяся Смирновская почтальонша принесла телеграмму-молнию, в которой сообщалось о том, что Ведун Ю.А. доставлен в городской стационар в тяжелом состоянии.

Что касается дара, то я его больше не чувствую. Боюсь,

что он сгорел в том сияющем шаре и не вернется больше. Кое-что, правда, осталось. Я по-прежнему вижу ауру окружающих меня людей, но и только.

Недавно я предпринял отчаянную попытку. За три с половиной часа, со многими передышками, добрался до холма эльфов. Погрузил пальцы рук в трепетное живое пламя и... не ощутил ничего! Был один момент, когда в сознании что-то шевельнулось. Так иногда вздрагивает и шевелится полностью атрофированная мышца. Все!.. К холму эльфов нужно приходиться сильным и уверенным в себе человеком. – понял я. – Не развалиной, как я сейчас...

Свои записки я начал отстукивать на пишущей машинке вскоре после возвращения из больницы. Что остается человеку, у которого нет-нет да и закружится голова, засбоит сердце, станут ватными и непослушными ноги? Сидеть на бюллетне – не веселое занятие для мужчины, недавно легко скидывавшего двухсотлитровые бочки с бензином на передок грузовых тракторных саней.

Врачи перед выпиской уверяли меня, что со временем все придет в норму. Надеюсь, что врачебный прогноз оправдается. Пока мне больше приходится лежать, глотать горькие пилюли иностранного производства, которые ухитрилась достать Светлана.

Разговариваем мы с ней мало. Я стараюсь обслуживать себя сам и держусь от нее как можно дальше. Это трудно осу-

ществить, живя в одной квартире. Мне не нужна ее запоздалая и обидная жалость. Не хочу привыкать и испытывать во второй раз адские муки, когда она вновь соберется уходить.

Дети – единственное, что нас пока связывает. Семейная жизнь дала трещину и я не думаю, что ее можно опять склеить. Плохо другое. Дети видят наши отношения со Светланой и мечтают, бедненькие, между мной и мамой. Недавно я подслушал, как Володя с Юлей обсуждали: что они станут делать, если папа с мамой не будут жить вместе. Вовка решил сразу:

– Я – с мамой!

Дочка долго колебалась, пока не решила.

– А я с папой. Папа хороший и мне его жалко!

Ну вот! Пошла трещина через детские души! – с горечью подумал я. Картина, что передал двойник в последние секунды, превратилась в кошмар, который постоянно стоит перед глазами: Ярко освещенная веранда и лица двух людей, глядящих друг другу в глаза. Я не мог от нее избавиться, пока Светлана находилась рядом.

Четко знал одно – за счастье нужно платить. За восемь лет счастья, что подарила мне эта женщина, за возможность в течение последнего месяца видеть своих ребятишек, я был готов вытерпеть горшую муку.

Вчера вечером пришло письмо от Мурашкина. Я забирал из почтового ящика газеты и сразу узнал на конверте знакомый почерк. Значит, не успел двойник отдать ему приказ –

понял я – иначе бы он все забыл. И тут надул программист. Знал он, выходит, наш домашний адрес.

Я не стал углубляться в размышления на эту тему. Взял газеты, сунул конверт в середину и положил газеты на кухонный стол перед Светланой. Сам вышел и направился в детскую. Я напрасно ждал вечер и следующий день. Светлана молчала и вела себя так, словно письма не было.

– Уехала бы ты куда-нибудь на месяц или два. – предложил я Светлане. – Без тебя, в заботе о детях, я поправлюсь намного быстрее. Потом ты вернешься за ребяташками, а я постараюсь улететь в тундру.

Светлана яростно сверкнула на меня очками.

– Дурак ты, Юрка! – неожиданно заорала она, да так громко, что я отшатнулся. – Неужели не понимаешь, что я тоже не могу жить без них? Что только они меня сейчас поддерживают! – и шепотом добавила. – И без тебя, Ведунов, тоже жить не смогу...

У меня на мгновение перехватило дыхание, но я справился. Нельзя было верить женщине, только что получившей письмо от любовника. Неужели она надеется, что я его не заметил? Хорошо! Не хочет упоминать о письме, я тоже не буду. Пусть тешится мыслью, что ее бывший муж – дурак набитый... Неужели она добивается своим упрямством, чтобы я ее возненавидел?

– Света! – обратился я. – То, что у нас с тобой было, ушло навсегда. Не вернется больше. Уезжай!

Она ничего не ответила, только упрямо сверлила глазами. Я почувствовал охватившую меня слабость и побрел к своему дивану. В больнице у меня было достаточно времени, чтобы все хорошо обдумать и смириться. Выписавшись из стационара, я хотел было направиться в экспедиционное общежитие, но Светлана набросилась на меня чуть ли не с кулаками.

– Ты что, Ведунов? – шипела она разъяренной кошкой. – Хочешь, чтобы обо мне в конторе опять стали говорить всякие гадости? Окончательно опозорить хочешь?

И решительно приказала:

– Топай домой, Ведунов! Домой!..

Я молчал. Она заглянула мне в глаза и прочла в них такое, что отпрянула в сторону, как от удара. Но не отступила.

– Я тебя прошу, Юра! Очень прошу! – по щекам Светланы катились слезы. – Хочешь, я на колени перед тобой встану? Дома тебя ждут дети.

Я уступил настойчивым уговорам, но знал, что уступаю в последний раз...

За окнами последняя декада августа. По ночам все сильнее сгущаются сумерки. Юго-западный ветер низко несет над городом серую вату облачности. В стекла барабанит дождь и гремит жестью ветер. Близится северная осень. Не за горами зима с ее снегами, темнотой, пургами. В конце октября начало полевого сезона. Смогу ли я одыбаться к этому времени?

Утром, без пятнадцать восемь, Светлана уходит на автобус с ребятами. Она отводит детей в садик и оттуда спешит на работу. В опустевшей квартире сгущается тишина. Когда она становится совсем невыносимой, я ухожу в большую комнату. Достая из чехла портативную пишущую машинку и начинаю с остервенением стучать по клавишам, пока Светланы и детей нет дома.

Стараюсь очистить душу от скопившейся в ней грязи, вылить на бумагу и освободиться от кошмара. Возможно, кому-то покажется мелкой и не стоящей внимания наша семейная драма. Не буду спорить с такими людьми. Это действительно обыденная тема: Мужчина и женщина. Отношения друг с другом. Любовь и верность. Ненависть и измена.

Когда ко всему добавляются дети, да еще немного магии, получается такой запутанный клубок, что в нем вряд ли сможет разобраться талантливый, дипломированный психолог.

Обложка книги: Для обложки книги используется фотография моего отца из личного архива.